
18

+

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

Лекціи

Орд. Проф. П. Г. Виноградова.

Читанныя на Филологич. Фак. Московскаго Университета

Въ 1897/8 уч. году.

Второе Изданіе, печатанное безъ перемѣнъ съ I-аго для Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

1899-1900 г.

Введенiе.

КРАТКIЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРIОГРАФIИ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVII И XVIII ВѢКОВЪ. Въ началѣ своего курса средневѣковой исторiи я считаю необходимымъ намѣтить путь, которымъ шло развитiе исторической литературы, ставившей своей задачей изученiе среднихъ вѣковъ. Конечно, подробная характеристика различныхъ школъ и направленiй потребовала бы слишкомъ много времени, но мнѣ кажется, что, приступая къ курсу, касающемуся одной изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ эпохъ въ исторiи человѣчества, не лишнее будетъ орiентироваться въ нѣкоторыхъ общихъ теченiяхъ нашей исторической науки. Это дастъ намъ руководящую точку зрѣнiя и отчасти подскажетъ планъ изложенiя, а кромѣ того поможетъ избѣжать нѣкоторихъ заблужденiй. Въ исторической наукѣ легче, чѣмъ во всякой другой, при извѣстной неосторожности, при нѣкоторомъ излишнемъ радикализмѣ и желанiи получить сразу все или ничего, можно придти въ отчаянiе; можно подумать, разбираясь въ контроверсахъ по отдѣльнымъ вопросамъ, да гдѣ же, наконецъ, истина? и можетъ ли она существовать при такомъ разнообразiи школъ и направленiй? Однимъ словомъ является излюбленный аргументъ противъ исторической науки, который нѣкоторые счита-

Литографiя Богданова, Эртелевъ пер. № I-ый

ютъ очень сильнымъ, опирающійся на то, что она будто бы сжигаетъ то, чему поклонялась и поклоняется тому, что сжигала. Хотя я считаю подобный упрекъ частью неразумнымъ, всетаки нахожу необходимымъ прежде всего отмѣтить, какъ въ исторіографіи въ теченіе весьма длиннаго періода постоянно шли споры и какъ въ то же время школы, уступая мѣсто другъ другу, оставляли каждая крупное наслѣдство. И вотъ я обращу ваше вниманіе сначала на то, что представляла историческая наука въ прошлые вѣка.

Въ XVII и XVIII вв. историческая наука уже существовала. Были люди, которые занимались ею, занимались со страстью и оставили послѣ себя огромные труды. Но къ чему можно свести основныя направленія того времени? Всѣ работы распадаются на двѣ группы, изъ которыхъ ни одна не удовлетворяетъ съ современной точки зрѣнія требованій исторической науки, не отвѣчаетъ на запросы, которые въ настоящее время стали общимъ мѣстомъ. Съ одной стороны мы видимъ трудолюбивыхъ работниковъ, поражающихъ своей эрудиціей, но не стремящихся къ общимъ выводамъ философскаго свойства. Примѣромъ подобной колоссальной эрудиціи могутъ служить лучше всего бенедиктинцы, трудолюбіе которыхъ вошло въ пословицу. Работы Мабильона и Буке просто поражаютъ своей обширностью и количествомъ потраченнаго на нихъ труда. Но чѣмъ руководились историки въ своихъ повѣствованіяхъ о благочестивыхъ царяхъ и благовѣрныхъ царицахъ, о святыхъ и т. д.? Они руководились безсознательнымъ инстинктомъ, который подсказывалъ имъ, что необходимо собирать факты прошлаго. Они добросовѣстно собирали и записывали ихъ, но не могли отдать себѣ отчета, ради чего они это дѣлаютъ. Совершенную противоположность имъ пред-

ставляетъ группа людей, которые, быть можетъ, не много прочитали и написали книгъ, но написали изъ головы; люди съ громкими именами, принадлежащіе къ типу французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ просвѣтителей XУIII в. Вв своемъ отношеніи къ историческимъ фактамъ они отправляются отъ того взгляда, что факты эти интересны не сами по себѣ, а лишь постольку, насколько они служатъ къ выясненію извѣстныхъ явленій. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся тутъ съ критикой иконоборцевъ, людей, которые чувствуютъ, что старый порядокъ, противъ котораго они борятся, коренится въ прошедшемъ и относятся съ отрицаніемъ къ тому дальнему прошлому, ненавистному имъ въ настоящемъ. Я назову двухъ крупныхъ представителей раціонализма XУIII в., стремившагося на мѣсто хаоса, созданнаго старымъ порядкомъ, поставить царство разума, добра и справедливости, назову англичанина Болингброка и француза Вольтера. Какъ смотрѣли они на исторію? Болингброкъ, человѣкъ со скептическимъ умомъ, тонкій политикъ- практикъ, посѣдѣвшій въ парламентскихъ бояхъ, знакомый съ политическими кулисами. и не привыкшій обманывать себя декораціями, интересовался исторіей, но интересовался только съ точки зрѣнія самаго беспощаднаго, узкаго и непосредственнаго утилитаризма. Исторія казалась ему необходимой, но для чего? Для того, чтобы наводить справки для настоящаго, при законодательной работѣ, литературной политикѣ и т. д. Подобный утилитарный взглядъ на исторію походитъ на точку зрѣнія, которая и теперь встѣчается у архивныхъ чиновниковъ. Для нихъ архивъ, напр., XУII в. представляется мало интереснымъ, потому что о немъ почти всѣ забыли, кро-

мѣ нѣкоторыхъ чудаковъ, любящихъ перечитывать пыльныя дѣла; для важно то, что близко къ нашему времени, что можно потребовать на справку, т. е. новѣйшая исторія. Такимъ образомъ Болингброкъ, хотя и принадлежалъ къ типу просвѣтителей, держался относительно исторической науки крайне близорукаго взгляда, который для насъ просто страненъ. Для насъ уже такъ ясно, что въ настоящее время дѣло идетъ не только о подготовленіи законопроектовъ и всякаго рода злобахъ дня, а поднимаются вопросы, которые потому и важны, что они общечеловѣческіе, касающіеся и древней и средней исторіи, - что мы почти отказываемся вѣрить, чтобы такой сильный умъ, какъ Болингброкъ, могъ такъ грубо заблуждаться. Ученикъ Болингброка Вольтеръ не такъ рѣзко выставилъ точку зрѣнія практическаго утилитаризма, но въ сущности и его отношеніе къ прошлымъ временамъ теперь кажется весьма страннымъ. Онъ является, прежде всего, нравственнымъ судьей, человѣкомъ, который разрѣшаетъ и вяжетъ, осуждаетъ и оправдываетъ, и смотритъ на прошлое съ точки зрѣнія своихъ излюбленныхъ идей. Среднимъ вѣкамъ особенно достается: это время мрака, господства ненавистной церкви, которая все давила въ это время, когда человѣкъ не мыслилъ, когда не было народа, какъ опредѣленнаго сословія. Въ подобномъ прямо враждебномъ отношеніи ясно виденъ человѣкъ, который борется со средними вѣками въ настоящемъ.

Но уже въ XУIII в. замѣчается небольшая группа людей, которая проторяетъ дорогу для будущаго большинства и стоитъ на точкѣ зрѣнія, ставшей теперь общераспространенной. Я назову двухъ мыслителей - Монтескье и Гердера, въ двухъ направленіяхъ намѣтившихъ философски историческую работу XIX вѣка. Монтескье попытался перевести Аристотеля на новые языки, перевести, только не

въ прямомъ смыслѣ слова, оставаясь въ области древнихъ понятій и отношеній, давно утратившихъ значеніе. Монтескье сдѣлалъ больше онъ взялъ Аристотеля не для того, чтобы перевести слова, а для того, чтобы по образцу политики Аристотеля создать политику новаго времени. Ему приходилось принимать во вниманіе то, о чемъ Аристотель не зналъ, исторію Рима, средневѣковую, и Монтескье все это попробовалъ сдѣлать. Вы найдете у него огромную начитанность остороумное толкованіе фактовъ прошлаго итальянскихъ республикъ, римской имперіи, англійскихъ конституціонныхъ порядковъ и пр. Въ его работѣ много погрѣшностей, недомолвокъ, недоказаннаго, но общій планъ замѣчателенъ. Этотъ умственный переводъ Аристотеля на языкъ новыхъ отношеній есть вещь единственная въ своемъ родѣ представлявшая первую попытку намѣтить общіе законы историческаго единообразія. Совершенно другимъ типомъ является его товарищъ въ умственномъ отношеніи - Гердеръ. Послѣдній плотью и кровью принадлежалъ къ нѣмецкому Sturm und Drang, былъ проникнутъ гуманностью и интересомъ къ прогрессу, и старался постоянно среди однообразія историческихъ явленій отыскать извѣстный выходъ изъ даннаго положенія, извѣстное поступательное движеніе, приростъ историческаго капитала, старался указать тѣ удары рѣзца, при помощи которыхъ изъ мертваго матеріала создается статуя. Онъ искалъ прогресса не только въ сознательной работѣ мыслителей и законодателей, но и въ постоянномъ развитіи народной жизни. У него уже открылись глаза на то, что дѣйствительнымъ творцомъ исторіи является не личность или не личность главнымъ образомъ, а народъ, дѣйствующій главнымъ образомъ черезъ личность. И вотъ Гердеръ первый далъ замѣчательную формулу прогресса, въ которой слишкомъ безусловно проводилъ великую идею, къ которой впослѣдствіи вновь

и вновь обращались, идею совершенствованія, побѣды жизни надъ мертвыми силами. Такимъ образомъ на примѣрѣ Гердера видимъ, что уже въ XУIIIв., несмотря на недостаточность историческихъ знаній, проводилась точка зрѣнія весьма замѣчательная, но только она была достояніемъ незначительнаго меньшинства.

РЕВОЛЮЦІЯ И РЕАКЦІЯ. Девятнадцатый вѣкъ тѣмъ замѣчателенъ, что непосредственно передъ нимъ совершился переворотъ, который стихійной силою толкнулъ мыслящее человѣчество къ новому пониманію исторіи Подобныя перемѣны въ воззрѣніяхъ происходили всегда вслѣдствіе очень сложныхъ причинъ, при чемъ исторія мысли идетъ параллельно съ исторіей общественныхъ классовъ, - и начало исторической науки XIX в., безъ сомнѣнія, коренится въ переворотѣ, называемомъ великой французской революціей. Не только во Франціи , но въ сущности во всей Европѣ, старый порядокъ рухнулъ со страшнымъ трескомъ и одно время можно было думать, что наступила новая, болѣе совершенная, эпоха. Но черезъ нѣсколько лѣтъ оказалось, что, хотя извѣстные результаты получились, жизнь начинаетъ идти по старому. Революціи не удалось уничтожить національныхъ перегородокъ, не удалось упрочить республиканскую свободу, не удалось даже сразу уничтожить сословныя привиллегіи, и все, что казалось съ теоретической точки зрѣнія идущимъ противъ природы и разума, все это начало возрождаться подъ вліяніемъ реакціонныхъ, темныхъ силъ. И вотъ революція и реакція, послѣдовавшая за ней, заставили людей обратиться къ исторіи, заставили спросить: въ чемъ разгадка странной живучести нѣкоторыхъ отношеній, уже опровергнутыхъ съ каѳедры и въ литературѣ? Школа, которую прошла Европа въ концѣ XУIII и въ первыхъ годахъ XIX в., была въ то же время лучшей школой для исторической критики. Опредѣляющее значеніе этого факта въ исторіи признано всѣми. Нибуръ, первый великій представитель исторической науки нашего вѣка, человѣкъ въ общемъ

консервативный, относившійся къ революціи враждебно, прямо говорит что сталъ заниматься исторіей, сталъ искать въ ней отвѣта на существенные вопросы настоящаго потому, что понялъ всю важность ея при видѣ громадности совершившагося переворота. Европа произвела надъ собою своего рода анатомическій экспериментъ, при которомъ обнажились самые нервы политическихъ и нравственныхъ отношеній.

Подъ вліяніемъ выше указанныхъ факторовъ стала образовываться коренная движущая идея, которая потомъ была воспроизведена въ работахъ цѣлой школы, эта идея исторической преемственности, прямо отвѣчавшая на политическіе запросы революціи. Первая историческая школа, которую для краткости назовемъ романтической, была реакціоннаго направленія; въ противуположность раціонализму XVIII в., въ противоположность мысли, что можно политику, и религію, и общественную жизнь реорганизовать однимъ взмахомъ разъ навсегда, - она выдвинула значеніе безсознательныхъ силъ, выдвинула до преувеличенія, до того, что совсѣмъ забыла о силѣ разума и стремленіи человѣчества къ совершенствованію .По мнѣнію романтиковъ , сила исторической преемственности, дѣйствуя черезъ физическую наслѣдственност и другіе факторы, даетъ будущему извѣстную окраску, плохую или хорошую, при чемъ дѣйствуетъ какъ на человѣка рефлектирующаго, такъ, и на того кто живетъ преимущественно растительной жизнью,ограничиваясь въ области мысли самымъ необходимымъ. При этомъ особенно важную роль играютъ высшіе классы, которыми слишкомъ часто пренебрегаютъ, но которые живутъ рядомъ прогрессовъ, необходимыхъ для высшаго развитія человѣчества. Раціоналисты XVIII в., возставая противъ аристократіи, всегда думали о своемъ кругѣ, объ интеллиген ціи, всегда игнорировали народъ и потому ставили такъ безусловно ... построенія. Вотъ въ противоположность подобному воззрѣнію к

образовался новый взглядъ на историческій процессъ и получилась вся атмосфера романтизма, который съ силой выигралъ въ 20 и 30 год. XIX в. и отзвуки котораго слышатся даже до сихъ поръ. Выяснивъ главную идею романтической школы, мы должны теперь обратить вниманіе на то, въ какія конкретныя формы она воплощалась. И прежде всего обращаетъ на себя вниманіе одна область изученія, которая занимаетъ совершенно отдѣльное мѣсто среди другихъ, въ исторію номинально не входитъ, но въ сущности является прямо исторической, - это изученіе языка. Въ началѣ XIX в. въ связи съ выясненіемъ роли безсознательнаго народнаго творчества,открылись глаза на фактъ, который пытливые умы XVIII в. много разъ замѣчали, но давали ему весьма странныя, на нашъ взглядъ, объясненія, -это фактъ образованія и роста языка. Тутъ дѣло шло не о филологіи въ тѣсномъ смыслѣ, а о сравнительномъ языковѣдѣніи, наукѣ философски-исторической по своимъ основнымъ выводамъ и тѣсной связи съ исторической литературой. Боппъ, первый составитель сравнительной грамматики, много занимался изученіемъ права, учрежденій и т. п. Но къ чему же пришли въ вопросѣ о ростѣ языка? Къ преобладающему значенію безсознательныхъ элементовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что отдѣльныя слова сознательно выдуманы, но это только отдѣльныя слова, а языкъ, какъ цѣлое, выросталъ въ силу совокупности микрометрическихъ измѣненій и толчковъ, среди которыхъ всякая выдумка теряетъ значеніе. Вотъ въ этомъ отношеніи между XVIII и XIX вв. лежитъ цѣлая пропасть. Въ XVIII в. представляли себѣ языкъ чрезвычайно искусно продуманнымъ орудіемъ, явившимся въ результатѣ сознательнаго, индивидуальнаго творчества; а въ XIX в. смотрятъ иначе, изучаютъ фонетику и морфологію языка и трактуютъ о немъ съ естественно исторической точки зрѣ-

нія. Только послѣдніе могикане XIX в. могли остаться при старыхъ воззрѣніяхъ на развитіе языка. Однимъ изъ нихъ, напр., является Бональдъ, который написалъ книгу о языкѣ, гдѣ высказалъ мнѣніе, что языкъ сообщенъ свыше первому поколѣнію людей для того, чтобы отличить ихъ отъ звѣрей и приблизить ихъ къ небу; получилась, такимъ образомъ, смѣсь раціонализма XУIII в. съ религіозной реакціей XIX в. Міръ не внялъ гласу Бональда и продолжалъ смотрѣть на языкъ глазами языковѣдовъ. Разъ отмѣчена была область, въ которой очень рѣзко высказывалась естественно историческая подкладка человѣческаго прогресса, подкладка, которая въ другихъ областяхъ маскировалась тѣмъ, что въ нихъ прогрессъ развитія былъ глубже и безличнѣе, разъ явилась подобная идея, необходимо было идти далѣе. И вторымъ шагомъ по новому пути былъ взглядъ Савиньи на происхожденіе права. Его заставили высказаться чисто случайныя практическія обстоятельства: у него спросили можно ли передѣлать мѣстныя юридическія правила нѣмецкаго народа на французскій ладъ, по образцу Code Napoléon. На этотъ практическій вопросъ Савиньи отвѣтилъ практическимъ же нѣтъ, но обосновалъ его философски-исторически. Онъ доказалъ, что право нельзя замѣнить и передѣлать въ силу административныхъ распоряженій, какъ нельзя сразу уничтожить языка; правовыя отношенія выростаютъ гдѣ-то въ глубинѣ народной жизни и только въ высшихъ своихъ проявленіяхъ доходятъ до сознательнаго творчества отдѣльныхъ лицъ, причемъ это творчество, чтобы быть дѣйствительно плодотворнымъ, должно держаться на почвѣ народнаго юридическаго міровоззрѣнія. Если оно не оставитъ этой почвы, то можетъ быть примѣнено къ дѣйствительности, въ противномъ случаѣ одно изъ двухъ: или насильственное искаженіе и безплодная трата времени

и труда. Такую идею провелъ Савиньи въ отношеніи гражданскаго права. Но можно ли было на этомъ остановиться? Необходимо было идти далѣе, взять государственное право и признать, что учрежденія и политическія движенія также являются въ значительной степени результатомъ растительныхъ процессовъ, которые выходятъ изъ круга извѣстныхъ историческихъ лицъ, а захватываютъ широкій кругъ личности- народа. Разъ установлена была такая точка зрѣнія, естественно, является вапросъ на выясненіе условій, которыя каждый народъ долженъ считать нормальными для себя и съ которыми каждый политическій дѣятель принужденъ считаться для того, чтобы работа его была плодотворна. И реакціонная школа первая занялась выясненіемъ народной психологіи. Сравнительно съ XVIII в. прогрессъ былъ огромный. Въ XVIII в., какъ извѣстно, смотрѣли на древніе и средніе вѣка съ точки зрѣнія современности, а въ XIX в. появилось критическое отношеніе къ прошлому. Нибуръ первый требовалъ, чтобы историки начинали съ изученія субъективныхъ условій данной среды. Въ частности Нибуръ оперировалъ надъ народными характерами; ту же идею потомъ разрабатывали Савиньи и Эйхгорнъ; потомъ она стала общимъ достояніемъ, и отсюда пошли всѣ національныя школа - латинская, германская и славянофильская, которыя обратились прежде всего объ опредѣленіи основныхъ чертъ народной психологіи и дали рядъ отвѣтовъ, въ сущности очень туманныхъ и сильно отзывавшихся духомъ настоящаго. Я не буду распространяться относительно всѣхъ частностей указаннаго мною движенія, но всетаки считаю необходимымъ показать на отдѣльныхъ примѣрахъ, какъ подъ вліяніемъ національной точки зрѣнія складывались мнѣнія по частнымъ вопросамъ. На что уже кажется неспособна возбудить

горячую полемику вопросъ о происхожденіи феодализма; матеріалъ приходится разрабатывать сухой: грамоты, отрывки изъ варварскихъ "правдъ" и т.п.;а между тѣмъ посмотрите какъ его стали рѣшать. Двѣ школы, представители двухъ національностей вступили между собой въ горячій споръ. "Романисты" доказывали, что феодализмъ есть результатъ одичанія римскихъ культурныхъ порядковъ подъ вліяніемъ грубыхъ германцевъ, которые все перепутали. "Германисты", поклонники германской національности Эйхгорнъ, Вайцъ, Ротъ и др., выступили съ отрицаніемъ положенія романистовъ, будто германцы принесли съ собою духъ варварства и разрушенія, - и доказывали, что они дали разлагавшейся римской имперіи запасъ здоровыхъ непочатыхъ силъ; а если въ первое время подъ ихъ вліяніемъ частныя стремленія и одерживали верхъ надъ общими, то въ этомъ сказалась основная черта германскаго духа - склонность къ диффе ренціаціи, между тѣмъ какъ основная черта латинскаго - склонность къ концентраціи. Много можно было бы привести примѣровъ изъ исторіографической литературы, чтобы показать, какъ реакціонная школа составила цѣлый музей, въ которомъ каждая національность имѣла свой ярлыкъ, но не слѣдуетъ забывать и томъ, что она въ концѣ концовъ всетаки сдѣлала не малый вкладъ въ сокровищницу исторической науки . Стоитъ назвать замѣчательную работу Гримма по германской мифологіи, въ которой онъ занимается изученіемъ германскаго народа какъ своего рода личности и которая сохранила жизненное значеніе до настоящаго времени. Наконецъ можно указать на то, какъ разбирался реакціонной школой о роли католической церкви. Въ XVIII в., подъ вліяніемъ просвѣтительной литературы, ученнѣйшіе люди смотрѣли на нее, какъ на колоссальный заговоръ противъ человѣческой свободы, какъ на чрезвычайно искусно придуманную адскую машину для удержанія человѣчества въ рабствѣ, а въ XIX в., въ связи съ

реакціонной школой, начинается возвеличеніе католицизма и возвращеніе къ нему. Фридрихъ Шлегель, напримѣръ, начавшій жизнь въ XVIII в., поклонникъ крайняго философскаго трансцендентальнаго идеализма не признававшій ничего, кромѣ личности, - кончилъ тѣмъ, что отказался отъ культа личнаго совершенствованія, вступилъ въ лоно единой спасающей католической церкви, отказался отъ всѣхъ своихъ сомнѣній сказавъ себѣ: я долженъ вѣрить. Подобный же переворотъ въ своемъ міровоззрѣніи пережила вся эпоха. Вмѣсто борьбы съ церковью являются конкордаты, соглашенія, священные союзы, попытки возстановить ея матеріальную силу. Всѣ эти попытки носятъ реакціонно-политическій характеръ, но общее движеніе, несомнѣнно , духовнаго свойства - являясь не только результатомъ соглашенія государственныхъ людей и общей усталости, но и результатомъ признанія того факта, что религіозная жизнь, хотя она изъ разума и не выводится, а держится въ значительной степени на авторитетѣ священнаго писанія и преданія, тѣмъ не менѣе удовлетворяетъ исконной потребности человѣческой природы. Подъ вліяніемъ подобныхъ вѣяній создалось не мало историческихъ работъ,и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., во "Всеобщей исторіи" Лео или въ "Исторіи Григорія VII" Гфрёрера, встрѣчается прямо какое то благоговѣніе передъ великой теократіей, которая сумѣла организоваться среди средневѣковыхъ неурядицъ, сдѣлала попытку устроить царство Божіе на землѣ, возвысилась надъ національностями и проповѣдывала общій миръ.

Вотъ въ какихъ разнообразнихъ формахъ проявилась новая мысль, доходя иногда до крайности и выставивъ нѣсколько основныхъ положеній: I| объ органическомъ процессѣ развитія, 2| о воздѣйствіи некультурной массы на культурный верхъ, 3| о вліяніи племени и націи и наконецъ, 4| о необходимости церковнаго авторитета.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭПОХА. Въ концѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в., начало сказываться движенie, которое въ нѣкоторомъ отношенiи было прямо противуположно реакцiонному, движенie, которое, не впадая въ рацiонализмъ XVIII в. и не считая возможнымъ быстро видоизмѣнить окружающую жизнь, все-таки стремилось въ самой исторiи показать, до какой степени сильна другая сторона человѣческой дѣятельности - цѣлесообразно- сознательная, ведущая къ освобожденiю и совершенствованiю людей. Дѣло въ томъ, что слѣдуя за реакцiонной школой во всѣхъ ея выводахъ, пришлось бы сказать, что исторiя великая сила, но ея уже болѣе нѣтъ, потому что все закончено, намѣчено и распредѣлено заранѣе.

Реакцiя противъ подобныхъ взглядовъ сказалась и въ мiрѣ мысли и въ мiрѣ политическихъ и общественныхъ отношенiй. Появилась школа, просуществовавшая отъ конца 20-хъ до 60-хъ годовъ, которую можно назвать либеральной. Получивъ развитiе въ связи съ тѣмъ, что въ обществѣ вспомнили о правахъ народа, о просвѣтительномъ движенiи и силѣ реформъ, - эта школа, подобно реакцiонной выставила основную идею- идею цѣлесообразнаго и сознательнаго измѣненiя, въ связи съ которой возникаетъ рядъ другихъ общихъ и частныхъ измѣненiй.Понятно, что либеральная школа придала личности больше значенiя, чѣмъ реакцiонная; хотя личное творчество въ исторiи и не все, но оно въ то же время и не ничто; въ нѣкоторыхъ случаяхъ личная инцiатива играетъ весьма важную роль. Въ связи съ этимъ общимъ направленiемъ англiйская исторiя стала занимать особенно выдающееся мѣсто. Какъ романская школа имѣла излюбленные вопросы о народѣ и его психологiи, о феодализмѣ въ связи съ опредѣленiемъ германск а го духа , такъ у либеральной центральнымъ являлся вопросъ о томъ какъ сложилась парламентская форма правленiя: въ результатѣ ли

какихъ либо чисто случайныхъ соображеній или цѣлаго историческаго движенія. Гизо въ "Histoire de la civilisation en France" и въ "Origines du gouvernement représentatif" выяснилъ, что стремленіе къ свободѣ въ политическихъ учрежденіяхъ тѣсно связано съ феодальнымъ бытомъ. При этомъ Англія имѣла важное значеніе, какъ страна, гдѣ сознательная инициатива личности замѣтна всего болѣе. Въ связи съ этимъ стоитъ другое общеположеніе либеральной школы, высказанное впервые Токвилемъ относительно Франціи: что политическая свобода находится въ тѣсномъ соприкосновеніи съ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Это положеніе капитальной важности, потому что заключаетъ въ себѣ идею обще-историческаго свойства. Въ извѣстномъ многотомномъ трудѣ Стеббса "Constitutional history" она развита и доказана со всѣмъ ученымъ аппаратомъ.

Но среди темъ, выдвинутыхъ либеральною школою, исторія парламентаризма была главною, но не единственною. Уже въ 20-хъ годахъ выяснилось для европейской мысли то обстоятельство, что ростъ политическихъ учрежденій тѣсно связанъ съ исторіей общественныхъ классовъ , съ исторіей общественныхъ наслоеній. Восемнадцатый вѣкъ смотрѣлъ на дѣло проще, представляя себѣ его такъ, какъ будто бы разрѣшеніе политическихъ задачъ, установленіе политическихъ формъ есть дѣло государственнаго права, которое мало справляется о томъ надъ какимъ матеріаломъ приходится работать, съ какими хозяйственными и общественными силами встрѣчаться. Въ XIX в. либеральная исторіографія очень сильно занялась этимъ вопросомъ о роли общественныхъ классовъ. При этомъ характерно то, что прежде всего обращено было вниманіе на оцѣнку дѣятельности средняго сословія.

Въ политической жизни Европы 30-хъ и 40-хъ годовъ средніе классы достаточно, хотя и не богатые, образованные и поставленные въ привеллигированное положеніе юридически, хотя и не фактически

начинаетъ играть руководящую роль; и сознаніе ихъ значенія, во-первыхъ, въ разрушеніи феодальнаго быта, во-вторыхъ, во французской революціи, какъ просвѣщенныхъ представителей народныхъ массъ, связанныхъ съ ними происхожденіемъ - это сознаніе сказалось въ цѣломъ рядѣ сочиненій. Самымъ характернымъ является "Histoire du tiers état" Тьерри. Тутъ мы имѣемъ законченную монографію, гдѣ подробно разбирается, какъ вопросъ о происхожденіи третьяго сословія, о его связи съ романскою средой, такъ и борьбѣ городскихъ республикъ съ феодализмомъ, о союзѣ съ государственной властью и, наконецъ объ уничтоженіи подъ вліяніемъ среднихъ классовъ монархически-феодальныхъ формъ. Затѣмъ надо указать на Вайца, который въ своемъ Deutsche Verfassungsgeschichte вездѣ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на судьбѣ нѣмецкаго бюргерства, показываетъ, изъ какихъ элементовъ оно образовалось и что сдѣлало въ исторіи.

Могло ли однако научное движеніе, занявшееся вопросомъ о значеніи классовъ остановиться на этомъ пунктѣ? могли ли историки, заинтересовавшись городомъ, не проникнуть и въ село? заинтересовавшись верхними слоями, забыть о нижнихъ, о стремленіяхъ, носителемъ которыхъ является четвертый классъ? Параллелизмъ исторіи идей съ исторіей практической жизни и въ данномъ случаѣ очень замѣтенъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ все настоятельнѣе и настоятельнѣе начинаетъ становиться вопросъ о судьбахъ рабочаго класса, въ связи съ тѣмъ, что въ это время и на политической аренѣ все сильнѣе сказывается значеніе этого класса, помимо легальныхъ путей. Особенно обострилась противоположность

между юридическимъ и фактическимъ положеніемъ четвертаго сословія во Франціи; рабочій классъ тамъ устраненъ былъ цензомъ отъ политической дѣятельности, поэтому конституціонная система Луи Филиппа очутилась построенной на пескѣ: все, повидимому, обстояло благополучно, парламентъ собирался на законномъ основаніи, господствовалъ умѣренный либерализмъ - и вдругъ разразилась февральская революція, которую уже давно предсказывали дальновидные люди, считавшіеся не то пророками, не то безумцами, которые шли далѣе простой техники учрежденій. И вотъ въ концѣ 40-хъ годовъ, въ связи съ политическимъ движеніемъ, начинаютъ и въ исторіографіи намѣчаться новые интересы. Нечего и говорить, что какъ важное историческое движеніе, этотъ фактъ сказался и раньше. Однимъ изъ людей, предсказывавшихъ появленіе новыхъ задачъ, можно считать Мишле, дѣятеля 30-хъ годовъ. Онъ историкъ не юридическаго или экономическаго происхожденія, а живописецъ прежде всего, поэтому въ своей "Исторіи Франціи" онъ занимается не значеніемъ и положеніемъ классовъ, а изображеніемъ настроеній; но характерно то, что въ концѣ концовъ главнымъ рычагомъ исторической жизни у него выставляется частью безсознательная, частью сознательная дѣятельность массы, которая проникаетъ въ исторію помимо всякихъ актовъ и распоряженій законодательной и правительственной власти. И лучшими мѣстами въ его работѣ являются тѣ, гдѣ обрисовывается вліяніе массъ, какъ напримѣръ, исторія Жанны д'Аркъ

У Мишле вопросъ не выходитъ изъ области неопредѣленнаго броженія, но съ начала 40-хъ годовъ дѣло пошло иначе. И Февральская революція, и имперія Наполеона, старавшаяся придать себѣ

характеръ древней тираннiи, съ ея лишенiемъ народа политическихъ правъ и соцiальной политикой въ его пользу, выдвинули вопросъ о рабочемъ классѣ. Характерно, что новое направленiе прежде всего замѣчается въ Англiи; мы имѣемъ 5 - 6 работъ такого рода, но всѣ онѣ не рѣшали дѣла по существу. Почти одновременно является попытка, сдѣланная практическимъ политикомъ, бывшимъ министромъ - Мауреромъ и оказавшая огромное влiянiе на дальнѣйшее развитiе историографiи, попытка, направленная къ тому, чтобы выяснить формы аграрныхъ организацiй крестьянскаго класса и главную изъ нихъ - сельскую общину. Въ настоящее время значенiе сельской общины разъяснено, можно сказать, до пресыщенiя, но въ концѣ 40-хъ годовъ даже въ Россiи дѣло не шло дальше неопредѣленныхъ разглагольствованiй славянофильской школы. У Маурера впервые сельская община, главнымъ образомъ, марка, получила всестороннее освѣщенiе, при чемъ опредѣлился капитальный фактъ, который можно выразить въ такихъ общихъ положенiяхъ: подъ покровомъ оффицiальнаго права, оффицiальныхъ государственныхъ учрежденiй и феодальныхъ привиллегiй жила своею самостоятельной, мало замѣтной, но сильной, самоуправляющейся жизнью организацiя села, которая послѣ того, какъ феодальный гнетъ былъ сброшенъ, раскрылась, но въ то же время подверглась быстрому разложенiю; такъ германская община, освободившись отъ феодальныхъ пеленокъ, стала разлагаться и въ концѣ концовъ совершенно уступила мѣсто индивидуальному хозяйству. Мауреръ работалъ на германской почвѣ, поэтому и не обращалъ вниманiя на случаи, когда общинная система продолжала существовать и послѣ уничтоженiя дворянской опеки; но онъ далъ идею организацiи труда и быта вокругъ общиннаго начала, и этимъ

создалъ цѣлую школу.

Итакъ, либеральное теченіе отъ 3-го класса перешло къ четвертому, отъ города къ самоуправляющейся общинѣ. Спрашивается теперь, въ исторіи культурныхъ отношеній выдвинуло ли оно какія нибудь начала въ сравненіи съ началомъ романтической школы? Вы помните, что у романтиковъ капитальной идеей является выясненіе культурной роли церкви, ставшей въ Средніе вѣка просвѣтительницей общества въ умственномъ отношеніи и руководительницей въ соціальномъ; вы помните, что романтическая исторіографія, интересуясь тѣмъ, что шло противъ раціонализма, не объяснялось изъ разума, но имѣло важное жизненное значеніе, обратилась къ католицизму отчасти потому, что въ основѣ его лежитъ знаменитое выраженіе Тертулліана: " Credo quia absurdum ". И либеральная школа занималась важными историко-религіозными явленіями и въ этой области сдѣлала очень многое. Само собой разумѣется, ее интересовалъ не католицизмъ, а интересовало появленія движенія свободной мысли. Можно указать на цѣлый рядъ работъ, хотя прямо не относящихся къ средневѣковой исторіографіи, но оказавшихъ на нее большое вліяніе, которыя въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ выдвинули свободное творчество человѣка и въ религіозной области. Изъ нихъ главная - "Жизнь Іисуса" Штрауса, посвященная темѣ, въ которой исторія и философія сливаются, переходятъ другъ въ друга. "Жизнь Іисуса" произвела огромное впечатлѣніе на мыслящую Европу, и вызвала появленіе Тюбингенской школы, которая стремилась разложить факты религіозной жизни на простѣйшіе элементы, и показать до какой степени процессъ религіозный стоитъ въ зависимости отъ ин-

дивидуальнаго воздѣйствія. - Въ средневѣковой исторіографіи она обращаетъ особенное вниманіе на зарожденіе протестантизма, желая указать, что въ Средневѣковой Европѣ, кромѣ господствовавшей католической церкви, была масса задавленныхъ силой теченій, которыя шли совсѣмъ не къ объединенію, не къ всемірной власти папъ, а, напротивъ, отводили главное мѣсто личности, съ ея вѣрой, отношеніемъ къ Божеству и чисто мистическими требованіями. Изъ сочиненій такого рода назову книгу Рейтера "Исторія религіозно-просвѣтительнаго движенія въ Средніе вѣка", въ которой перечисляются различные элементы, боровшіеся безуспѣшно въ настоящемъ, но съ великими надеждами въ будущемъ, противъ объединенія церкви. Въ такомъ же направленіи идутъ работы Ульмана "О реформаторахъ до реформаціи" и Леклера - "О Виклефѣ".

Вы видите, такимъ образомъ, что въ различныхъ областяхъ изученія - политической, соціальной и религіозно- культурной, либеральная школа выставила такія идеи, которыя шли въ разрѣзъ съ предшествовавшимъ движеніемъ. Всѣ остальныя работы клонились къ выясненію творческаго, самоопредѣляющагося значенія разумной личности, стремящейся къ свободѣ. Даже вопросъ объ ассоціаціяхъ, повидимому, не могущій быть обращеннымъ въ пользу индивидуализма, разбирается либеральной школой въ благопріятномъ смыслѣ, такъ какъ на ассоціаціи она смотритъ, какъ на разумныя соединенія людей. Такъ, община у Маурера является результатомъ договора индивидуальныхъ элементовъ. Въ данномъ случаѣ вполнѣ подтвердился гегелевскій законъ: односторонняя постановка романической школы вызвала одностороннюю же реакцію.

Но были люди, которые, не входя въ подробности и не увлекаясь слишко рѣзко поставленными построеніями, говорили, что необходимо соединить оба направленія, что въ жизни человѣка и народа есть и безсознательные и сознательные элементы. И вотъ, подъ вліяніемъ этого ужественнаго теченія складывается въ концѣ 50-хъ годовъ третья крупная историографическая школа XIX вѣка, о которой всего труднѣе говорить, потому что она живетъ еще до сихъ поръ.

ЭВОЛЮЦІОННОЕ НАПРАВЛЕНІЕ. Такъ какъ дѣло идетъ о синтезѣ весьма различныхъ вещей, то я, прежде чѣмъ дать формулу современнаго историографическаго направленія, намѣчу сперва нѣсколько характерныхъ признаковъ послѣдней, при чемъ буду брать примѣры преимущественно изъ средневѣковой исторіи. И прежде всего приходится обратить вниманіе на то, что въ послѣдніе годы и въ жизни и въ наукѣ сильно сказывается разочарованіе въ политическихъ убѣжденіяхъ и увлеченіяхъ либеральной эпохи. Если оставить въ сторонѣ общество и остановиться только на кабинетахъ и аудиторіяхъ мысли, то и тутъ мы замѣтимъ работу, которая параллельна общественной критикѣ политическихъ положеній либеральной эпохи. Для примѣра можно назвать крупную работу, которая безъ сомнѣнія всѣмъ извѣстна, и это "Происхожденіе современной Франціи" Ипполита Тэна; въ этомъ сочиненіи авторъ горячо обрушивается на легенду о революціи, на прикрасы и искаженія либераловъ и т.п. Подобное же явленіе мы видимъ и въ средневѣковой историографіи. Критическое отношеніе проявляется очень рано въ работѣ нѣмецкаго ученаго Гнейста и по очень существенному вопросу. Въ своемъ анализѣ англійскихъ учрежденій Гнейстъ прямо выступилъ съ требованіемъ критики и ограниченій

двухъ основныхъ положенiй либеральной исторiографiи: онъ возражалъ: I| противъ идеи систематическаго и постепеннаго проведенiя въ англiйской исторiи принципа самоуправленiя и 2|противъ идеи о первенствующемъ значенiи среднихъ вѣковъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ не только вносит ъ поправки, но старается съ корнемъ вырвать сложившееся мнѣнiе. По вопросу о самоуправленiи Гнейстъ показываетъ, что въ рядѣ перiодовъ руководящую роль играла королевская власть, переживанiя чего остались до сихъ поръ; такъ, мировые судьи, главные факторы мѣстнаго самоуправленiя, утверждаются и теперь королевскимъ намѣстникомъ, но что въ настоящее время представляетъ одну формальность, то прежде рѣшающее значенiе и выражало влiянiе короны. Далѣе, опровергая идею о главной роли среднихъ классовъ, онъ выдвигаетъ дворянство среднихъ и крупныхъ помѣщиковъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Не то, конечно, что трудъ Гизо и Стеббса потраченъ даромъ, а то, что замѣчены новые факты, которые съ точки зрѣнiя абсолютнаго приложенiя либеральныхъ теорiй не объясняются.

Послѣ Гнейста надо указать на Фюстель-де-Куланжа, который всего болѣе сдѣлалъ для разрушенiя либеральныхъ построенiй. Ученый этотъ, какъ извѣстно, занимался преимущественно, древними перiодами, родовымъ бытомъ у грековъ и италиковъ, исторiей завоеванiй римскихъ областей германцами, феодализмомъ, словомъ, такими лицами, которыя съ политической жизнью не соприкасаются. Но то особенно и любопытно, что его работы проникнуты опредѣленнымъ политическимъ направленiемъ и клонятся къ разрушенiю установленныхъ раньше положенiй. Возьмемъ, напримѣръ, его "Граж-

данскую общину древняго міра", въ которой трактуется о родовомъ строѣ, объ очагѣ, культѣ предковъ и т.д. Что тутъ политическаго? Главный тезисъ, который можно выразить такъ: мы не имѣемъ никакого права разбирать древній муниципальный строй, какъ нѣчто аналогичное нашему современному городскому самоуправленію; между ними лежитъ цѣлая пропасть, потому что римскій и греческій муниципалитетъ покоится не на началѣ самоуправленія, а на началѣ преимущественно религіозномъ. Этотъ тезисъ въ высшей степени интересенъ, потому что какъ разъ въ исторіи городского самоуправленія либеральная школа сильно настаивала на традиціи, на связи со свободными учрежденіями древняго міра. По вопросамъ средневѣковой исторіи Фюстель-де-Куланжъ точно также выступилъ безпощаднымъ скептикомъ и критикомъ. Въ своей многотомной работѣ по исторіи французскихъ учрежденій, онъ обращается къ тѣмъ, кто подъ вліяніемъ нѣмецкихъ ученыхъ слишкомъ сильно выдвигалъ значеніе германскаго элемента и указываетъ не только противъ либераловъ, но и противъ романтиковъ, которые, какъ я уже говорилъ, особенно настаивали на національныхъ различіяхъ. Фюстель-де-Куланжъ рѣшительно нападаетъ на тѣхъ изслѣдователей, которые слишкомъ много подчеркивали сознательную роль германскаго элемента, и смотритъ на это, какъ на результатъ сентиментальнаго настроенія современнаго поколѣнія. Особенно любопытна его критика теоріи стараго, обще-народнаго суда. Онъ показываетъ, что средневѣковой судъ былъ не только не общенароднымъ, но даже не судомъ присяжныхъ, а единоличнымъ и пошелъ отъ суда римскихъ магистратовъ. Затѣмъ онъ обращается противъ положенія, что древне-германское вѣче, какъ оно описано у Тацита, было организаціей свободной; по его взгляду по-

нятіе свободы въ современномъ смыслѣ къ германскому вѣче неприложимо: съ одной стороны мы имѣемъ здѣсь дѣло съ организаціей колеблющейся, измѣнчивой, непрочной, - съ другой надъ всѣмъ господствуетъ право сильнаго, освящающее преобладаніе кулака. Но помимо отдѣльныхъ поправокъ характерна для Куланжа попытка разрушить ученіе Маурера. Въ послѣдніе годы жизни онъ сталъ заниматься изученіемъ средневѣкового землевладѣнія и хозяйства и доказывалъ, что мауреровская теорія марки, свободной, самоуправляющейся сельской общины, которая развилась изъ первоначальной тацитовской организаціи, - эта теорія основана на ложныхъ выводахъ. Нельзя сказать, чтобы ему удалось доказать все, что онъ хотѣлъ, но во всякомъ случаѣ имъ было выставлено новое объясненіе, существенно осложняющее и пополняющее вопросъ. По взгляду Фюстель-де-Куланжа община не свободнаго, а помѣщичьяго происхожденія, результатъ крѣпостной организаціи труда, перехода отъ рабства къ полусвободному состоянію. При этомъ онъ выставилъ капитальный вопросъ, съ которымъ приходится считаться всей современной исторіографіи, именно вопросъ о томъ, куда дѣвалось древнее рабство и какова была его эволюція. По идеѣ Маурера средневѣковая сельская община развилась путемъ вырожденія первоначально-свободной ассоціаціи, не покрывая рабства, а Куланжъ подчеркиваетъ, что такого рода случая въ исторіи Европы еще не бывало, такъ какъ даже во внутренней Германіи, не говоря уже объ Италіи, Испаніи и Британіи, вездѣ былъ существенный юридическій и хозяйственный элементъ, состоявшій изъ рабовъ, лишенныхъ свободы и потому не имѣвшихъ возможности первоначально образовать свободную ассоціацію сельской марки. Отъ этого наблюденія Фюстель-де-Куланжъ пошолъ очень дале-

ко. Какъ умъ безусловный , онъ отвергъ все сдѣланное раньше школой Маурера, и прямо, можно сказать, что его сельская община есть своего рода математическое построенiе, такъ какъ сводится всецѣло къ одному рабскому центру. Это, конечно, уже крайность и односторонность, но основной фактъ, указанный Фюстель-де-Куланжемъ, - эволюцiя рабства и переходъ отъ несвободнаго труда къ свободному - въ высшей степени любопытенъ и обратилъ на себя вниманiе.

Къ подобнымъ же выводамъ пришелъ другой мыслитель, работавшiй при другихъ обстоятельствахъ, - это Сибомъ, который написалъ очень интересное сочиненiе объ англiйской сельской общинѣ, совершенно не предполагая того, что Куланжъ работалъ въ одномъ направленiи съ нимъ. Для Сибома исторiя сельской общины есть также исторiя эволюцiи отъ рабства и помѣщичьей организацiи свободно-договорной. Община является служебной формой, составившейся подъ гнетомъ помѣщичьей власти и ради ея интересовъ; такiе существенные факты, какъ надѣлъ объясняются Сибомомъ съ точки зрѣнiя интересовъ помѣщика, которому важна правильная раскладка повинностей. Не входя въ дальнѣйшiя подробности, вообще можно сказать, что у Сибома экономическая сторона разработана лучше, чѣмъ у Куланжа.

Наконецъ необходимо указать на критическiй вопросъ, о которомъ прежде не знали и который является соцiально-историческимъ и указываетъ на движенiе, совершающееся между прочимъ у насъ въ Россiи, вопросъ имѣющiй значенiе методологическое и показывающiй, как наука постоянно ищетъ новыхъ путей и относится къ прошлому критически: я хочу указать на особенный интересъ, возбуждаемый исторiей Византiи. Византiйская исторiя

долго была совершенно заброшена исторіографіей, потому что ею не интересовались. Представители либеральнаго направленія относились къ Византіи прямо враждебно, какъ къ выразительницѣ идеи крайняго абсолютизма; просвѣтители игнорировали ее, какъ міръ, въ которомъ происходило медленное умираніе, міръ, обладавшій сокровищами, но не сумѣвшій ими воспользоваться. Въ настоящее время начинается, такъ сказать, возрожденіе Византіи; ею занимаются и на Западѣ [Zacharia и Крумбахеръ] и въ Россіи [Васильевскій и Успенскій]. Какіе вопросы ставитъ, напримѣръ, Васильевскій, чѣмъ интересуется? Въ своихъ матеріалахъ по внутренней исторіи Византіи и отдѣльныхъ статьяхъ, онъ раскрываетъ рядъ соціальныхъ и юридическихъ отношеній, которыя представляются не варіантами, а чрезвычайно интересными дополненіями къ европейскимъ средневѣковымъ отношеніямъ: отношенія феодальныя, взаимодѣйствіе правительства, власти и общества, положеніе зависимыхъ классовъ, вассалитетъ, все это получаетъ новое освѣщеніе. Крумбахеръ занялся другимъ вопросомъ; онъ спеціально изучалъ византійскую литературу и нашелъ, что она состоитъ совсѣмъ не изъ классическихъ отбросовъ, а заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ работъ, особенно по соціально-политической исторіи восточнаго міра. Однимъ словомъ, не входя въ подробности, можно сказать, что въ исторической наукѣ и ея методахъ сдѣланъ шагъ впередъ, и получилась возможность дать новые отвѣты на старыя проблемы западно-европейскаго развитія.

Перехожу теперь, какъ я это дѣлалъ и при характеристикѣ романтической и либеральной школъ, къ работамъ, касающимся культа - религіозной области. Спрашивается, можно ли въ данномъ случаѣ указать на проблески новыхъ идей? Оказывается, что мож-

но: существуетъ рядъ сочиненій, указывающихъ, что точка зрѣнія измѣнилась. Особенно характерными я считаю двѣ работы: Эйкена, посвященную общему вопросу о средневѣковомъ міросозерцаніи, и Узенера, разбирающую отдѣльныя вѣрованія и вліяніе древнихъ вѣрованій на средневѣковое христіанство. Въ обѣихъ этихъ работахъ сказывается стремленіе не осуждать и не защищать, а только намѣтить основные пункты религіозной эволюціи, указать въ какой необходимой связи находится, напримѣръ, извѣстное положеніе средневѣковой католической церкви съ извѣстными условіями средневѣковой жизни. Значитъ,дѣло идетъ не объ выясненіи безусловныхъ общихъ признаковъ, а объ выясненіи относительнаго значенія каждой религіозной формы въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Эйкенъ, систематизируя всѣ отдѣльныя проявленія средневѣковаго духа, приходитъ къ общему заключенію, что всѣ они объясняются почти съ математической точностью изъ развитія одной идеи - изъ аскетическаго отношенія къ человѣческой природѣ и исторической жизни; изъ взгляда на человѣческую природу, какъ на источникъ всего грѣховнаго. Эта основная аскетическая идея пробивается вездѣ, и прежде всего въ политической теократіи. Повидимому, тутъ противорѣчіе, потому что политическая теократія съ ея стремленіемъ сдѣлать папу господиномъ всего міра, ничуть не заключаетъ въ себѣ отреченія отъ міра, а, напротивъ, проникнута чисто мірскими интересами. Но противорѣчіе это только кажущееся, потому что въ дѣйствительности по идеѣ и по цѣлямъ теократія эта имѣетъ воспитательный характеръ; она необходима, такъ какъ только черезъ нее можно толкнуть людей на путь аскетическихъ упражненій.

Нечего и говорить, что подобный взглядъ Эйкена слишкомъ безусловенъ и одностороненъ, но самая конструкція его работы

характерна: дѣло идетъ тутъ не о томъ, чтобы показать, что церковь есть сила, имѣющая право на существованіе, а о томъ, чтобы показать, какъ въ извѣстный историческій періодъ образовалась извѣстная религіозная кристаллизація, хотя и временная, но необходимая для дальнѣйшаго движенія.

Мнѣ кажется, что я уже достаточно обрисовалъ картину критическаго движенія, совершающагося въ настоящее время въ различныхъ областяхъ исторической науки. Теперь является вопросъ, что общаго у всѣхъ указанныхъ мною ученыхъ и можно ли поставить ихъ подъ одно знамя? и до какой степени во всѣхъ работахъ ихъ, хотя онѣ касаются различныхъ областей, сказывается одно общее капитальное наблюденіе, одна капитальная поправка воззрѣній ихъ предшественниковъ? И въ отвѣтъ можно сказать, что общій философски историческій результатъ современной критики есть выясненіе относительности историческихъ построеній и подвижности ихъ, и необходимо, поэтому, избѣгать такого рода безусловныхъ опредѣленій, какія дѣлали романтики, считая народный характеръ чѣмъ то разъ навсегда установившимся; и раціонализма либераловъ, которые полагали, что есть возможность сразу разрѣшить общіе вопросы права и соціальной организаціи, - и слѣдить прежде всего, за показателями эпохи, за эволюціей основныхъ формъ. Вотъ въ сущности, этимъ послѣднее слово современной исторіографіи и сказано. Это послѣднее слово есть изученіе постепеннаго и прогрессивнаго развитія, предшествующаго всякой кристаллизаціи. Подобная попытка свести исторіографію съ почвы безусловныхъ опредѣленій на почву относительности, опять таки не есть дѣло вліянія отдѣльныхъ умовъ и школъ, а связана съ духомъ вре-

мени въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, съ духомъ времени, проявляющемся рѣшительно во всемъ. Движеніе слишкомъ сложно, чтобы его можно было приписать вліятельному слову одного или нѣсколькихъ лицъ: прежде чѣмъ стать сознательнымъ, оно сдѣлалось своего рода атмосферой. Нечего и говорить, что эволюціонное направленіе историческихъ и общественныхъ наукъ, предполагающее постоянное движеніе, передачу отъ прошедшаго къ будущему, тѣсно связано съ тѣмъ направленіемъ, которое охватило естественныя науки и разбило ученіе о постоянныхъ видахъ въ біологическихъ наукахъ: оба эти направленія однородны.

Такъ или иначе, если посмотрѣть на результаты, то можно замѣтить рядъ работъ, интересныхъ не только по критическому направленію, но и по своимъ положительнымъ выводамъ. Я укажу для примѣра на то, какія измѣненія внесло эволюціонное направленіе въ сферу соціально-экономическихъ отношеній. Съ точки зрѣнія догматическихъ теорій даже либеральной школы нельзя было касаться нѣкоторыхъ основныхъ и безусловныхъ опредѣленій въ области права и экономики; теперь всѣ подобныя опредѣленія, хотя они усиленно поддерживаются и защищаются, кажутся неудовлетворительными, и научное движеніе, несомнѣнно идетъ къ тому, чтобы показать до какой степени въ исторіи права и народнаго хозяйства самые основные принципы, въ родѣ принципа частной собственности, подвергаются переработкѣ. Въ связи съ соціалистическимъ движеніемъ, получившимъ такое огромное распространеніе, намѣчается точка зрѣнія экономической эволюціи, которая не останавливается на простомъ договорѣ между самоуправляющимися личностями, одаренными разумомъ и волей, и является стремленіемъ къ вмѣшательству общества въ организацію труда. Является

рядъ вопросовъ, могущихъ заинтересовать и историка и философа. Блестящій примѣръ значенія соціалистическаго движенія представляетъ Марксъ, который въ "Капиталѣ" не только далъ научное обоснованіе соціализму, но и выказалъ себя крупнымъ историкомъ на почвѣ хозяйственныхъ отношеній Англіи.

Вы, конечно, не заподозрите меня въ томъ, что я хочу сдѣлать исторію тенденціозной, съ особенной силой настаивая на томъ, что она живетъ духомъ своего времени и что, обозначая ея главные поворотные пункты, приходится указывать на тѣснѣйшую связь ея съ практикой. Практика часто не такъ понимаетъ, не того ищетъ, но въ сущности и практика и теорія или исторія живутъ духомъ извѣстной эпохи; поэтому и затрогиваютъ одни и тѣ же общіе вопросы. Разъ мы становимся на такую почву, понятнымъ становится отношеніе новыхъ теченій къ старымъ. Неразумнымъ явилось бы утвержденіе, будто бы одна школа разрушаетъ будто бы одна школа разрушаетъ работу другой: не только не разрушаетъ, но она не мыслима безъ нея; предшествующія школы ставятъ задачи для послѣдующихъ, намѣчаютъ путь. И въ этомъ вполнѣ оправдывается извѣстный законъ Гегеля, геніальнаго мыслителя, которому предстоитъ еще великое будущее. Дѣйствительно, если взять три главныя направленія XIX вѣка, то справедливость его станетъ внѣ сомнѣнія. Началось дѣло съ установленія положеній романтической школы относительно безсознательнаго творчетсва, племенныхъ отличій и пр. ; затѣмъ исторіографія приняла противоположное направленіе и появились работы, выставившія силу и значеніе отдѣльной личности; современное эволюціонное направленіе не романтическое, потому что оно не возвращается къ идеямъ Савиньи, но и не либеральное, такъ какъ подверга-

етъ критикѣ основныя положенія либеральной школы. И мнѣ кажется, что современная эволюціонная исторіографія, опирающаяся и на сравнительное изученіе права, и на сравнительную этнографію, и на политическую экономію, и на естественныя науки, - имѣетъ главною цѣлью показать: во-первыхъ въ какомъ порядкѣ и при какихъ условіяхъ примыкаютъ другъ къ другу главныя формы человѣческаго развитія и, во-вторыхъ, въ какомъ направленіи идетъ движеніе. Второй вопросъ въ сущности выходитъ изъ сферы присяжной исторіи и связанъ съ общей наукой о соціальныхъ явленіяхъ, но это дѣла не измѣняетъ.

Итакъ, я указалъ вамъ главные поворотные пункты исторической мысли, и полагаю, что детальное изученіе только еще болѣе выяснитъ то обстоятельство, что исторіографическая работа подобна рѣкѣ, которая часто изгибается и какъ бы возвращается назадъ, но въ дѣйствительности всегда движется впередъ.

2. ПЛАНЪ ИЗЛОЖЕНІЯ.

Познакомившись съ главными теченіями исторической науки, мы переходимъ теперь къ изложенію собственно средневѣковой исторіи. Само собой разумѣется, мы не можемъ коснуться всего и по необходимости должны сузить задачу: дѣло въ томъ, что средневѣковая исторія — это исторія цѣлыхъ десяти вѣковъ, полная самыхъ разнообразныхъ явленій, и въ курсѣ, сравнительно короткомъ, нельзя будетъ обойтись безъ выпусковъ. Можно было бы раздѣлить его хронологически, т.е. взять начало, середину и конецъ, но это вызываетъ большое неудобство, потому что

Средніе вѣка представляютъ совершенно отдѣльную эпоху, вполнѣ законченный кругъ развитія, и всякое дѣленіе хронологическаго свойства нарушило бы это единство. Остается, значитъ, при попыткѣ систематическаго раздѣленія, выбрать какую-нибудь сторону или стороны средневѣковаго развитія. При этомъ само собою подсказывается выборъ между тремя формами развитія, которыя наиболѣе существенны во всѣхъ отношеніяхъ. Исторія жизни человѣческаго общества можетъ быть разсматриваема съ трехъ точекъ зрѣнія. Можно обратить вниманіе главнымъ образомъ на государство, какъ на высшую форму соединенія отдѣльныхъ личностей. И дѣйствительно, иногда исторія государства, исторія учрежденій, созданныхъ для охраны и высшаго направленія жизни и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ -- выставлялась, какъ самая существенная часть историческаго процесса вообще. Такъ, для Аристотеля и Гегеля главная задача исторической науки заключалась въ томъ, что изображать послѣдовательное развитіе государственныхъ соединеній: все остальное имѣетъ второстепенное значеніе, потому что во всемъ остальномъ человѣкъ дѣйствуетъ, какъ особь, между тѣмъ какъ въ способности къ общественной жизни выражается свойство, которымъ онъ отличается отъ животныхъ и которое Аристотель обозначаетъ словами:

ἄνθρωπός ἐστι ζῷον πολιτικόν

Но если мы всмотримся ближе, то окажется, что политическая исторія не только не единственный предметъ исторической литературы, но даже, быть можетъ, и не главный. Анализируя госу-

дарство, можно придти къ тому взгляду, что оно представляетъ преимущественно внѣшнюю защиту, посредническую силу среди соединеній, которыя государственнаго характера не имѣютъ. Люди живутъ вмѣстѣ, помогаютъ другъ другу, организуются для труда матеріальнаго и духовнаго не всегда въ государственныхъ учрежденіяхъ. Послѣднія помогаютъ разбираться въ возникающихъ спорахъ, но вѣдь споры и столкновенія есть явленіе исключительное въ исторіи гражданскаго общежитія и при нормальныхъ условіяхъ люди организуются безъ постояннаго участія суда и принудительной власти. Напримѣръ, соединенія семейно-родовыя возникаютъ не въ силу закона, даннаго государствомъ, не какъ учрежденія политическія, а вслѣдствіе естественныхъ причинъ, вызывающихъ образованіе союза помимо какой бы то ни было принудительной силы. Такой же характеръ имѣетъ соединеніе единовѣрцевъ, соединеніе, которое можетъ сдѣлаться церковью и даже вступить съ государствомъ въ борьбу. Далѣе, могутъ возникнуть частные союзы для торгово-промышленныхъ цѣлей, для взаимной защиты, союзы, которыми создается всякій гражданскій оборотъ. Въ хозяйственной и умственной дѣятельности люди не могутъ идти врозь, они разумно соединяются, но подобныя соединенія, хотя и подвергаются государственной регламентаціи, но вытекаютъ изъ сущности дѣла, изъ необходимости раздѣленія труда, кооперацiи. Однимъ словомъ, создается группа отношеній, которыя въ современной юридической и исторической наукѣ называются общественными, въ противоположность - политическимъ. Понятно, обѣ группы отношеній тѣсно соприкасаются, но по существу далеко не одно и то же: первая является послѣдствіемъ естествен-

ныхъ соединеній, вытекающихъ изъ общности стремленій, вторая - послѣдствіемъ принудительной силы. Въ настоящее время и юристы и историки обращаютъ особенное вниманіе на исторію отношеній перваго года, потому что теперь совершенно ясно стало для освѣдомленнаго наблюдателя, что отчасти, если только не по большей части, самыя государственныя установленія до нѣкоторой степени выходятъ изъ общественныхъ группировокъ, высшая форма которыхъ есть образованіе классовъ. Послѣдніе, вытекая въ своей основѣ изъ хозяйственныхъ факторовъ, изъ распредѣленія и организаціи труда, стали въ концѣ концовъ могущественной политической силой и придавали политической исторіи демократическій или аристократическій, феодальный или свободно-договорный характеръ.

Возможна и третья точка зрѣнія. Вѣдь въ исторіи мы изучаемъ не только формы соединеній политическаго и соціальнаго свойства, но и развитіе человѣческой мысли. Мысль эта направляется не къ образованію различнаго рода группировокъ, о которыхъ я уже говорилъ, и не къ разрѣшенію борьбы между ними, она ставитъ передъ собой такія задачи, которыя ни политическаго, ни соціальнаго характера не имѣютъ, и разрѣшеніе которыхъ представляетъ цѣльную картину, единое цѣлое, части котораго тѣсно связаны между собой, - задачи, вступающія во взаимодѣйствіе съ политической и соціальной исторіей и занимающія важное мѣсто въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія. Съ тѣхъ поръ, какъ люди стали людьми, стали размышлять надъ тѣмъ, что совершается около нихъ, въ нихъ самихъ, съ этихъ поръ смѣняли другъ друга въ исторіи извѣстныя метафизическія, нравственныя и научныя воззрѣнія. И выясненіе причинъ, въ силу которыхъ руководящія идеи слѣдовали другъ за другомъ такъ, а не иначе, явля-

ется высоко интереснымъ. Такимъ образомъ, область мысли можно отдѣлить отъ тѣхъ областей исторіи, въ которыхъ разсматриваются политическія и общественныя соединенія и дать ей особое названіе, правда не особенно подходящее, - исторіи культурной. Надо прибавить, что хотя исторія, философія, литература входятъ въ общую исторію, какъ въ науку синтетическую, но по существу дѣла задачи у нихъ нѣсколько иныя. Для историка философіи главный вопросъ заключается не въ томъ, почему человѣческая жизнь выдвинула данныя проблемы, а въ томъ, насколько эти проблемы служатъ для разрѣшенія задачъ будущаго; исторія мысли важна для него, какъ рядъ попытокъ и вопросъ о генезисѣ, объ условіяхъ самой эволюціи, о вліяніи сложныхъ, совершенно не вытекающихъ изъ теоріи, условій, толкнувшихъ мысль на извѣстный путь, становится второстепеннымъ. А историкъ интересуется философскими системами только какъ опредѣленными моментами въ развитіи народа. Для историка литературы важенъ, напримѣръ, Петрарка съ точки зрѣнія развитія литературныхъ формъ; а для историка вообще - преимущественно какъ показатель настроенія, какъ симптомъ общественнаго движенія.

Мнѣ кажется, я достаточно сказалъ для выясненія того, что въ исторіи мы имѣемъ дѣло съ тремя крупными полосами свѣта, съ тремя отдѣлами: политическимъ, соціальномъ и культурнымъ. И я заранѣе предупреждаю Васъ, что разсмотрю послѣдовательное развитіе средневѣковой жизни только въ двухъ областяхъ: политической и соціальной. Исторію мысли я оставляю въ сторонѣ, главнымъ образомъ потому, что считаю самымъ важнымъ въ началѣ историческаго изученія выяснить матеріальныя и политическія основы развитія. Вы спросите почему? Потому что съ точки зрѣ-

нія историческаго метода матеріально хозяйственныя и соціаль-
но-политическія явленія раскрыты съ несравненно большей ясно-
стью и законченностью, съ большей научностью, чѣмъ явленія,
составляющія исторіи мысли. Въ данномъ случаѣ приходится ми-
риться съ извѣстной послѣдовательностью въ развитіи самой на-
уки. По отношенію къ процессу соціально-политическому мы сто-
имъ сравнительно на твердой почвѣ и можемъ высказываться съ
большей точностью, опираясь при этомъ на вспомогательныя науки:
на политическую экономію, исторію права и пр. А для установле-
нія стихійныхъ теченій въ области мысли мы принуждены обратить-
ся главнымъ образомъ къ философіи и литературѣ, и до сихъ поръ
имѣемъ дѣло не столько съ научными выводами, сколько съ частны-
ми догадками. Въ сущности говоря всѣ историческіе методы съ на-
учной точки зрѣнія недостаточны, потому что, при извѣстной
сложности человѣческихъ отношеній, приходится въ значительной
степени работать надъ фактами прошлаго, которые въ высшихъ сво-
ихъ формахъ почти не подлежатъ сравненію, какъ факты естествен-
ныхъ наукъ. И всего болѣе это можно отнести къ фактамъ исторіи
мысли, философіи и литературы, происходящимъ однажды, сравне-
ніе возможно только самаго общаго характера. Однако, не смо-
тря на подобное затрудненіе пытливая мысль человѣка не слага-
етъ оружія и начинаетъ работать художественнымъ методомъ, со-
стоящимъ изъ инстинктивнаго выбора между возможностями и ука-
занія на одну изъ нихъ, какъ на нормальную;при чемъ достига-
ется не доказательность, а убѣдительность, подобная той, кото-
рую мы получаемъ изъ литературныхъ произведеній, гдѣ авторъ
проводитъ свои взгляды также не путемъ синтеза и строгаго
наведенія, а путемъ непосредственнаго внушенія, путемъ возбу-

жденія имитативнаго процесса въ головѣ читателя. Вы знаете хорошо, какъ сильно дѣйствуютъ нѣкоторыя вещи, знаете, что великій романистъ не можетъ доказать своихъ положеній путемъ разсужденія, и если достигаетъ успѣха, то лишь силой своей догадки. Можно сказать больше, можно сказать, что въ самыхъ точныхъ наукахъ имѣютъ мѣсто подобныя догадки при открытіи какихъ либо новыхъ путей. Но если всѣ науки начинаютъ съ этого, то постепенно стремятся перейти на почву объективнаго доказательства, дедукціи, какъ въ математикѣ, или индукціи въ естествознаніи. Въ исторіи же въ ея наиболѣе сложныхъ частяхъ, доказательная сторона поставлена неудовлетворительно. Однако и въ исторической наукѣ есть такіе отдѣлы, въ которыхъ она сходитъ съ почвы гипотезъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя формы человѣческаго общежитія однообразны, а чѣмъ онѣ однообразнѣе и проще, тѣмъ легче подвергать ихъ научному анализу. И одной изъ самыхъ простыхъ формъ являются группировки соціальныя и политическія, отвѣчающія на вопросъ, ставившійся въ тысячѣ различныхъ комбинацій, благодаря чему получается возможность такихъ сравненій, какими не можетъ сопровождаться работа историка культуры. Такъ, напримѣръ, исторія родовыхъ группировокъ, вездѣ повторяющихся въ ранней исторической жизни, можетъ быть изучена очень обстоятельно: этнографія даетъ богатый матеріалъ, потому что до сихъ поръ такія группировки существуютъ и сопровождаются характерными условіями; появленіемъ родовыхъ старѣйшинъ, агнатной формой родства, исключеніемъ женщинъ изъ наслѣдованія, матріархатомъ, т.е. признаніемъ родства по женской линіи, своеобразнымъ отношеніемъ къ землѣ и т.д. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ возможно вполнѣ научное изслѣдованіе путемъ сравненія.

и въ исторіи мысли возможно сравненіе, но только тогда, когда рѣчь идетъ о самыхъ простыхъ формахъ, и чѣмъ болѣе развиваются послѣднія, тѣмъ труднѣе становится сравнительный методъ.

Вотъ мотивы, вслѣдствіе которыхъ я считаю себя въ правѣ сказать, что изъ всѣхъ отдѣловъ исторіи наиболѣе научно поставлены тѣ, въ коихъ идетъ дѣло о соціально-политическихъ группировкахъ. Установивъ такую точку зрѣнія, мы должны спросить себя въ чемъ заключаются основныя черты средневѣковаго политическаго и общественнаго развитія. Впослѣдствіи мы узнаемъ, что тутъ приходится считаться съ восхожденіемъ средневѣковыхъ отношеній къ одному кульминаціонному пункту и затѣмъ обратнымъ движеніемъ. Этотъ кульминаціонный пунктъ есть феодализмъ. Но онъ появился не сразу: пять вѣковъ шло подготовительное движеніе, шла борьба между римскими элементами и германскими.

Итакъ, первый вопросъ, которымъ намъ предстоитъ заниматься, будетъ состоять въ выясненіи того, съ какими римскими и германскими элементами мы встрѣчаемся въ началѣ средневѣковой исторіи; второй -- въ какихъ формахъ произошло ихъ смѣшеніе; третій -- какъ это смѣшеніе привело къ основному факту средневѣковой жизни и, наконецъ, четвертый -- какъ изъ феодализма образовались различныя формы государственной жизни въ современныхъ западно-европейскихъ государствахъ, изъ которыхъ я, по недостатку времени, коснусь только Франціи, Англіи и Германіи.

----------ооо----------

НАЧАЛО СРЕДНЕВѢКОВОЙ ИСТОРІИ.

Приступая къ систематическому изложенію исторіи Среднихъ Вѣковъ, приходится поставить вопросъ, съ чего начинать это изложеніе, какое событіе начинаетъ собой Средніе Вѣка.

Обычный школьный отвѣтъ былъ бы - съ низверженія Ромула Августула, съ 476 года, когда въ Римѣ воцарился Одоакръ, король Геруловъ. Но вы согласитесь, что такого рода обширный періодъ [У - ХУ вѣка] не можетъ начинаться съ опредѣленнаго года. Приходится считаться съ массой измѣненій; если ихъ охватить полностью, то надо пріурочить ихъ не ко дню, не къ году, а къ цѣлымъ столѣтіямъ.

Несостоятельность простого школьнаго опредѣленія видна также изъ того, что иногда начинаютъ Среднюю Исторію съ другого момента. Нѣкоторые ученые пытались, напримѣръ, доказать, что слѣдуетъ начинать изученіе Среднихъ Вѣковъ съ года смерти Ѳеодосія, съ раздѣленія Имперіи; другіе предлагали начинать съ Константина и т.д. Дѣло не въ какомъ либо опредѣленномъ лѣтописномъ фактѣ, но въ рядѣ бытовыхъ измѣненій. Поэтому обратимъ прежде всего вниманіе на самое коренное и основное отличіе Среднихъ вѣковъ отъ предыдущей эпохи.

Исторія древняго міра объединяется въ Римской Имперіи. Съ тѣхъ поръ, какъ начинается смѣшеніе римскаго элемента съ элементами германскими -- начинается Средняя исторія. Нельзя,

значитъ, начинать изложеніе съ событій лежавшихъ въ средѣ исключительно Римской имперской исторіи; но нельзя также и начинать съ изученія германцевъ временъ Тацита. Поэтому мы охарактеризуемъ эти факторы отдѣльно, а потомъ уже и въ ихъ смѣшеніи.

Итакъ, первой задачей нашей будетъ характеристика Рима IУ и У вѣковъ.

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ.

Надо выяснить главныя политическія основы, которыми она жила. Онѣ долго держались, не умирая. Такъ, напримѣръ, титулъ римскаго императора удержался до времени Наполеона и это было не пустымъ звукомъ, а обозначеніемъ для дѣйствующаго учрежденія.

Затѣмъ нужно сдѣлать характеристику общественныхъ, религіозныхъ и культурныхъ началъ, поскольку они вліяли на жизнь.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ. При характеристикѣ политическаго строя Рима надо начинать съ имперіи, какъ учрежденія. Имперія - это законченная форма неограниченной монархіи -

Quod principii placuit habet auctoritatem

Все исходитъ отъ монарха. Краеугольный камень всего зданія - монархическая власть. Но, всматриваясь ближе, мы видимъ, что мало общаго опредѣленія, что тутъ есть черты, которыя придаютъ Римской Имперіи особый, весьма существенный оттѣнокъ, рѣзко отличающій ее отъ современной формы неограниченной монархіи.

Теперь, когда апологеты монархическаго строя приводятъ аргументы въ пользу своей доктрины, то ссылаются прежде всего

на твердость и неприкосновенность монархической власти. Крѣпкая традиціонность, отсутствіе партій, споровъ - вотъ главныя достоинства ея. Но этой то традиціонности и крѣпости и не было въ Римской Имперіи. Стояло это въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что имперія IУ и У вв. понималась не какъ учрежденіе самодержавное: оно не изъ себя беретъ начало и не отъ Бога, но власть передана ему народомъ. Имперія являлась делегаціей народа. Власть взята отъ народа въ его совокупности. На это указываетъ и исторія Имперіи, которая при Августѣ есть не болѣе какъ сумма выборныхъ республиканскихъ магистратуръ.

Въ IУ и У вв. императоры въ своемъ фактическомъ полновластіи, сильно чувствуютъ это ограниченіе; и съ Діоклетіана появляются попытки поставить эту власть на другое основаніе. Императоры стараются внушить мистическое пониманіе своей власти, внушаютъ, что она не делегирована, а самодержавна; для этого вводится при дворѣ восточный церемоніалъ, божественныя почести, колѣнопреклоненіе и т.д. Это стремленіе становится еще сильнѣе со времени побѣды христіанства. Церковь освящаетъ власть, какъ данную отъ Бога, вводитъ въ обращеніе это новое политическое понятіе. Но сила недавней традиціи такъ велика, что даже въ IУ и У вѣкѣ мы видимъ цѣлый рядъ государственно-правовыхъ фактовъ, наглядно подтверждающихъ, что императоръ всетаки только первый делегатъ своего народа. Діоклетіано-Константиновская Имперія не могла побороть главнаго неудобства - отсутствіе правильнаго престолонаслѣдія. Императоръ не могъ передать своей власти по наслѣдству, это только диктаторъ, отдѣльный делегатъ своего народа. Несмотря на попытки Өеодосія, Діоклетіана и Кон-

стантина провести наслѣдственность имъ не удалось.

Діоклетіанъ чувствовалъ непрочность своей власти, зависимость ея отъ войска и черни, но онъ и не думалъ объ установленіи правильной наслѣдственности. Идея о томъ, что императоръ долженъ быть достойнѣйшій и при томъ достойнѣйшій изъ полководцевъ -- была сильна въ немъ самомъ. Поэтому онъ для устраненія неудобства придумалъ неловкую систему усыновленія. Является непрочная система управленія императоровъ и ихъ преемниковъ, которыхъ они сами себѣ подбираютъ.

Константинъ старается провести семейную наслѣдственность. Но старый порядокъ беретъ верхъ; являются могущественные полководцы, какъ Валентиніанъ, Валентъ, Θеодосій, которые захватываютъ власть. Такимъ образомъ, традиціонная наслѣдственность постоянно прерывается приходящимъ элементомъ.

Въ Византіи впослѣдствіи образуются династіи, но онѣ постоянно усложняются усыновленіемъ и прерываются узурпаціей. Есть и другія формы, въ которыхъ выражается необходимая связь между императоромъ и народомъ. Хотя комицій, вѣча больше нѣтъ, сенатъ не имѣетъ значенія, нѣтъ никакой формы народовластія, но императоръ въ важныхъ случаяхъ обращается къ народу непосредственно или черезъ глашатая въ циркѣ, а народъ говоритъ съ нимъ черезъ цирковыя партіи, которыя въ сущности имѣли политическое значеніе. Сохранялось сознаніе, что императоръ - это диктаторъ, получившій свою власть отъ народа. Эта форма, не подходящая къ типу традиціонной монархіи "Божіей милостью", но есть въ сущности энергическая диктатура на демократической основѣ.

Всѣ попытки создать аристократію окончились неудачно. Им-

перія установила только титулы, а настоящая аристократія создалась уже позже въ періодъ разложенія и дробленія власти и всѣ эти spectabiles, clarissimi и perfectissimi есть только чиновники, не имѣютъ значенія сословія съ независимой силой, и съ властью императора конкуррировать не могутъ. Но эти ранги характеризуютъ средство, которымъ пользуется императоръ. Нельзя представить имперію безъ бюрократіи. Императоръ дѣйствуетъ черезъ посредство безчисленныхъ органовъ власти, лично отъ него зависящихъ, изъ которыхъ каждый, по теоріи, является послушнымъ орудіемъ въ рукахъ императора, передаетъ только его приказанія. Нѣтъ свободныхъ центральныхъ учрежденій. Около императора существуетъ совѣтъ [consistorium principis], назначаемый имъ самимъ и имѣющій совѣщательный характеръ. Онъ облегчаетъ императору его дѣятельность, но ограничительнаго значенія не имѣетъ.

Всякое отношеніе стремится снизу верхъ до самаго императора. Итакъ, число дѣлъ, восходящихъ къ императору, безконечно и совѣтъ не имѣетъ возможности дѣйствительно разсматривать ихъ. Императоры останавливаются на распутьи: надо или отказаться отъ личнаго вліянія на всѣ дѣла и дать болѣе самостоятельности высшимъ сановникамъ или до всего доходить самимъ; но это невозможно. Наконецъ, они рѣшаются остановить теченіе дѣлъ снизу вверхъ. Издается эдиктъ, воспрещающій обращаться къ императору въ судебныхъ дѣлахъ безъ разрѣшенія на то префекта [praefectus praetoriae], иначе дѣло разрѣшалось окончательно самимъ префектомъ. Въ мотивахъ къ этому эдикту говорится, что императоръ и его канцелярія буквально завалены прошеніями. Такимъ образомъ, въ судебной области, является какъ бы децен-

трализація. Но рядомъ съ этимъ есть множество декретовъ, которые показываютъ, что путемъ изъятія можно было миновать преѳекта, нужно было только подать прошеніе на "Высочайшее имя" и благодаря этому возникаетъ громадная канцелярія такихъ прошеній, громадное новое вѣдомство, которое конкуррируетъ со всѣми обычными вѣдомствами и сплошь и рядомъ поступаетъ наперекоръ имъ.

Самая важная задача монархіи состоитъ въ томъ, чтобы подчинить всѣ органы управленія одному обозрѣвающему оку. Въ этомъ отношеніи имперія Діоклетіана сдѣлала много — она вырабатываетъ сѣть административныхъ учрежденій, концы которой сходятся къ четыремъ министерствамъ: ѳинансовъ, [comes sacrarum largitionum] доменовъ [comes rei privatae] внутреннихъ дѣлъ [magister officiorum] и законодательства [quaestor sacri cubiculi], который почти совсѣмъ соотвѣтсвуетъ второму отдѣленію Собственной его Величества Канцеляріи. Quaestor'у sacri cubiculi принадлежала разработка, опредѣленіе, редакція и, наконецъ обнародованіе закона, послѣ того, какъ онъ былъ освященъ подписью императора. Передаточной инстанціей отъ министерства къ провинціямъ являются 4 преѳекта, соотвѣтсвенно раздѣленію имперіи на 4 части [въ культурномъ отношеніи, на Восточную и Западную, въ военномъ отношеніи на пограничную и внутреннюю]. Но раздѣленіе на четыре части не выдержало пробы и осталось только культурное дѣленіе; тѣмъ не менѣе 4 преѳекта уцѣлѣли. Преѳектуры распадаются на 12 діоцезъ, которыя въ свою очередь подраздѣлены были на провинціи, число которыхъ доходило до ста двадцати. Діоклетіано-Константиновская имперія дѣлаетъ попытку отдѣлить въ про-

винціи военную власть отъ гражданской. Но это не удалось. Подъ вліяніемъ постояннаго напора варваровъ на границы, военные начальники [duces - герцоги] захватили въ свои руки и гражданскую власть и въ V вѣкѣ обѣ власти опять были соединены.

Чиновниковъ было страшно много, и по нѣсколько преувеличенному выраженію Лактанція ихъ число превышаетъ платящихъ подати [maior est numerus accipentium quam dantium]. До насъ дошелъ любопытный въ этомъ родѣ документъ [notitia imperii — перепись], изъ котораго видно, что каждый крупный чиновникъ былъ окруженъ обширной канцеляріей [schola] двойного состава. Одинъ годъ дѣйствуетъ одна половина, другая за штатомъ; обязанность этой заштатной половины — контроль надъ товарищами; на слѣдующій же годъ обѣ половины мѣняются своими ролями. Этотъ громадный контроль указываетъ на то, до какой степени доходили злоупотребленія такого чиновничества. Императоръ напрягаетъ всѣ усилія противъ взятокъ и насилія и въ результатѣ цѣлая половина служащихъ обязана слѣдить за своими товарищами и доносить на нихъ.

Кромѣ этого существуетъ цѣлая отрасль управленія — agentes in rebus. Ихъ назначеніе — неожиданныя ревизіи и тайныя разслѣдованія дѣятельности губернаторовъ. Этихъ agentes in rebus боятся и ихъ ненавидятъ, но императоры говорятъ, что не могутъ иначе довѣряться добропорядочности своихъ чиновниковъ. Сама имперія сознаетъ, что крайняя централизація не достигаетъ своей цѣли и вотъ въ IV и V вв. являются попытки создать противовѣсъ этой бюрократіи снизу. Валентиніанъ и Валентъ создаютъ должность defensor'а, который долженъ защищать низшій классъ отъ захватовъ чиновниковъ. Та-

кимъ образомъ, приходится давать бѣднымъ людямъ специальнаго ходатая, имѣющаго доступъ прямо къ императору.

Въ У вѣкѣ при Гонорiи и Аркадiи хотятъ возобновить опять провинцiальныя собранiя, совершенно забытыя въ предыдущую эпоху. Каждая провинцiя должна высылать делегацiю, которая уже заранѣе, съ общаго согласiя, составляетъ петицiю о нуждахъ к края и отдѣльныхъ классовъ и представляетъ ее императору.

Имперiя вообще вездѣ отыскивала себѣ опору для контроля и въ широкой степени пользовалась помощiю церкви. Гражданская администрацiя признается въ корнѣ испорченной, хотя отдается должное ея техническому искусству и ловкости. Но есть одно идеальное учрежденiе, живущее самостоятельнымъ духомъ, это -- церковь, съ которой прежде боролись, но къ помощи которой теперь прибѣгаютъ. Поэтому епископъ IУ, особенно У-то вѣка является не только iерархомъ: - ему принадлежитъ также обширная компетенцiя въ дѣлахъ гражданскихъ и общественныхъ: вся общественная благотворительность большею частью въ ихъ рукахъ и они же преимущественно являются defensores низшихъ классовъ.

Мы видѣли, что помѣстные соборы IУ и У вѣк. занимаются чисто свѣтскими общественными вопросами; особенно часто поднимается овпросъ о преобразованiи сословнаго порядка. Церковь систематически покровительствуетъ рабамъ, вольноотпущенникамъ, вообще всѣмъ обдѣленнымъ.

Вотъ какъ имперiя IУ и У вв. сама себя критикуетъ. Въ результатѣ появилась стройная бюрократическая система, но едва она выстроена, какъ уже приходится поднимать элементы самостоятельные, которые прежде такъ старательно заглушались.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ. При характеристикѣ государства недостаточно обратить вниманіе на характеръ власти, стоящей во главѣ и на его внѣшнюю организацію - на армію, чиновничество, полицію и вообще на все то, что составляетъ внѣшній строй государства. Другой существенной задачей для того, кто желаетъ характеризовать жизнь государственнаго цѣлаго является необходимымъ выяснить-какъ относится вся эта внѣшняя организація ко внутренней жизни. Государство и общество совпадаютъ, если смотрѣть сверху, при чемъ государство какъ бы прикрываетъ общество. Но на дѣлѣ это не совсѣмъ такъ, - развѣ одна десятая всѣхъ гражданъ принадлежитъ непосредственно къ управляющему классу, если сюда включить всѣхъ власть имущихъ, какъ то: юристовъ, чиновниковъ и т.д. , а девять десятыхъ являются простыми гражданами, которые всетаки составляютъ извѣстную общественную группу и также живутъ исторической жизнью. Полная историческая характеристика должна имѣть въ виду, какъ государство, которое управляетъ, такъ и общество, которое управляется. Ставимъ себѣ поэтому вопросъ, что дѣлало государство для общества и что общество должно было дѣлать для государства. Опредѣлимъ тѣ задачи, которыя главнымъ образомъ разрѣшаетъ римское государство въ эпоху имперіи.

Двѣ главныя задачи занимаютъ императоровъ, чиновниковъ, и все общество. Первая задача - это уравненіе общества въ однообразный гражданскій составъ свободныхъ людей. Рабы только отчасти захвачены этимъ процессомъ, но все остальное общество дѣйствуетъ, и подъ давленіемъ государства,и само, въ видахъ

уравненія и объединенія. Этотъ процессъ происходитъ въ 3-хъ формахъ: I| объединеніе власти и уравненіе всѣхъ по отношенію къ власти. Всѣмъ понятно, что,когда,вмѣсто десятка властей,существовавшихъ по берегамъ Средиземнаго моря, появилась одна, то она не только уничтожила всѣ остатки прежнихъ территоріальныхъ властей, но и въ самой Италіи притянула къ себѣ всѣ республиканскія магистратуры. Задача уравненія всѣхъ въ общемъ подданствѣ разрѣшалась постепенно: для ея разрѣшенія приходилось прежде всего устранить двойственность властей, допущенную организаціей Августа. Происходитъ борьба императоровъ съ сенатомъ, какъ съ вольной корпораціей. Сенатъ при Августѣ еще обладаетъ такимъ значеніемъ, что можно говорить о двойственности власти въ имперіи и императоры мало по малу путемъ кровавыхъ мѣръ, уничтожили эту двойственность.

Второй процессъ - это уравненіе и смѣшеніе національностей; о немъ я еще поговорю подробнѣе, а теперь скажу лишь только, что Римская имперія была великой этнографической лабораторіей, которая перерабатывала и сплавляла воедино самыя разнородныя составныя части. Вѣдь входили въ нее и пунійцы, и испанцы, и галлы, и греки, и египтяне. Все это объединялось, обезличивалось и принимало новый характеръ гражданъ одного культурнаго центра.

Третій процессъ - уравненіе сословій. Внѣшнія различія сословій сохранялись очень долго и, пожалуй, пережили саму имперію. Были даже попытки образовать новое сословіе императорскаго чекана, но имперія была учрежденіемъ глубоко демократическимъ, не допускавшимъ никакой другой самостоятельной власти рядомъ съ собой: всѣ власти получали свое значеніе отъ импе-

ратора. Это одно изъ главныхъ стремленій императоровъ, которое коснулось также обездоленныхъ - рабовъ. На этомъ только основаніи стало возможнымъ созданіе римскаго права, которое было съ одной стороны ius gentium-право равноплеменное, съ другой ius civile -право гражданское. Поэтому то и теперь еще возможно изучать его, какъ отвлеченную раціоналистическую пробу права. Правда, теперь оно перешло въ область пропедевтики, но и до сихъ поръ сохранило практическое значеніе, ибо всѣ права всѣхъ европейскихъ государствъ имѣютъ однимъ изъ своихъ источниковъ римское право и это можно понять лишь тогда, когда представимъ себѣ римское общество, какъ однообразно-гражданское. Если бы тамъ были исторически-сложившіяся сословія, то такого перевода на новѣйшее время нельзя было бы сдѣлать. Тутъ идетъ одна работа объединенія и упрощенія подъ вліяніемъ абсолютной государственной власти.

Вторая задача, такъ же рѣзко выдвигавшаяся впередъ - это постоянная борьба съ некультурнымъ, полукультурнымъ и инокультурнымъ міромъ. Всякое государство ведетъ войны, но римское государство поставлено было въ особое положеніе;оно ведетъ войны непрестанно и римскій императоръ былъ imperator въ полномъ смыслѣ этого слова, т.е. полководецъ. Эта борьба велась сперва побѣдоносно, наступательно, потомъ обратилась въ оборону, все болѣе и болѣе неудачную. Это условіе постоянной внѣшней борьбы повліяло на внутреннее состояніе государства. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше имперія попадала въ осадное положеніе, а всякое осадное положеніе ведетъ къ тяжкимъ требованіямъ, повинностямъ и ограниченіямъ. Особенно это видно въ послѣднее время, когда осадное положеніе усилилось, враги угрожали не только составнымъ част

стямъ, но и центру. Ввиду этого основного факта, мы охарактеризуемъ взаимныя отношенія общества и государства. Надо отвлечься отъ личныхъ качествъ и успѣховъ того или другого императора. Вслѣдствіе сложности организаціи и ея преемственности приходится говорить объ имперіи, какъ совокупности представляющихъ ее чиновниковъ и правителей. Личныя свойства императоровъ дѣлались все болѣе отвлеченными, безличными, по мѣрѣ удаленія отъ центра и приближенія къ провинціямъ. Съ этой точки зрѣнія Тиберій, Неронъ, Коммодъ въ провинціи могутъ возбуждать искреннія симпатіи. Тиберій, тяжелый человѣкъ, но онъ усилилъ контроль и за это его любили въ провинціи. Неронъ, полная и безумная негодность, въ провинціи пользовался популярностью. Коммода благодарятъ не только офиціально, но и сердечно, какъ мы видимъ это по нѣкоторымъ петиціямъ провинціальныхъ собраній, за устройство государственныхъ крестьянъ. Какъ учрежденіе, имперія дѣйствуетъ гораздо сильнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ отдѣльная личность; съ другой стороны, самые лучшіе императоры не могли уничтожить дурныхъ сторонъ управленія. Траянъ - идеалъ государя, а между тѣмъ изъ его переписки съ Плиніемъ Младшимъ видимъ, что императоръ безсиленъ передъ общимъ неудобствомъ постановки власти. На него, какъ и на всякаго государя, смотрятъ, какъ на Провидѣніе, у него одного ищутъ помощи и указаній, и въ какой нибудь Никомидіи не можетъ устроиться даже пожарное общество безъ его разрѣшенія. Безъ императора ничего не удается, общество отвыкло отъ самодѣятельности и намѣстникамъ то и дѣло приходится жаловаться на пассивность и испорченность общества; при всемъ желаніи уврачевать общественныя язвы, они находятъ одно только средство - постоянно

обращаться къ императору съ просьбой о помощи - деньгами, войсками и ревизіями. И вотъ императоръ,при великой даже энергіи поставленъ лицомъ къ лицу съ чиновничествомъ, которое взываетъ къ нему и свидѣтельствуетъ, что общество совершенно неспособно жить самостоятельно Гдѣ прежде интересовались городскими дѣлами, теперь господствуетъ взяточничество и апатія. Императоръ и помогаетъ, издаетъ безчисленные рескрипты, но упомянутая переписка двухъ передовыхъ людей показываетъ, что такая задача немыслима, что это наполненіе бездонной кадки. Тутъ нужно говорить объ учрежденіяхъ, поставленныхъ лицомъ къ лицу съ обществомъ. Печальная и поучительная картина.

Оказывается, что учрежденіе, которое располагаетъ многочисленнымъ чиновничествомъ, великолѣпнымъ усовершенствованнымъ правомъ и огромнымъ войскомъ, изнемогаетъ. У него только одно средство, крайнее средство всякаго осаднаго положенія, - надо прикрѣпить общество къ его обязанностямъ, не только государственнымъ и военнымъ, но и къ частнымъ гражданскимъ. Начиная съ IУ и УIвв., идетъ законодательство обширнаго при крѣпленія: всякій является поставленнымъ въ положеніе болѣе или менѣе отвѣтственнаго лица. Если мы представимъ себѣ осажденный городъ, то поймемъ, что торговать въ немъ свободно нельзя, что рано или поздно контроль надъ продажей съѣстныхъ припасовъ будетъ необходимъ. Но представимъ себѣ, что цѣлому государству приходится стать въ такое положеніе въ теченіе не нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не одного года, а цѣлыхъ столѣтій. Такое состояніе невозможно, но оно было необходимо для того, чтобы общество не ушло отъ своихъ политическихъ и общественныхъ обязанностей. Въ законѣ 302 года Стратоникейскомъ эдиктѣ [de pretio

Эдиктъ Діоклетіана находимъ полную табель цѣнъ, которая устанавливается закономъ разъ навсегда. Указывалось, съ недостаточнымъ пониманіемъ политической экономіи, что населеніе страдаетъ отъ высокихъ цѣнъ, и особенное вниманіе обращено на военныхъ людей. Императоръ приказываетъ, чтобы была дешевизна и даетъ точную таксу не только на хлѣбъ, овощи и вообще съѣстные припасы, но и на рабочій день, одежду и пр. Это мѣропріятіе, конечно не удалось и политическая экономія взяла свое: цѣны опять стали колебаться, но сама попытка урегулировать закономъ свободное обращеніе очень характерна. Еще болѣе было попытокъ сословнаго законодательства. Всѣ классы распредѣляются на наслѣдственныя сословія и состоянія. Двѣ главныя и спеціальныя задачи наводятъ императора на мысль позаботиться объ извѣстныхъ обязанностяхъ классовъ. Съ одной стороны военная задача, съ другой - финансовая.

Военная задача особенно трудна потому, что коренное населеніе имперіи мало-по малу, подъ вліяніемъ роскоши, образованія торговли, развитой экономической жизни, отвыкаетъ отъ войны, теряетъ воинственность. Интересы мѣнялись такъ рѣдко, что императорамъ III-яго и даже II-го вѣка приходится подыскивать другой матеріалъ для войска. Совершается процессъ стихійный: коренное населеніе или вовсе не даетъ солдатъ, или даетъ войска только внутреннія, а внѣшнія войска пополняются или пограничными жителями, смѣшавшимися съ варварами, или составляются изъ самихъ варваровъ. При Маркѣ Авреліи каждый покоренный народъ переселяется въ область Римской Имперіи, обязывается военной службой и зачитывается въ римскій классъ „мелкихъ людей". Но уже Пробъ селитъ массами чистыхъ варваровъ и сохраняетъ за

ними, даже на границѣ, ихъ общественную организацію съ ихъ собственными мелкими вождями. Какой нибудь Х и л ь д е р и к ъ въ Галліи носитъ званіе римскаго военоначальника, но онъ же и король варваровъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Въ У вѣкѣ, полководецъ Стилихонъ, не только самъ варваръ, вандалъ, но дѣйствующій съ варварами противъ варваровъ же. Возьмемъ въ У вѣкѣ военныя силы Галліи. Тамъ варвары служатъ имперіи или какъ "laeti", отдѣльные люди на службѣ имперіи, или какъ "gentiles" и "foederati" - это цѣлыя племена, какъ напр. Готы и Франки. Франкъ Хильдерикъ - римскій magister militiae и въ то же время варварскій король въ предѣлахъ имперіи. Чтобы обезвредить варваровъ для имперіи,ихъ стараются сдѣлать наслѣдственнымъ военнымъ классомъ.

Обращаясь къ финансовой задачѣ, мы приходимъ къ заключенію, что подати внущаютъ ту же мысль о наслѣдственности.

Подати были трехъ родовъ. Во-первыхъ, поземельная, которая считается не по площади земли, а со всего земельнаго хозяйства; платитъ и земля и весь инвентарь. Во вторыхъ, рабочее населеніе платитъ подушную подать, которая скоро, какъ и у насъ въ Россіи переходитъ въ подать съ рабочьей семьи. Рабочая семья, какъ податная единица, составляется изъ I-ого мужчины и 2-хъ женщинъ. Въ третьихъ, являются налоги гильдейскіе, цеховые.

Сумма налоговъ громадна, представленіе о ней мы можемъ получить не изъ бюджета, такъ какъ мы не можемъ возстановить его въ полномъ объемѣ, а объ этомъ свидѣтельствуютъ, напримѣръ, недоимки. Недоимки дѣлаются хроническимъ зломъ и чтобы изба-

виться отъ него приходится скидывать иногда до 3/4 всей суммы налоговъ. Изъ Сальвiана [De gubernatione Dei] мы узнаемъ что провинцiальные плательщики бѣгутъ къ варварамъ, такъ какъ тамъ не нужно платить податей. Въ этой борьбѣ за подать намѣчаются главныя задачи финансоваго управленiя: [Codex Theodosianus] во I-хъ, усмотрѣть за тѣмъ, чтобы всѣ были обложены податью въ максимумѣ и во 2-хъ, чтобы никто не ушелъ отъ подати. Съ необходимости расписатѣ всѣхъ по податнымъ классамъ и ввести податную наслѣдственность, начинается особое законодательство о состоянiяхъ. Всякiй занимаетъ общественное положенiе и является объектомъ законодательства съ той точки зрѣнiя, что онъ даетъ для подати и съ какой стороны можетъ отъ нея уклониться. Общая идея такова: нельзя допускать свободнаго перемѣщенiя изъ одного класса въ другой, такъ какъ это затрудняетъ расцѣнку и вотъ, послѣ цѣлаго ряда плодотворныхъ заботъ для уравненiя общественныхъ классовъ, приходится подъ влiянiемъ абсолютизма и осаднаго положенiя, провести законы, крайне затрудняющiе перемѣщенiе изъ одного положенiя въ другое. Характерно это законодательство по отношенiю къ замкнутымъ городскимъ классамъ, мѣщанамъ и купцамъ [curiales]. Они являются отвѣтственными по двумъ повинностямъ: какъ домовладѣльцы, они вносятъ авансомъ городскiя подати за все городское населенiе и государство предоставляетъ имъ самимъ вѣдаться съ ч а с т н ы м и с б о р щ и к а м и или собирать самимъ; какъ владѣльцы пригородныхъ сельскихъ участковъ, они обязаны собирать эту подать по деревнямъ, т.е. въ ихъ рукахъ находится исполненiе обязанностей мѣстныхъ муниципальныхъ властей. И вотъ въ Θеодосiевомъ кодексѣ является масса декретовъ, напра-

вленныхъ къ тому, чтобы ихъ не выпустить изъ сословія. По помпейскимъ раскопкамъ мы видимъ, что куріалы еще кичатся назначеніемъ въ дуумвиры [городскіе головы], а въ V вѣкѣ, въ Өеодосіевомъ кодексѣ, значится: "Если куріалъ будетъ уклоняться отъ дуумвирата, то сдѣлать его дуумвиромъ на 2 года". Итакъ еще тяжелѣе быть сборщикомъ и вносить подать авансомъ; поэтому слѣдили не только за переходомъ изъ одного сословія въ другое, но и за имуществомъ куріаловъ. Куріалъ не можетъ продать всего своего имущества [за продажу вообще - огромная пошлина], не можетъ произвольно завѣщать его, но долженъ оставить извѣстную часть въ городѣ, чтобы наслѣдникъ продолжалъ его дѣятельность. Куріалъ не могъ уѣзжать изъ города безъ отпуска, который выдавался при строгихъ формальностяхъ, а то , пожалуй, совсѣмъ уѣдетъ.

Лично и имущественно человѣкъ привязанъ къ мѣсту.

Характерно также законодательство о купеческихъ классахъ. Торговля хлѣбомъ "navicularia" передается извѣстнымъ корпораціямъ, которымъ даются подробнѣйшія указанія, откуда и куда возить хлѣбъ, на какихъ судахъ, въ какія гавани, по какой цѣнѣ продавать и т.д. , все это было поставлено подъ надзоръ государства и въ условія крѣпостной наслѣдственности.

Но особый интересъ имѣетъ исторія крестьянскаго сословія. Въ Римской имперіи совершается переходъ отъ рабскаго труда древняго міра къ крѣпостному труду Среднихъ вѣковъ.

Я хотѣлъ указать, что произошло съ крестьянами Римской Имперіи. Переворотъ этотъ очень характеренъ и результатъ его важенъ для Среднихъ вѣковъ, ибо имъ создается основа для средневѣкового крѣпостничества, средневѣкового вилланства.

Надо сначала вспомнить, что былъ древній рабъ, такъ какъ колоны V вѣка и средневѣковые крестьяне - это преобразованные рабы. Сущность рабства заключается въ томъ, что человѣкъ теряетъ свое значеніе, какъ личность, является орудіемъ, предметомъ въ рукахъ другого, который можетъ употребить его какъ хочетъ и даже, если пожелаетъ уничтожить его. Хозяйственнымъ послѣдствіемъ этого является устройство рабскихъ колоній, мастерскихъ и фабрикъ, работающихъ подъ давленіемъ хозяйской инициативы. Хозяинъ даетъ имъ направленіе и пріемы и эксплоатируетъ хозяйство по своему. Положеніе самостоятельнаго мелкаго арендатора - исключеніе, - рабъ становится частью машины. Наиболѣе полное развитіе этого рабовладѣльческаго хозяйства мы замѣчаемъ въ первые вѣка Имперіи, такъ какъ тогда была отличная полицейская охрана, отличныя пути сообщенія, которыя затрудняли побѣгъ рабовъ и облегчали ихъ пересылку. Тутъ не было неудобства маленькаго государства, черезъ границы котораго рабъ могъ легко спастись отъ преслѣдованія хозяина. Не было никакихъ преградъ къ эксплоатаціи рабскаго труда. Общество дѣйствовало правильно и хорошо, какъ машина. Создаются огромныя плантаціонныя хозяйства для эксплоатаціи рабскаго труда. Когда въ Афрпкѣ устраиваются плантаціи хлѣбныя, а въ Южной Италіи цвѣточныя, то рабы работаютъ стройно, какъ солдаты въ декуріяхъ, живутъ въ казармахъ, а если работаютъ военноплѣнные, то и въ цѣпяхъ, однимъ словомъ - безусловная эксплоатація со стороны хозяина и полная безличность раба. Все это, повторяю, возможно только при благоустроенномъ государствѣ и широко раскинувшемся обществѣ. Тутъ лишь существуютъ большіе капиталы и об-

ширный дешевый кредитъ, а надежда на организованный вывозъ поощряетъ предпріимчивость. Но уже и тогда замѣчается одна любопытная соціальная поправка. Въ связи съ плантаціонной, латифундіарной эксплоатаціей рабскаго труда возникаетъ классъ вольноотпущенниковъ. Ибо чѣмъ полнѣе эксплоатація раба, тѣмъ сильнѣе становится запросъ на организованный надсмотръ и администрацію для передачи массѣ приказаній господина. Для управленія латифундіей необходима многочисленная рабочая администрація. Разъ является необходимость передачъ приказаній, то совершенно невозможно передающему оставаться въ положеніи полнаго безволія.

Выдвигается обширный классъ вольноотпущенниковъ и это не случайность, а соціальная необходимость. Это передаточные нервы хозяйственнаго организма, и чѣмъ шире этотъ организмъ, тѣмъ больше запросъ на нихъ. Вольноотпущенникъ уже имѣетъ свой интересъ: онъ работаетъ не только на господина, но и для себя, обладаетъ извѣстной правовой защитой, и хотя онъ поставленъ въ условія матеріальной зависимости отъ господина, все же съ нимъ приходится считаться, дѣлать уступки. Вотъ соціальная поправка, которая вносится въ эпоху полнаго развитія рабовладѣнія. Несвободный классъ раздѣляется на двѣ половины: I| классъ рабовъ, лишенныхъ свободы, 2| классъ вольноотпущенниковъ, заправителей, облеченныхъ извѣстной долей самостоятельности и правъ. Но съ III вѣка происходитъ другой процессъ, разлагающій рабскій трудъ и латифундіарное хозяйство. Подъ вліяніемъ осаднаго положенія имперія теряетъ возможность получать подвозъ со стороны; побѣды прекращаются, военноплѣнныхъ нѣтъ, рабовъ становится мало, такъ какъ рабъ истощается въ непосильной работѣ изъ подъ палки и почти не имѣетъ потомковъ, такъ что

рабство само себя не пополняетъ въ плантаціонномъ хозяйствѣ, какъ это видно изъ примѣровъ южныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ Сѣверной Америки и вымираетъ безъ пополненія со стороны. Является обязательный запросъ на топку, ибо матеріалъ перегораетъ. Пока матеріалъ доставляли варвары, то хозяйство могло существовать, какъ только этотъ источникъ изсякъ, то представилась необходимость повысить уровень развитія раба прямо въ интересахъ матеріальныхъ. Если не появится извѣстной доли самостоятельности и жизненности, то рабское населеніе, такъ сказать, растаетъ въ рукахъ и уничтожится. Но и другія условія требуютъ возвышенія рабскаго сословія. Варвары прорываютъ границы, армія бунтуетъ. Такимъ образомъ прерывается обезпеченность и удобство сообщеній въ имперіи, которыя позволяли передвигать рабовъ и товары и вести дѣло широко. И вотъ въ III вѣкѣ дѣло доходитъ до кризиса; весь соціально-хозяйственный міръ разбивается на двѣ части; связи между провинціями разбиваются и появляется стремленіе къ самостоятельности. Разница между II и III вѣкомъ состоитъ въ томъ, что во II вѣкѣ мы видимъ полное раздѣленіе труда между провинціями. Являются провинціи спеціально-хлѣбныя - Африка, Египетъ, Сицилія и отчасти Испанія, разъ онѣ нуждаются, напримѣръ, въ продуктахъ мануфактурныхъ, эти нужды удовлетворяютъ Азія и Галлія. На пограничныя провинціи возложена военная защита, но онѣ нуждаются въ дѣятельности внутреннихъ, такъ какъ военнымъ поселеніямъ нужна одежда, хлѣбъ Провинціи, такимъ образомъ, получили спеціальное назначеніе и все держится на взаимномъ соотвѣтствіи частей въ обмѣнѣ на равныхъ паяхъ. Но представьте себѣ задержку въ доставкѣ. Про-

рываются варвары и провинціи отдѣляются другъ отъ друга. Въ III вѣкѣ мы видѣли полное крушеніе латифундій. Въ виду отдаленности рынка нельзя вести хозяйство широко; приходится сокращать хозяйство, которое было совершенно капиталистическимъ, натурализировать его, чтобы кое что можно было взять вездѣ, все добыть въ одномъ мѣстѣ. Было бы безумно въ III в. въ Африкѣ работать для Галліи, гдѣ можетъ быть въ данное время торжествовалъ какой нибудь узурпаторъ. Пришлось обратиться къ самостоятельному земледѣльческому сословію, развивать его во всѣхъ отношеніяхъ, а не въ какой нибудь узкой спеціальности. Исчезнувшіе было совсѣмъ крестьяне появляются въ III вѣкѣ по Р.Х. опять въ видѣ мелкихъ арендаторовъ, которыхъ нельзя эксплоатировать, какъ рабовъ; помѣщики принуждены уступить имъ извѣстную долю самостоятельности. Поэтому въ общемъ контрастъ между сельско - хозяйственными системами II и IУ вѣковъ выражается такъ - во II вѣкѣ - плантація, въ IУ вѣкѣ - помѣстье, раздѣленное между множествомъ мелкихъ полусвободныхъ арендаторовъ. Мелкіе свободные арендаторы прикрѣпляются разъ навсегда къ своимъ участкамъ.

Рабскій трудъ преобразовывается подъ вліяніемъ хозяйственныхъ и соціальныхъ условій и рабъ эксплоатируется не какъ скотъ, а какъ мелкій человѣкъ, у котораго есть свой участокъ, свой инвентарь, свой скотъ, который обязанъ своему хозяину только извѣстной работой, напримѣръ, 3 дня въ недѣлю, который все же имѣетъ свою самостоятельную личность. Въ такомъ видѣ подготовляется матеріалъ для колоната еще до Діоклетіана и Константина. Уже при Пробѣ можно замѣтить такого рода преобразованіе. Прибавимъ еще третью форму: это подготовка колоната на государ-

ственныхъ земляхъ. Императоръ лично мало заинтересованъ безжалостной эксплоатацiей рабовъ и стремится поднять крестьянское сословiе. Можно пожертвовать частью эксплоатацiи этого класса, для ограниченiя прикащицьяго произвола. Является стремленiе защитить крестьянскiй инвентарь, крестьянскую личность, улучшить отчетность со стороны прикащиковъ. Такимъ образомъ, Коммодъ, посредствомъ эдикта установилъ точный способъ управленiя въ большомъ имѣнiи - Saltus Brunitanus.

Съ разныхъ сторонъ чисто хозяйственными условiями подготовлялся матерiалъ для крѣпостного состоянiя. Когда появилась имперiя Дioклетiана и Константина, она взяла на свое разсмотрѣнiе эти вопросы и взглянула на нихъ со своей точки зрѣнiя наслѣдственности и закрѣпощенiя. Посыпались указы о прикрѣпленiи. Эти указы ложились на подготовленную уже почву. Такимъ образомъ, сложилось въ IУ вѣкѣ право колоновъ.

Съ юридической точки зрѣнiя колоны раздѣлялись на три класса: во-первыхъ liberi - колоны лучшаго положенiя, мелкiе свободные люди съ собственнымъ инвентаремъ и нѣкоторымъ капиталомъ; во-вторыхъ coloni adscripti - они снабжены всѣмъ нужнымъ отъ господина; въ третьихъ, coloni servi которые приписаны къ подати, занесены въ formula censualis [податной списокъ; онъ дошелъ до насъ въ сочиненiи Ульпiана]. Censi servi - уже не полная собственность хозяина, они не могли уйти не только отъ господина, но и съ участка, - появляется понятiе adscriptus glebae. Съ другой стороны и власть господина ограничивалась: онъ не могъ перевести ихъ на другой участокъ земли, по крайней мѣрѣ, въ теченiе 15 лѣтъ, до новаго ценза. Императоры идутъ и дальше: они постановляютъ, что-

бы оброки и барщины были разъ навсегда величинами постоянными. Все это создаетъ совершенно новое сословіе - классъ полусвободныхъ, именно полусвободныхъ, а не рабовъ. Въ одномъ отношеніи это эксплоатируемый классъ, но онъ уже перенесенъ въ сферу государственнаго хозяйства: онъ имѣетъ полную защиту отъ господина - рабу дано право иска противъ хозяина *de vitae et membris* - онъ имѣетъ даже право гражданскаго иска въ случаѣ нарушенія неподвижности участка, къ которому онъ прикрѣпленъ и формы взноса податей.

Законодательство, слѣдовательно, явилось въ концѣ самаго процесса, который создался, главнымъ образомъ, путемъ хозяйственнаго разсчета.

Скажемъ еще объ одной сторонѣ жизни Имперіи. Я уже отчасти говорилъ, что имперія была великой лабораторіей для сплава различныхъ народовъ въ одну эллинскую или романскую національность. Насколько же это была романизація варварскихъ элементовъ - настолько же - варваризаціей культурныхъ элементовъ имперіи. Это періодъ поступательнаго движенія для варваровъ и упадка для античной культуры.

РОМАНИЗАЦІЯ. Около 215 года нашей эры, одинъ изъ самыхъ жестокихъ и незначительныхъ римскихъ императоровъ - Антонинъ Каракалла, даровалъ римское гражданство всѣмъ подданнымъ Римской имперіи. Этотъ указъ былъ лишь завершеніемъ продолжительной политики, начавшейся собственно съ тѣхъ поръ, какъ Римъ началъ выводить колоніи изъ предѣла Латіума, а потомъ и Италіи, политики, выразившейся въ рѣзкихъ мѣрахъ, напримѣръ Цезаря, который принялъ въ число римскихъ гражданъ цѣлый рядъ галль-

скихъ общинъ, Августа, который широко распространилъ римское гражданство въ провинціяхъ. Каракалла не создавалъ ничего новаго, но указъ его знаменателенъ и характеренъ въ исторіи преобразованія древняго міра въ Римской имперіи. Это не только простое расширеніе привиллегій, по отношенію къ подсудности, податямъ и пр.; тутъ есть и другая сторона, именно: этотъ указъ знаменовалъ тотъ фактъ, что императоръ вмѣстѣ съ коронными юристами призналъ, что подавляющее большинство подданныхъ имперіи можно считать римлянами по культурѣ. Нельзя понимать, что римскіе юристы распространили это на всѣ племена, даже на тѣ, которыя совершенно не подчинялись римско-греческой образованности. Укажемъ, напримѣръ, на остатки Кельтовъ въ Уэльсѣ и Арморикѣ [Бретани]: эти кельты говорили на туземныхъ нарѣчіяхъ и управлялись своими вождями подъ главенствомъ Имперіи. Эти племена, конечно, не были включены въ число римскихъ гражданъ. Итакъ, указъ Каракаллы сопровождался существенными ограниченіями: римское гражданство получили тѣ племена, которыя усвоили себѣ римское, или , по крайней мѣрѣ, италійское муниципальное устройство. Это постановленіе интересно во всѣхъ отношеніяхъ, но намъ важно обратить вниманіе не столько на юридическую его сторону, на самое распространеніе права гражданства, сколько на причины и условія распространенія, на то, что оно было обусловлено процессомъ превращенія понятій, вѣрованій, языка. Съ этой точки зрѣнія указъ знаменовалъ, значитъ, что Каракалла и его помощники признавали населеніе достаточно однообразнымъ, преобразованнымъ центральными культурами Средиземнаго моря, — греческой и римской. Посмотримъ, чѣмъ въ сущ-

ности былъ этотъ процессъ преобразованія варварскихъ племенъ. Очень легко наблюдать результаты его въ высшихъ слояхъ, такъ сказать, на вышкѣ общества, напримѣръ, въ литературѣ. Возьмемъ какого-нибудь ритора - провинціала, напримѣръ, Авзонія, Рутилія Намаціана. Если какой нибудь галльскій писатель и представляетъ опредѣленную культурную струю, то, конечно, уже не кельтскую; можетъ быть при внимательномъ разсмотрѣніи и при извѣстной долѣ фантазіи, мы увидимъ, что его риторика имѣетъ окраску кельтскую, но онъ все таки, хотя и слабый подражатель Горація и Тибулла, а не кельтскихъ бардовъ, быть можетъ его предшественниковъ по крови. Римская литература и образованность въ IУ вѣкѣ пересолилась изъ Италіи на окраины въ романскія страны. Если обратить вниманіе на внѣшнія отношенія, на юридическій строй, то трудно найти лучшихъ представителей римскаго юридическаго строя и городского уклада, чѣмъ въ какомъ-нибудь галльскомъ или испанскомъ городѣ. Не въ Италіи и Греціи, которыя уже истощены исторіей, приходится искать представителей высшей культуры, а въ провинціяхъ, которыя даютъ для этого достаточную почву. Какъ въ свѣтской, такъ и въ церковной литературѣ всѣ значительные авторы - провинціалы. Никто не можетъ поспорить въ области церковной литературы и краснорѣчія съ Тертулліаномъ, Кипріаномъ и Августиномъ, который собственно уже предвѣстникъ среднихъ вѣковъ - всѣ трое - африканцы. Цѣли Августина чисто-богословскія, но языкъ и понятія - римскаго юриста.

Такимъ образомъ, въ этой сферѣ культуры сила романизаціи, сила передѣлки иноземцевъ и инородцевъ несомнѣнна и значительна.

Но укажемъ теперь на существенныя ограниченія, сдѣлаемъ нѣкоторыя необходимыя оговорки. Я уже прежде на одну изъ нихъ намекалъ. Вы, вѣроятно, замѣтили, что приходится всегда называть эту культуру - культурой двухъ центровъ. Насъ интересуетъ процессъ романизаціи, но онъ уравновѣшивается такимъ же , если не болѣе значительнымъ процессомъ эллинизаціи. Весь востокъ въ грубыхъ чертахъ эллинизировался, но намъ приходится отмѣтить тотъ несомнѣнный фактъ, что эллинскій востокъ какъ разъ на Балканскомъ полуостровѣ, - въ Иллиріи и по Дунаю, задѣтъ процессомъ романизаціи. Тамъ лежитъ полоса совершенно романизированная, это Румынія, которая по языку, нравамъ и проч. является настоящей преемницей западнаго духа. Не трудно понять почему? Тутъ было усиленное насажденіе военной культуры. Тутъ происходила борьба съ Даками, Гетами, Готами и поэтому римская власть, защищавшій элементъ, получила здѣсь необыкновенное значеніе. Въ эпоху Юстиніана эта полоса тянется отъ западнаго берега Черного моря до восточнаго берега Адріатики. Еще Юстиніанъ говоритъ по-гречески хуже, чѣмъ по-латыни; онъ представитель романизированной части Балканскаго полуострова.

Въ извѣстномъ смыслѣ полосы романская и эллинская накладывались другъ на друга. Въ извѣстномъ отношеніи эллинская культура проникала на западъ, а романская на востокъ. О первомъ явленіи я не буду распространяться. Римская литература и искусство всегда были подражаніемъ греческимъ образцамъ. Въ этой области римляне всегда были учениками.

Восточная же половина въ извѣстномъ отношеніи была романизирована. Такъ мы находимъ въ Бейрутѣ, въ Сиріи, латинскую школу; она не пытается встать на равную ногу съ школами Аѳинъ,

Александріи и др. въ преподаваніи философіи, краснорѣчія и т.д. ея спеціальность - разработка права; право это римское, т.е. частное международное право римской обработки. Вотъ оговорка для избѣжанія ложнаго пониманія.

Остается существенный и важный вопросъ - какого свойства была и до какой степени доходила эта коллосальная трансформація народовъ на грекоримскій шаблонъ. Пути и средства ея весьма разнообразны, но ихъ можно подвести подъ три главныхъ категоріи. Будемъ разсматривать главнымъ образомъ процессъ романизаціи.

Громадное значеніе, котора нельзя преувеличивать, имѣли военныя потребности, военная администрація и политика. Гдѣ только появлялись знамена имперіи, тамъ тотчасъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ прокладывались дороги, которыя имѣли такое же стратегическое значеніе, какое имѣютъ теперь желѣзныя дороги. Но всѣ мы понимаемъ, что эти дороги оказываютъ вліяніе на страну и въ экономическомъ и общекультурномъ отношеніяхъ.

Желѣзныхъ дорогъ въ то время не строили, но зато были такія шоссейныя дороги, какія теперь забыли строить. Въ Африканскомъ Алжирѣ лучшія дороги и по сю пору тѣ, которыя построены по римской колеѣ. Причемъ нужно замѣтить, что римская сѣть дорогъ значительно шире французской.

Если даже взять Британію, занятую римлянами плохо, то все таки мы увидимъ, что зарожденіе ея торговыхъ путей и торговой жизни тѣсно связано съ римскими дорогами, которыя устроены такъ фундаментально, что сохраняются донынѣ, таковы, напр., "ИРМАНСТРИТЪ, ИКНИЛЬДУЭ | Icnieldway |. Тутъ дѣло было не въ роскоши, а въ стратегической необходимости скораго передви-

женія и сосредоточенія военныхъ корпусовъ. Только при этихъ условіяхъ можно было справиться съ численнымъ превосходствомъ враговъ. Но очеводно, что значеніе дорогъ было не только стратегическимъ онѣ вліяли на всю культурную жизнь мѣстности.

Другая сторона - это военная колонизація; любопытно, что она имѣетъ наглядное значеніе: развитіе римскихъ лагерей и городовъ изъ этихъ лагерей.

Особенно интересно подобное явленіе на окраинахъ, гдѣ мы воочію видимъ занесеніе такимъ путемъ культуры въ совершенно дикія мѣста. Это мы видимъ изъ надписей, найденныхъ въ одномъ изъ военныхъ городовъ Мавританіи - Л а м б е с ѣ ; сперва идутъ чисто военныя записи; такой то эскадронъ проложилъ столько то milia passus дороги. Но затѣмъ появляются надписи торговаго свойства, свидѣтельства о торговыхъ артеляхъ, о народахъ сирійскихъ и греческихъ и т.д. Надписи распространяются за рѣзкій четыреугольникъ римскаго лагеря; образуется новый городъ, торгово- промышленный съ болѣе округлыми формами. Характернѣе всего въ этомъ отношеніи Британія: тамъ еще много городовъ, названныхъ по лагерямъ, напр, Честеръ [переиначенное castra] или Чичестръ, Лейстеръ [Leicester], Глостеръ и т.д. Наиболѣе красноречивъ Честеръ; до сихъ поръ онъ сохраняетъ форму удлиненнаго правильнаго четыреугольника римскаго лагеря. Двѣ его главныя улицы, сосредоточивающія около себя всѣ остальныя, пересѣкаются въ видѣ латинскаго креста и наглядно напоминаютъ намъ двѣ главныя дороги римскаго лагеря - продольную - via praetoria и пересѣкающую ее, приближенно къ одному концу - via decumana.

Другая любопытная форма археологическихъ остатковъ - это

валы напр., Адріановъ и Антониновъ, которые защищаютъ римскую Британію отъ нападенія сѣверныхъ горцевъ. Очертанія ихъ выступаютъ очень ясно. Пересматривая надписи на этихъ валахъ, мы съ точностью узнаемъ, гдѣ была башня, гдѣ стояла какая часть войска. Затѣмъ мы видимъ надписи надгробныя, правительственныя, изъ которыхъ можно заключить, что процессъ передачи римскаго городского уклада былъ не такъ простъ. Войско, стоявшее, напримѣръ, у Антонинова вала, не римское, а романизированное; рядомъ стоятъ когорты Испанскія, Батавскія, эскадроны Сарматскіе, Мавританскіе. А Сарматъ, Мавръ является представителемъ не своей культуры, а извѣстной огрубѣвшей формы романской культуры. Они употребляютъ опустившуюся варварскую латынь. Получается характерная солдатско-римская культура. Тоже самое еще въ болѣе сильной степени можно сказать относительно дунайскихъ поселеній. Тамъ тоже все взято отовсюду, но едино представительство Рима и внѣшній порядокъ. Важное значеніе имѣютъ также матеріальныя условія и это видно изъ изученія произведеній матеріальной культуры. Сопоставленіе между блестящими техническими пріемами римлянъ и грубыми, неуклюжими способами работы, которые могли выставить Востокъ, Западъ и Сѣверъ имѣло важные результаты. Любопытный примѣръ для изученія этой стороны дѣла, передачи романизаціи черезъ матеріальныя улучшенія представляетъ юго-западный уголокъ Германія, который римляне, такъ сказать охватили тогда, когда они отступили за Дунай и Рейнъ. Тогда въ п... вые вѣка императоры стремились на Рейнъ, а потомъ держались главнымъ образомъ двухъ оборонительныхъ линій по двумъ большимъ рѣкамъ. Но между этими рѣками находился уголокъ, который былъ защищенъ искусственно цѣлымъ рядомъ крѣпостей и валовъ.

Это такъ называемые limes. Территорія, защищенная ими называлась agri decumates

Тутъ особенно проникаютъ римскіе порядки, римскіе пріемы матеріальной культуры въ германскую среду. Германцы учатся болѣе интенсивному земледѣлію. Римское правительство не пускаетъ ихъ шататься съ мѣста на мѣста. Появляются ткачи, а затѣмъ и другіе ремесленники съ римской выучкой. Отсюда идутъ по всей Германіи купцы и распространяютъ римскую монету, клады которой даже находятъ по берегамъ Балтійскаго моря. Они распространяли не только монеты, но и различныя серебряныя и золотыя издѣлія, по которымъ легко замѣтить, что туземные мастера учились у римскихъ. На языкѣ также замѣтны слѣды романизаціи; все сильнѣе они въ области матеріальной и церковной культуры. Не распространяясь, я укажу на вѣрный признакъ того, что много нѣмецкихъ словъ римскаго происхожденія. Даже и не знающій нѣмецкаго языка легко можетъ узнать это по одному лишь ихъ начертанію: такъ ,напр., гдѣ нѣмец. слово начинается на pf - оно непремѣнно романскаго происхожденія, напр., Pferd ; собственно нѣмец. слово - Ross испорченное paraveredus; Pfalz - palus; Pfarre [приходъ] - parochia; Pfaffe [попъ] - греко-римское - papas.

Такимъ образомъ, еще въ моментъ образованія обще-нѣмецкаго языка проникъ элементъ романскій.

ВАРВАРИЗАЦІЯ. Является вопросъ - что, весь этотъ процессъ романизаціи съ его послѣдствіями, выразившимися въ языкѣ и культурѣ, - побѣда цивилизаціи надъ варварствомъ? - Нѣтъ. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣда варварства надъ цивилизаціей, - это видоизмѣненіе греко-римской цивилизаціи подъ вліяніемъ тѣхъ лю-

дей, на которыхъ она переходитъ. Въ зависимости отъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгали варвары - ученики, измѣняется и само римское искусство.

Эта сторона дѣла имѣетъ капитальное значеніе для насъ, изучающихъ Среднiе вѣка, свидѣтельствуя о подготовленіи эпохи Среднихъ вѣковъ во время римскаго владычества путемъ измѣненія римской культуры въ романскую.

Громадность измѣненія особенно бросается въ глаза, если я укажу на конкретный фактъ.

Въ Испаніи не такъ давно найденъ образецъ металлическаго зеркала или диска, такъ наз. дискъ Ѳеодосія. Что онъ найденъ въ Испаніи, это, конечно, случайность. По случаю 25-ти лѣтъ царствованія Ѳеодосія въ Константинополѣ было изготовлено множество такихъ юбилейныхъ дисковъ или медалей, которыя сильно разошлись и въ провинціяхъ. На этомъ дискѣ изображенъ императоръ съ двумя сыновьями, около нихъ 4 воина и писецъ. Внизу находится эмблематическая фигура Abundantia съ летающими геніями. Если мы посмотримъ на эту фигуру, то увидимъ, что она подражаніе общепринятому изображенію богинь и нимфъ; это классическая фигура стараго стиля. Но если посмотрѣть на верхнюю часть, то насъ поразитъ живое варварство этого изображенія - энергическія лица, но безобразныя, съ широкими скулами остановившимися глазами, сильныя тѣла съ угловатыми очертаніями, ноги громадныя, неуклюжія, словомъ - портретное варварство.

Тоже можно сказать относительно искусства IУ и У вѣковъ. Правда, есть и новые мотивы, которые понимаются, главнымъ образомъ въ связи съ церковью, но сравненіе съ искусствомъ древнихъ явно обнаруживаетъ серьезное перерожденіе, варваризацію искус-

ства.

Въ искусствѣ и литературѣ Римской имперіи позднѣйшихъ вѣковъ, порча и упадокъ совершенно ясны. Но я думаю, что нѣтъ области, въ которой характеръ процесса превращенія варварскаго міра въ полуцивилизованный и цивилизованнаго въ полуварварскій можетъ быть такъ ясно раскрытъ и научно доказанъ, какъ въ области языка. Я имѣю въ виду образованіе новыхъ языковъ. - Что такое французскій языкъ? Намъ придется отвѣтить: измѣнившаяся, вульгарная латынь. На вульгарной латыни говорили не только во II, III вв., но и теперь еще говорятъ простолюдины въ Франціи. Все переходитъ естественно, постепенно, перерыва нѣтъ. Взглянемъ на дѣло въ началѣ Среднихъ Вѣковъ. Вмѣсто грамматическаго строенія языка увидимъ, такъ сказать, ледоходъ; старый латинскій языкъ уже сломался, а новый еще не образовался, и въ стилѣ и въ грамматикѣ найдемъ указанія, что совершается какой то рѣзкій культурный переломъ. На удачу выхвачу латинскій текстъ варварскаго памятника конца V-го или начала VI-го вѣка-Салической Правды. Я не буду выбирать параграфа, который блещетъ курьезами, возьму самый обыкновенный, но послушайте, какъ онъ звучитъ: "о вредѣ, нанесенномъ въ жатвѣ, или какой нибудь изгороди" De damno in messe aut qualibet clausura onlatum. Si quid animalia aut caballus vel quolibet pecus in messe sua invenerit, penitus eum vastare non debet. |"Если кто, животное или лошадь |именит. пад.|, или какой-нибудь скотъ найдетъ въ своей жатвѣ, отнюдь не должны его испортить"|. О грамматикѣ тутъ понятія уже совершенно неточныя, творительный, именительный, винительный падежи неясныя категоріи для людей, писавшихъ на этомъ языкѣ. Замѣтьте, что въ данномъ

случаѣ приходится говорить о порчѣ языка, которая не промелькнула въ извѣстный періодъ, но укоренилась. Является цѣлый рядъ условій современнаго языка. Французскій языкъ совершенно не знаетъ склоненій, такъ какъ система склоненій распалась въ періодъ отъ V-го вѣка. Это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что французскій языкъ кончаетъ слова ударнымъ слогомъ, все, что стоитъ дальше, не произносится. Исключеніе составляютъ только слова съ беззвучнымъ е |è muet|. Это опять рѣзкій примѣръ упадка; вся флекціонная система пропадаетъ, ибо слухъ разучился различать слогъ безъ рѣзкаго ударенія. Когда и подъ какимъ вліяніемъ совершилась эта порча? Она началась очень рано, въ предѣлахъ собственно латинскаго языка. Это замѣчается въ I и II а у комиковъ даже въ республиканскія времена. Въ надписяхъ мы также видимъ формы, несоотвѣтствующія классическому языку. Это латынь просторѣчія, грубый народный языкъ. Но намъ не приходится заходить такъ далеко, мы не филологи, а намъ собственно важна другая сторона: есть цѣлый рядъ явленій трансформаціи языка, объясняемыхъ проникновеніемъ въ римскій языкъ варварскихъ элементовъ тѣмъ, что по-латыни начинаютъ говорить люди кельтскаго, иллирійскаго и т.п. происхожденія. На примѣрѣ французскаго и итальянскаго языковъ это ясно видно. Французы утратили флексіи, итальянцы же ихъ сохранили, французы, напримѣръ, говорятъ "évêque", итальянцы-"vescovo". Отчего это случилось? Оказывается, что тутъ входитъ кельтская струя, которую мы легко можемъ изучить именно въ области ударенія, у Бретонцевъ и въ Вельсѣ. У Бретонцевъ, напримѣръ ударение дается очень рѣзко, а неударяемые слоги произносятся въ полголоса. Поэтому романизированные кельты стали перепутывать конечные слоги,

затѣмъ смѣшивать ихъ и, наконецъ, совсѣмъ ихъ утратили.

Римское " u " казалось кельтамъ слишкомъ грубымъ и они его смягчили въ " ü ". Поэтому въ то время, какъ итальянецъ говоритъ вмѣсто римскаго durus, французъ скажетъ dür. Другой характерный признакъ варваризаціи языка - это отношеніе къ придыхательнымъ. Въ настоящее время образованнаго англичанина легко узнать по правильному произнесенію " h " |эйчь|, необразованный человѣкъ или дѣлаетъ сильное, грубое придыханіе или совсѣмъ его не дѣлаетъ, пропускаетъ его; то-же самое мы увидимъ въ произношеніи галлоримскомъ IУ и У вѣка. Съ одной стороны omo, вмѣсто homo, а съ другой стороны hoccupatus вмѣсто occupatus /-

СОЦІАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СРЕДНЕВѢКОВЬЯ ВЪ ИМПЕРІИ.

Намъ не приходится очень углубляться въ филологическія изысканія, но наша цѣль указывать, какъ нѣчто подобное совершается въ соціально-политической сферѣ. Въ эпоху имперіи являются условія, предсказывающія Средневѣковье, которыя стоятъ совсѣмъ наперекоръ основнымъ принципамъ римскаго императорскаго періода. Это выражается въ разныхъ формахъ. Я обращу ваше вниманіе на три основные класса. Вопервыхъ на превращеніе римскаго военнаго строя; вовторыхъ, на превращеніе въ области хозяйственно-экономической; въ третьихъ образованіе идеи патроната наперекоръ идеямъ гражданства и подданства. Основной римскій принципъ усложняется и подъ рукой дѣлается средневѣковымъ. Трудно было бы думать, что въ военномъ строѣ тѣ варвары, которыми командовалъ Стилихонъ "magister utriusque exercitus" могли быть сравнены съ ветеранами Марія, чтобы foederati, которыми командовалъ варварскій король Хильдерикъ, могли быть

сравнены съ "союзниками" временъ республики. Итакъ на измѣненіи военныхъ условій мы установимъ измѣненіе политическихъ условій.

Самое характерно и по названію и по строю, что приходитъ на мысль при разсмотрѣніи римскаго военнаго порядка - это Специальная, кажется, римская форма, которая долго держится, до паденія римскаго орла. Но подъ римскими орлами со временемъ становится уже мало легіонеровъ. Войско легіоновъ становится второстепеннымъ. Уже во II вѣкѣ число легіонеровъ уменьшается въ сравненіи съ "cohorte" и "alae", гдѣ служатъ воинственные пограничные народы, а въ IУ и У вѣкѣ рѣчь идетъ уже не о когортахъ и "alae", а о цѣлыхъ племенахъ, которыя имѣютъ свой военный строй и только внѣшнимъ образомъ связаны съ римской командой. Во время войны на Евфратѣ съ Персіей является тяжелая конница, кирасиры; когда начинаютъ дѣлать набѣги Туранцы, то въ римскомъ войскѣ заводится легкая , гунская конница, вооруженная луками и дротиками, состоящая изъ всевозможныхъ народовъ тюркскаго племени. Вотъ характерный фактъ варваризаціи римскаго войска. Въ эпоху Республики пѣхота имѣла и количественный и качественный перевѣсъ. Кавалерія имѣла тогда слабое значеніе и составлялась изъ не-римлянъ. Римъ всегда опирался на свой пѣхотный строй. Въ У, УI вв. мы уже видимъ количественный и качественный перевѣсъ кавалеріи, противъ кавалеріи варварской. Наблюдаются также очень значительныя измѣненія во внутреннемъ строѣ римскаго войска. Велизарій отправляется въ походъ съ корпусомъ изъ 10000 - 20000 человѣкъ. Въ этомъ войскѣ 1/3 или 1/4 составляетъ отрядъ, носящій странное и не встрѣчающееся въ республиканскомъ войскѣ названіе "букел-

" |"сухарники"|. Это личная гвардія полководца. Любопытна ея внутренняя организація: она составлена изъ маленкихъ отрядовъ, набранныхъ своего рода подрядчиками - кондотьерм; каждый изъ нихъ нанимаетъ лично отъ себя и поставляетъ группу отъ 20-50 человѣкъ. Каково же отношеніе этихъ кондотьери къ римскому полководцу и къ своимъ солдатамъ? Это отношеніе личнаго уговора и къ дружинѣ и къ полководцу, служба по частному найму, форма, подготовляющая средневѣковое дружинное, вассальное устройство. Все опирается на личную вѣрность, является товарищество на почвѣ договора, на почвѣ частныхъ отношеній. Характерная черта феодальнаго строя заключается въ томъ, что въ военной организаціи и, кромѣ власти короля признается цѣлый рядъ сеньеріальныхъ властей. Каждый сеньеръ окруженъ своими вассалами, но непосредственной связи между сеньеромъ и вассалами нѣтъ.

Еще другое характерное средневѣковое отношеніе подготовляется въ римскомъ войскѣ временъ Велизарія. Букелларий не всегда оплачиваются деньгами, сплошь и рядомъ ему дарятъ и оружіе и землю; но землю ему даютъ не въ полное владѣніе, а подъ условіемъ службы. Дочь, напримѣръ, не можетъ получить его участка, а наслѣдуетъ его сынъ, или тотъ, кто замѣняетъ его въ службѣ. Развилась эта система потому, что въ римскомъ войскѣ была масса готскихъ отрядовъ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ варваризаціи въ римскомъ военномъ строѣ зарождается характерная форма средневѣковаго вассалитета, разбивается понятіе о государственной арміи, объ ополченіи. Частное лицо является вождемъ и командиромъ по отношенію къ другимъ частнымъ лицамъ, чего не допускаетъ благоустроенное государство. Это уже уступка

варваризаціи.

Въ сферѣ хозяйственной появляется колонатъ. Мы уже говорили о немъ. Вмѣсто рабской фабрики является система, которую можно сравнить съ планетой и ея спутниками. Центръ - барскій дворъ и вокругъ него группируются арендаторы и крѣпостные. Они тянутъ къ барскому двору натуральными повинностями и барщиной. Не оказало ли это устройство вліянія на политическія отношенія? Такъ какъ арендаторъ зависитъ отъ господина въ хозяйственномъ отношеніи, то государство начинаетъ думать, что онъ зависитъ отъ него и въ политическомъ отношеніи. Колонъ - свободный человѣкъ; онъ можетъ служить въ войскѣ, сдѣлаться священникомъ и т.п., но онъ подчиненъ господину. Является, слѣдовательно возможность извѣстной іерархіи, не только по услугамъ, но и по власти, которую государство уступило частному лицу, помѣщику. Прежде всего это является по отношенію къ подати. Государству собирать подати неудобно и оно обращается къ крупному землевладѣльцу, предоставляя ему быть сборщикомъ съ людей, сидящихъ на его землѣ и кругомъ ея и въ крайнемъ случаѣ даже прибѣгать къ помощи войска; естественно поэтому, что такой представитель власти дѣйствуетъ иногда тиранически.

Колонъ свободный человѣкъ, онъ можетъ служить въ войскѣ. Но какъ его вызываютъ туда, вѣдь онъ не самъ отвѣчаетъ передъ рекрутскимъ присутствіемъ? Мало-по-малу появляется порядокъ, что помѣщикъ самъ ставитъ рекрутовъ и правительство по степени значенія и вліянія помѣщика опредѣляетъ ихъ число, выборъ же рекрутовъ есть уже дѣло самого помѣщика и можетъ стать очень тяжелымъ правомъ относительно подданныхъ. Понятно, поэтому, что лицо съ правомъ ставить въ рекруты является лицомъ власт-

нымъ. Далѣе, колонъ человѣкъ свободный и можетъ стать священникомъ. Кто его выбираетъ? Епископа выбираетъ община, а священника выбираетъ тотъ, кто содержитъ церковь. Помѣщикъ чинитъ полы, ставитъ образа и онъ же назначаетъ священника изъ своихъ крѣпостныхъ. Является право патроната, признающееся и государствомъ и церковью. У этого помѣщика, сильнаго въ хозяйственномъ отношеніи, въ цѣляхъ благоустройства появляется и политическая власть, право поимки и наказанія преступниковъ. Такимъ образомъ, хотя государство и не отказалось отъ всѣхъ своихъ полномочій, оно имѣетъ свою армію, свой судъ, однако, вездѣ появляются соединенія противогосударственныя, гражданинъ получаетъ власть надъ себѣ подобными. Подобное смѣшеніе права частнаго съ общимъ - также явленіе средневѣковое. Всѣ эти отношенія признаются государствомъ, но есть одно, противъ котораго государство борется, но которое тѣмъ не менѣе расширяется. Въ IУ, У вв. мы видимъ жалобы на "patrocinia". Какое-нибудь общество страдаетъ отъ постоя, самимъ имъ жаловаться нельзя, ихъ жалобы не примутъ. Тогда село обращается съ поклономъ къ крупному помѣщику, сенатору или военачальнику и становится подъ его патронатъ. Онъ хлопочетъ за нихъ, но беретъ за это плату: свободное по имени село становится зависимымъ. Такихъ случаевъ масса: при всякой тяжбѣ стараются привлечь на свою сторону вліятельное лицо, чтобы выиграть дѣло. Это показываетъ, что потребность защиты въ соціальной борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ необыкновенно сильна, защита же государства слаба, такъ какъ приходится искать дополнительной защиты. Эта дополнительная защита - патронатъ, могущество отдѣльныхъ лицъ. Государство дѣлаетъ уступки центробѣжнымъ стремленіямъ, пол-

ный абсолютизмъ власти de facto терпитъ крушеніе, и уступки дѣлаются не учрежденіямъ, а уже прямо частнымъ силамъ, эгоистическимъ и частнымъ интересамъ. Повсюду возникаютъ зародыши мелкихъ властей, приходскихъ, аристократическихъ. Въ этомъ смыслѣ въ Средніе Вѣка замѣчается движеніе, направленіе котораго прекрасно названо феодализмомъ. Общество разбивается на мелкіе кружки, во главѣ которыхъ стоятъ аристократы, но не на основаніи классовомъ, а мѣстномъ. Феодализмъ слѣдствіе аристократизаціи общества. Вотъ тѣ условія, съ которыми необходимо считаться каждому, кто хочетъ себѣ выяснить процессъ средневѣковья.

II. ГЕРМАНЦЫ.

Намъ теперь предстоитъ познакомиться со вторымъ элементомъ Западно-Европейскаго развитія - Германскимъ племенемъ.

Если въ исторіи Римской имперіи мы наблюдаемъ, какъ жизнь высоко-цивилизованнаго общества мало-по-малу приходитъ въ упадокъ, разлагается подъ вліяніемъ причинъ внутреннихъ и внѣшнихъ, то теперь у насъ примѣръ обратный, - мы будемъ имѣть передъ глазами общество дикое или полудикое, во всякомъ случаѣ варварское, которое постепенно осложняется въ своемъ внутреннемъ порядкѣ. Это особенно любопытно потому, что даетъ намъ возможность проложить мостъ между чисто-историческимъ и этнографическимъ изученіемъ. Мы будемъ имѣть передъ собою племя не въ установившемся состояніи, а въ состояніи постепеннаго прогресса, осложненія потребностей и увеличенія культурныхъ силъ. Случай своеобразный, - племя развивается не на пустой поверхности, не предоставлено самому себѣ, а находится подъ вліяніемъ римской среды, которая его преобразуетъ отчасти борьбой,

отчасти тѣми культурными началами, которыя входятъ въ употребленіе германскаго племени. Итакъ, повидимому, случай исключительный; вѣдь не видно никакой необходимости, чтобы развитіе шло именно такимъ путемъ. Казалось бы возможнымъ развитіе племени изъ себя, но не дѣлая слишкомъ широкихъ обобщеній въ виду нашего монографическаго изученія исторіи, припомнимъ, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ переходомъ отъ низшаго уровня цивилизаціи къ высшему, мы имѣемъ такой процессъ: племя не стоитъ въ одиночествѣ, оно какъ бы оплодотворяется извнѣ, получаетъ первые толчки на пути цивилизаціи въ борьбѣ съ сосѣдними племенами, преимущественно высшими по культурѣ. Такъ было на нашей исторической памяти съ Греками, Римлянами, Германцами, Славянами. Племя совершенно обособленное едва ли имѣетъ возможность развить культуру исключительно изъ себя. Это развитіе обуславливается всегда вліяніемъ рядомъ стоящаго культурнаго племени. Какъ было въ самомъ началѣ, какъ дѣйствовали племена, которыя не имѣли совершенно подъ рукой болѣе развитого сосѣда? Этотъ вопросъ лежитъ внѣ нашей компетенціи; для разрѣшенія его пришлось бы обратиться къ матеріалу доисторическому, антропологическому.

Я дѣлаю это введеніе для уясненія общей точки зрѣнія. Важна характеристика процесса постепеннаго пріобрѣтенія извѣстной культуры и порядка.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о нашихъ главныхъ свидѣтеляхъ; они такого рода, что ихъ нужно раздѣлить, сперва говорить объ одномъ , потомъ о другомъ, а смѣшивать ихъ крайне опасно потому, что Цезарь и Тацитъ стоятъ на различныхъ точкахъ зрѣнія; и для разбора ихъ приходится примѣнять различные крити-

ческіе пріемы.

Цезарь человѣкъ дѣловой, онъ пишетъ не для удовольствія читателей, не для простого времяпрепровожденія, а записываетъ для памяти, почти въ моментъ самаго совершенія дѣла. , съ тою краткостью, ясностью и дѣловитостью, которыя его всегда отличали. Какъ въ своихъ походахъ онъ шелъ всегда прямо къ цѣли и достигалъ ихъ самыми короткими средствами, такъ и въ литературномъ изложеніи онъ отличается ясностью, краткостью и сжатостью. Очень немногое у него слѣдуетъ отнести къ недоразумѣніямъ и неяснымъ выраженіямъ. Все, что онъ говоритъ, надо принимать съ величайшимъ вниманіемъ. Но у него есть одно неудобство: для него описаніе Германіи всетаки дѣло второстепенное; онъ говоритъ о ней потому, что столкнулся съ Германцами въ своей военной карьерѣ, и говоритъ мимоходомъ.

Если сравнимъ съ нимъ Тацита, то увидимъ обратное; у послѣдняго одно сочиненіе прямо посвящено Германіи. Но у Тацита есть особенности, обратныя недостаткамъ Цезаря. Это человѣкъ, который пишетъ ради поученія; цѣль его дидактическая; онъ поучаетъ испорченныхъ цивилизаціей римлянъ, относится съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ изнѣженному Риму и съ удовольствіемъ описываетъ бытъ грубаго неиспорченнаго народа. Тенденція вездѣ видна. Хотя онъ хорошо освѣдомленъ, хотя его нельзя заподозрить въ умышленномъ обманѣ, но, несомнѣнно, онъ многое извращаетъ вслѣдствіе своего предвзятаго и окрашеннаго въ извѣстную краску взгляда. Кромѣ того, онъ риторъ, литераторъ, любитъ сознательно играть словами, любитъ вложить извѣстный оттѣнокъ въ

въ свою рѣчь. Поэтому надъ его выраженіями приходится задумываться и много спорить.

Вотъ основныя точки зрѣнія, которыхъ надо держаться при критикѣ этихъ 2 главныхъ свидѣтелей.

Кромѣ того, что они говорятъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, они отстоятъ другъ отъ друга на полтораста лѣтъ. Это - самъ по себѣ небольшой періодъ, особенно въ виду полудикаго состоянія германцевъ, но въ это время съ германцами случилось событіе, которое оказало необыкновенное вліяніе на ихъ развитіе: они столкнулись съ Римской имперіей, ставшей передъ ними стѣной. Цезарь описываетъ народъ на ходу, тогда какъ Тацитъ говоритъ уже о народахъ усѣвшихся по мѣстамъ, установившихъ извѣстную болѣе или менѣе твердую организацію.

<u>ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТЪ</u>. Тѣ племена, которыя описываетъ Цезарь, находятся, несомнѣнно въ кочевомъ, полукочевомъ, бродячемъ состояніи. Понятно, что кочевой бытъ, тамъ, гдѣ мало пастбищъ, требуетъ значительнаго пространства, ведетъ къ столкновенію между отдѣльными племенами, и Цезарь упоминаетъ о постоянной враждѣ племенъ между собой, о томъ, что каждое племя считаетъ за честь видѣть себя окруженной пустыней. [Civitatibus maxima laus est quam latissime circum se vastatis finibus solitudines habere VI.23]. Далѣе они постоянно перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто; Цезарь былъ свидѣтелемъ громаднаго движенія Свевовъ въ Галлію, которые двигались, по пути разбрасывая въ стороны другія германскія племена. Такимъ образомъ, Германцы вытѣснили и извѣстное племя Гельветовъ, которые стремились перейти въ Галлію, но были отброшены Цезаремъ на старое мѣстожительство. Передовой отрядъ Германцевъ, подъ начальствомъ Аріовиста уже

проникъ въ Галлію и стремился подчинить ее, но былъ также отброшенъ Цезаремъ за Рейнъ.

Характерная особенность этого полукочевого состоянія отражается въ одномъ мелкомъ замѣчаніи Цезаря, - Германцы питаются, главнымъ образомъ, мясомъ и молокомъ - пища кочевыхъ народовъ. Условія для передвиженія очень трудны: въ Германіи вѣдь все лѣса да болота, но всетаки племена еще не сѣли. Извлекши все, что можно было извлечь изъ какой нибудь территоріи для своего скота, племенамъ приходится искать новыя мѣста, сильно толкать другъ друга. Всѣ отношенія пловучія, неустойчивыя. Любопытно прослѣдить первыя начала осѣдлости. Мы видимъ, что земледѣліе уже существуетъ, но стоитъ на первомъ планѣ, Agriculturae non student |YI,22|; minime omnes Germani agriculturae student |YI,29|. Хотя видно, что извѣстное количество полей воздѣлывается, но частнаго хозяйства еще нѣтъ | privati ac separati agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno loco incolendi causa licet IY, I|. Осѣдлость запрещается такимъ образомъ. Запрещенія, конечно, быть не могло, но все дѣло въ томъ, что отношенія Германцевъ не достигли полной осѣдлости. Но какъ даются тѣ земли, которыя все-таки обрабатываются? Отвѣтъ находимъ у Цезаря: " magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierunt, quantum et quo loco visum est agri attribuunt atque anno postalio transire cogunt

Это описаніе характерно и стоитъ обратить вниманіе на нѣкоторыя частности. Суть дѣла такова: постоянной обработки земли на однихъ и тѣхъ же участкахъ еще нѣтъ, нѣтъ и постояннаго владѣнія землей, земля принадлежитъ всему племени и раздаютъ ее magi-

stratus ac principes in annos singulos. Можетъ быть, смѣна была и не годовая, но впечатлѣніе, получаемое римскимъ наблюдателемъ, было таково, что племена передвигаются какъ шашки, и притомъ часто такъ, что римлянину могло казаться, что ихъ передвигаютъ ежегодно. Правительство отводитъ по произволу пахатныя земли; но кому оно ихъ отводитъ? Gentibus et cognationibus hominum. Прежде всего, итакъ, родамъ (gentibus) - это характерно и насъ не удивляетъ: здѣсь опредѣленно указывается, что даже когда земля перешла къ отдѣльнымъ хозяевамъ, то владѣльцемъ ея является не семья, а извѣстная группа - родъ. Прибавка cognationibusque характерна: ясно, что и Цезарь имѣлъ въ виду, что не всѣ эти группы подходятъ къ римскому опредѣленію gentes, союзу на агнатномъ основаніи. Въ первомъ случаѣ участки получаютъ патріархальные роды [gentes], а во второмъ cognationes, союзы, связанные главнымъ образомъ, по кровному родству, которое всегда разсчитывалось по женщинамъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ агнатными родами стоятъ и когнатныя соединенія - cognationes hominum, qui una coierunt, характерное, по своей неопредѣленности, выраженіе. Очевидно, римскаго наблюдателя поразилъ необыкновенный составъ людей, которые сошлись вмѣстѣ въ силу кровнаго сродства. До тѣхъ поръ, пока не было обращено вниманія на этнографическій матеріалъ, эта фраза не могла получить настоящаго толкованія. Наблюденія надъ племенами въ Африкѣ и Америкѣ показываютъ, что могутъ быть союзы к р о в н ы е, основанные на родствѣ по женщинамъ.

Затѣмъ, наряду съ общей характеристикой у него еще есть знаменитая характеристика [въ IV книгѣ], гдѣ онъ, напримѣръ, описываетъ племя Свевовъ:

Hi centum pagos habere dicuntur ex quibus quotannis singula milia armatorum bellandi causa educunt. Reliqui qui domi manserunt se atque illos alunt. Hi rursus in vicem anno post in armis sunt, illi domi remanent.

Любопытное описаніе, въ которомъ нельзя заподозрить недоразумѣнія, ибо Цезарь видѣлъ ихъ лицомъ къ лицу, это были люди, съ которыми онъ воевалъ, поля которыхъ онъ грабилъ. Онъ описываетъ бытъ, при которомъ племенное правительство устраиваетъ весь племенной порядокъ: извѣстная часть племени находится подъ оружіемъ, другая работаетъ на мѣстѣ для себя и для воиновъ. Мы склонны предполагать, что у дикихъ все должно быть распущеннѣе, всякій долженъ быть свободнѣе, безъ опеки правительства; тутъ же мы видимъ, что правительственное вмѣшательство очень сильно развито, частные же институты очень слабо представлены. Въ этомъ свевскомъ порядкѣ никто изъ этой "тысячи" въ отдѣльности ничѣмъ не владѣетъ. Они являются тутъ на положеніи нашихъ солдатъ, которые могутъ имѣть въ личную собственность лишь то, что прилегаетъ къ тѣлу: каждый свевъ имѣетъ движимое имущество, но онъ поглощенъ общей организаціей настолько сильно, что всякое проявленіе личности до крайности стѣснено: людей сажаютъ на землю и прогоняютъ съ нея по приказанію magistratus, земледѣліе слабое, такъ сказать, царапающее только по землѣ. Объ осѣдлости, въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

Обратимся теперь къ Тациту. Что же представляютъ германскія племена черезъ 150 лѣтъ? Движеніе племенъ, направлявшееся на западъ и на югъ принуждено было остановиться. Правда, заднія напираютъ еще на переднихъ, но смѣстить ихъ не могутъ, развѣ только раздавить. Чаще же всего случается, что населеніе сгущается, такъ

сказать, и отношенія, появляются требованія на болѣе интенсивное хозяйство. У Тацита характерный примѣръ того, что Римляне иногда рѣшали, какъ смотрѣть на Германцевъ, какъ на осѣдлыхъ или какъ на кочевыхъ. Такъ, Тацитъ, напримѣръ, говоритъ объ одномъ племени, о Венетахъ, которыхъ ему приходилось поставить въ народную классификацію, присоединивъ ихъ или къ Германскимъ племенамъ, или къ Сарматамъ; подыскивая критерій для такой классификаціи, онъ находитъ его въ томъ, что предполагаетъ германцевъ - народъ осѣдлый, - Сарматамъ, еще находящимся въ кочевомъ состояніи. Вотъ этотъ текстъ: Veneti, qui inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur, latrociniis pererrant tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos figunt et scuta gestant et pedum usu et pernicitate gaudent; quae omnia Sarmatis diversa sunt, in plaustro equoque viventibus (Germ. 46). Венеты живутъ между Певцинами и Финнами, занимаютъ лѣсную область, бродятъ по ней и грабятъ, къ Германцамъ не могутъ быть отнесены, quia et domos figunt et scuta gestant et pedum usu et pernicitate gaudent

- они строятъ дома, бьются за большими щитами и пользуются быстротой своихъ ногъ [риторическое выраженіе, которое собственно означаетъ, что главная сила Венетовъ въ пѣхотѣ, а не въ конницѣ]. "Все это, говоритъ въ заключеніе Тацитъ, отличаетъ ихъ отъ Сарматовъ, живутъ на телѣгѣ и конѣ." Такимъ образомъ Тацитъ проводитъ границу между осѣдлыми Германцами и кочевниками - Сарматами.

Изъ частныхъ отношеній мы видимъ, что земледѣліе пустило

уже глубокіе корни; правда, взрослые и сильные неохотно работають на поляхъ, они предпочитають воевать или бездѣльничать, сваливая всю тяжесть работы на женщинъ, на стариковъ, на слабыхъ. "Странные люди, замѣчаетъ Тацитъ, они такъ любятъ бездѣятельность и они же ненавидятъ миръ.*)" Вообще, говоритъ Тацитъ, они предпочитають добывать кровью то, что другіе добывають потомъ - sudore adquirere, quod possis sanguine parare (Germania 14).

Характеристика земледѣльческаго труда, такимъ образомъ, показываетъ, что съ этимъ трудомъ уже приходится считаться, что онъ не такъ незначителенъ, не такъ поверхностенъ, какимъ является въ описаніи Цезаря. Въ 26 главѣ Тацитъ говоритъ Agri pro numero cultorum ab universis in vicem occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praebent. Arva per annos mutant et superest ager.

Мѣсто это вызвало цѣлую литературу, въ которой гораздо больше томовъ, чѣмъ словъ въ данной цитатѣ; но, несмотря на видимую слитность, оно можетъ быть разъяснено въ достаточной степени при по

---

*) Quotiens bella non ineunt, non multum venantibus, plus per otium transigunt, dediti somno ciboque, fortissimus quisque, ac bellicosissimus nihil agens, delegata domus ac penatium et agrorum cura feminis senibusque et infirmissimo cuique ex familia: ipsi hebent mira diversitate naturae, cum iidem homines sic ament inertiam et oderint quietem. (Germ. 15)

мощи сравнительной этнографіи. Мѣсто распадается на двѣ части. въ первой половинѣ говорится о принятомъ владѣніи землею, во второй - о хозяйствѣ; поэтому первая начинается словами agri, вторая - arva. Ager - поле вообще, въ противуположность arvum, полю, занятому пахотой. Сначала разберемъ первую часть. Занимаются "agri" - "ab universis"; у Цезаря занимало племя, здѣсь какая то "совокупность", не privati во всякомъ случаѣ. Занимаются они "pro numero cultorum" - сообразно числу мужчинъ, которые должны обрабатывать землю, занимаются "in vicem" въ смѣну" - характерная черта полуосѣдлаго состоянія. У Цезаря также видимъ ежегодную перемѣну. Такимъ образомъ въ эпоху Тацита передвиженіе еще не совсѣмъ исчезло. Когда земля занята "совокупностью", тогда ее дѣлятъ по оцѣнкѣ - secundum dignationem; - едва ли тутъ имѣется въ виду точная оцѣнка качества земли, а скорѣе всего оцѣнка соціальнаго положенія лицъ, которые входятъ въ дѣлежъ. Раздѣлъ, очевидно, въ волѣ племени, ибо, благодаря camporum spatia земли всѣмъ хватитъ. Когда, такимъ образомъ, племя устроится на мѣстѣ, оно само отъ себя дѣлитъ землю между отдѣльными хозяевами; кто эти хозяева - Тацитъ къ сожалѣнію не сказалъ. Послѣ раздѣла начинается обработка до нѣкоторой степени разбойничья, - каждый годъ захватывается новый клинъ - arva per annos mutant". Что такъ было дѣло, а не было постояннаго сѣвооборота, это показываетъ прибавка "et superest ager". Хотя въ ходу была эта система хозяйства, требовавшая большого пространства, но мѣста хватаетъ. Итакъ дѣло уже идетъ объ осѣдлости, но осѣдлость связана съ одной изъ самыхъ грубыхъ системъ хозяйства дикихъ племенъ - это неправильно переложная система;

наскоро захватываютъ участокъ земли, используютъ его какимъ бы то ни было образомъ, а затѣмъ забрасываютъ и перекочевываютъ на другой. Это хозяйственная система народа, который переходитъ отъ кочевого или полукочевого состоянія къ зачаткамъ осѣдлости.

ПОЛИТИЧЕСКIИ СТРОЙ. Мы видимъ, что въ описаніи Цезаря въ извѣстныхъ случаяхъ правительственная власть у Германцевъ являлась значительной. Давленіе ея на отдѣльныхъ лицъ племени представлялось гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ мы можемъ предположить на основаніи общихъ представленій о дикомъ и варварскомъ состояніи, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы правительственная организація и политическія учрежденія племени во время Цезаря представляли нѣчто опредѣленное, правильно развитое, болѣе или менѣе устойчивое, неподатливое. Наоборотъ интересъ нашихъ наблюденій состоитъ въ томъ, что мы можемъ услѣдить какъ полурасплавленная масса государства и общества вырабатывала все болѣе и болѣе твердыя и устойчивыя нормы.

Въ эпоху Цезаря всѣ власти еще областныя - *in pace nullus est communis magistratus, sed principes regionum ac pagorum inter suos ius dicunt controversiasque minuunt* - въ мирное время племя не имѣетъ общаго начальника, а вожди областей и частей племени разбираютъ дѣла и рѣшаютъ споры между своими.

Римскій наблюдатель останавливаетъ свое вниманіе на томъ фактѣ, что племя не имѣетъ центральной власти въ мирное время. Дѣло обходится областными вождями. Что-же можетъ побудить племя выработать что-нибудь болѣе сильное и опредѣленное? Война. Необходимость выставить опредѣленнаго командира вызываетъ къ

жизни центральное учрежденіе " Cum bellum civitas aut illatum defendit, aut infert, magistratus, qui ei bello praesint, ut vitae necisque habent potestatem, eliguntur (VI, 23).

Въ отвѣтъ на такія потребности является въ центрѣ племени вождь; важно, что въ его рукахъ образуется высшая дисциплинарная власть. Обратите вниманіе на значеніе словъ Цезаря; онъ точно различаетъ, когда дѣло идетъ объ областныхъ властяхъ, которыя характеризуетъ словами regionum ac pagorum,- имъ предоставляется разбирательство споровъ и тяжбъ - это преимущественно судьи. Возникаетъ обще-племенной вождь - у него власть преимущественно военная, при этомъ выставляется его дисциплинарная компетенція, онъ имѣетъ власть надъ жизнью и смертью. Эти вожди являются у Цезаря подъ характернымъ названіемъ dux, duces нѣмецкое Herzog

Итакъ мы имѣемъ передъ собою совершенно документальную исторію происхожденія центральныхъ властей подъ вліяніемъ военныхъ потребностей.

Дальше можно видѣть начало образованія на западной границѣ еще третьей власти, стремящейся сдѣлаться постоянной и продолжительной при сохраненіи военнаго характера. Это власть короля. Такой властью обладаетъ Аріовистъ; она - постоянная, но не можетъ быть вставлена въ рамки опредѣленнаго племени: онъ стоитъ во главѣ безпорядочнаго скопленія племенъ; всѣ эти племена свевскія.

Власть эта создана войной, но вмѣстѣ съ тѣмъ она и герцогская, ибо она не создана для участія только въ одномъ походѣ: quando civitas aut bellum etc. . Это власть долгосрочная, она распространяется на цѣлый рядъ лѣтъ - Аріовистъ, царствовалъ уже лѣтъ 15 и имѣлъ въ виду сохранить ее

и въ послѣдствіи. Итакъ намѣчается власть королевская, какъ кристаллизованная на долгое время власть герцога.

Затѣмъ у Цезаря еще упоминается объ одной политической комбинаціи, тоже очень характерной. Онъ говоритъ, что подъ вліяніемъ набѣговъ образуются и другія политическія соединенія.

На собраніи племени [in consilio] встаетъ одинъ изъ областныхъ князей [quis ex principibus] и говоритъ, что онъ имѣетъ въ виду произвести набѣгъ, "se ducem fore, qui sequi velint, profiteantur", - кто хочетъ слѣдовать, пусть заявитъ. Тогда "Consurgunt ii qui et causam et hominem probant, suumque auxilium pollicentur atque ab multitudine collaudantur (VI, 23)" поднимаются тѣ, кто сочувствуютъ человѣку и дѣлу. Любопытная форма, основанная на добровольномъ и летучемъ соглашеніи между вождемъ, главаремъ, и его будущей дружиной. Характерно то, что уговоръ дѣлается на время для опредѣленнаго дѣла и нѣтъ естественнаго подчиненія члена рода своему главѣ. Этотъ princeps не приказываетъ, но вызываетъ желающихъ и всякій можетъ войти въ этотъ политическій союзъ по своему личному желанію и выбору вождя и дѣла. Отношенія, какъ видите неустойчивыя и съ точки зрѣнія правильнаго хода дѣла очень неудачныя. Представьте себѣ, что помимо существующей областной организаціи могли возникать каждую минуту самостоятельныя дружины со своими властями и что дружинный вождь былъ въ ссорѣ съ областнымъ. Какъ должны были запутаться отношенія и какъ мало обезпеченъ былъ порядокъ.

Кстати въ этомъ мѣстѣ Цезарь проронилъ важное слово, о

которомъ нужно подумать; онъ сказалъ "in concilio " какой это совѣтъ? - приходится догадываться. Тутъ и principes , и тѣ, кто высказываетъ желаніе слѣдовать за вождемъ, это вѣче, въ которомъ принимали участіе всѣ взрослые и вооруженные. Вождю нужно вызвать къ участію въ дѣлѣ всѣхъ, кто могъ бы помочь.

Итакъ, мы мимоходомъ узнаемъ, что кромѣ областныхъ старшинъ, герцоговъ и королей, существуетъ еще четвертое центральное учрежденіе - вѣче, на которомъ происходятъ сношенія между народомъ и свободными людьми.

Вотъ какъ пишетъ Цезарь о зародышѣ политическихъ учрежденій; перейдемъ теперь къ описанію Тацита и посмотримъ, какое вліяніе оказали борьба съ римлянами и закрѣпленіе границъ.

На первомъ планѣ у Тацита то учрежденіе, о которомъ Цезарь упоминаетъ только мимоходомъ - вѣче. Въ общемъ изложеніи у Тацита прямо сказано, что всѣ важныя дѣла рѣшаются на вѣчѣ "De minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes; ita tamen, ut ea quoque, quorum penes plebem arbitrium est, apud principes praetra-ctentur (Germania 11).

Важныя дѣла подготовляются на съѣздѣ князей, но рѣшаются на вѣчѣ. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе вѣча. Оно было періодическимъ, пріуроченнымъ къ извѣстнымъ днямъ. Coëunt.... certis diebus, cum aut inchoatur luna aut impletur

Сборы долгіе и когда, наконецъ, соберется достаточное число, начинаются вѣчевыя засѣданія. Тутъ характерно, что всѣ областные начальники являются только членами. Предсѣдателя нѣтъ.

Silentium per sacerdotes, quibus tunc et coërcendi ius est, iniungitur.

Тутъ проходитъ основная идея, что всѣ власти мирнаго и и военнаго происхожденія выходятъ изъ народа на собранія, стушевываются до того, что даже король только членъ собранія, а дисциплинарная власть и веденіе дѣла принадлежитъ жрецамъ. Организація демократическая. Но не слѣдуетъ думать, что въ то время демократизмъ въ Германіи былъ проведенъ послѣдовательно. Приходится оговориться, что дѣятельными членами становятся фактически только знатные, главные, сильные.

Далѣе у Тацита идетъ описаніе народнаго собранія, которое походитъ на описаніе Гомера. Когда засѣданіе открыто mox rex vel princeps, prout aetas cuique, prout nobilitas, prout facundia est, audiuntur выступаютъ въ качествѣ ораторовъ вожди и король, и ихъ слушаютъ сообразно съ возрастомъ, знатностью, краснорѣчьемъ, однимъ словомъ въ виду ихъ личныхъ качествъ; никакого опредѣленнаго голосованія нѣтъ; сочувствіе высказываютъ, потрясая оружіемъ, несочувствіе выражается ропотомъ. Какъ и у Гомера нѣтъ рѣчи о представительствѣ, ни о исчисленіи голосовъ. Дѣло рѣшается давленіемъ общественнаго мнѣнія, той атмосферой, которая царитъ на собраніи.

Въ описаніи германской политической системы у Тацита мы до сихъ поръ обращали главное вниманіе на вѣче, какъ на центральное учрежденіе, отъ котораго исключительно зависѣла всякая власть; но нельзя оставить безъ вниманія и другое учрежденіе, упомянутое и у Цезаря - областныхъ вождей. Въ описаніи Цезаря они играютъ главную роль; они завѣдуютъ раздачей земли, въ ихъ рукахъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, управленіе,

такъ какъ общій вождь является только въ военное время. У Тацита же эти областные вожди, которые судятъ и рядятъ по селамъ и областямъ, собираются на вѣч Eliguntur in iisdem conciliis et principes, qui iura per pagos vicosque reddunt.

Въ этомъ извѣстіи есть очевидное противорѣчіе съ представленіемъ о характерѣ областного вождя при господствѣ родовой системы. Областной вождь - это родовой старшина; очевидно, тутъ есть какой нибудь порядокъ замѣщенія должности, не вполнѣ совпадающій съ обыкновеннымъ представленіемъ, что, когда извѣстный родовой старшина сходитъ со сцены, его замѣняетъ лицо, ближе всѣхъ стоящее къ нему по родовому счету, по прямой ли линіи, или, если господствуетъ родовая передвижка, то слѣдующій старшій при этой родовой передвижкѣ. Но въ такомъ случаѣ не для чего было выбирать; является такимъ образомъ противорѣчіе съ извѣстіемъ Тацита. Прямыхъ указаній на выходъ изъ этого противорѣчія у Тацита нѣтъ. Мы можемъ, поэтому, сдѣлать два предположенія: во-первыхъ, что въ данномъ случаѣ на практикѣ дѣйствовало и то и другое правило. Очень возможно, что вслѣдствіе передвиженія племенъ и при общемъ напорѣ на Римскую Имперію, племена теряли свою рѣзкую расовую опредѣленность, болѣе или менѣе перемѣшивались, отношенія сосѣдства и связи племенъ перепутывались между собой. Съ общимъ ослабленіемъ родового начала наряду съ племенными вождями, съ родовыми старшинами стали выдаваться лица, которыя избирались не потому, что стояли первыми въ старшинствѣ рода, а потому, что имѣли наибольшее вліяніе въ извѣстной области, не представлявшіе высшей родового соединенія. Правда, такого рода объясненіе будетъ гармонировать съ общимъ представленіемъ о распаденіи родового союза, но тутъ является одно затрудненіе. Во время Тацита

говорится объ избраніи, какъ объ общемъ правилѣ. Можно ли представить себѣ, что ко времени Тацита родовая связь до того ослабла чтобы выборные старшины вытѣснили старшинъ родового характера? Такое предположеніе невѣроятно, и удобнѣе поэтому другой выходъ, который стоитъ въ извѣстной связи съ ослабленіемъ родовыхъ отношеній, но который требуетъ болѣе долгаго періода для представленія объ этомъ разложеніи рода. Съ точки зрѣнія рѣзкой противоположности, система родового передвиженія и система выборная исключаютъ другъ друга, но на примѣрѣ короля мы увидимъ, что въ то время эти двѣ системы не исключали другъ друга. По отношенію къ королю дѣйствовалъ до извѣстной степени принципъ выборный рядомъ съ родовымъ. Король выбирался изъ знатнаго рода, при этомъ нельзя было выйти за предѣлы этого рода, но въ предѣлахъ его выбирали того, кого указывали достоинства, а не простой случай. Это смягченіе принципа родового передвиженія, который мы прямо и намѣренно наблюдаемъ на самой крупной и замѣтной должностной силѣ германскаго государства, можно предположить съ вѣроятностью и относительно выборныхъ областныхъ властей. Надобно прибавить, что есть вѣдь извѣстная противоположность въ этомъ отношеніи между двумя описаніями, Цезаря и Тацита, противоположность, которую можно свести на различіе двухъ категорій. Цезарь опредѣленно не говоритъ о выборныхъ вождяхъ, но съ своей обычной точностью онъ обозначаетъ двѣ категоріи князей magistratus ac principes

Здѣсь нѣтъ тавтологіи: съ точки зрѣнія римлянъ, слово magistratus имѣло опредѣленный смыслъ: это начальникъ, выдвинувшійся не случайнымъ старшинствомъ, наслѣдственностью или вообще силой, не исходящей изъ народа; власть магистратовъ делегируется народомъ. Такимъ образомъ, и у Цезаря упоминается объ этомъ актѣ, который

Тацита развивается въ общее учрежденіе. Итакъ, повторяю въ данномъ случаѣ есть извѣстное развитіе, все большее и большее ослабленіе родового начала. При этомъ, однако, нѣтъ надобности предполагать, что вліяніе родового передвиженія было совершенно стѣснено. Вѣроятно, Цезарь и имѣлъ въ виду, говоря о двухъ родахъ вождей, съ одной стороны, родовыхъ старшинъ, съ другой - выборныхъ, причемъ выборъ не выходилъ за предѣлы рода. Тацитъ не говоритъ, что во всѣхъ случаяхъ выбирало вѣче, хотя опять таки выбирало въ предѣлахъ одного рода. Это необходимое соображеніе подсказывается съ одной стороны противоположностью между извѣстіемъ Тацита и представленіемъ о бытѣ патріархальномъ, съ другой стороны - кажущимся разнорѣчіемъ между извѣстіемъ Цезаря и Тацита.

Итакъ, каковъ же былъ кругъ дѣйствій этихъ областныхъ вождей? Они разбирали судебныя дѣла, рѣшали споры. Тацитъ прибавляетъ замѣчаніе, которое указываетъ, какъ рѣшались эти споры, какъ была организована область вокругъ этихъ вождей. У каждаго изъ нихъ было по 100 спутниковъ или помощниковъ, которые служили ему въ одно и то же время совѣтниками, и опорой его авторитета

Centeni singulis ex plebe comites consilium et auctoritas simul adsunt (Germania, 12).

Извѣстіе это очень странное, требующее дополнительныхъ соображеній для того, чтобы ввести его въ общую связь политической системы того времени. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ областныхъ вождей имѣлъ около себя нѣчто вродѣ опредѣленнаго круга присяжныхъ, побочныхъ судей числомъ 100? Нигдѣ въ другихъ источникахъ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ, которые бы указывали на существованіе у германцевъ такихъ 100 че-

ловѣкъ, сопровождающихъ князя. Очевидно, Тацитъ смѣшиваетъ здѣсь сотню, какъ дѣленіе территоріальное, въ которомъ князь является начальникомъ съ извѣстнымъ числомъ помощниковъ. Недоразумѣніе это разрѣшается наблюденіемъ надъ судебными системами германцевъ послѣдняго времени: вездѣ у германцевъ въ ту эпоху ихъ развитія, которая совпадаетъ съ древнѣйшими варварскими правдами, судъ сосредоточивался въ сотняхъ, т.е. въ дѣленіяхъ, носившихъ свое названіе отъ сотни воиновъ, которыхъ они должны были ставить. Такимъ образомъ, областное дѣленіе по сотнямъ было дѣленіемъ судебнаго свойства, въ которомъ дѣйствовали отдѣльные мѣстные начальники. Понятно, что Тацитъ, передавая римскому обществу эту организацію, могъ до извѣстной степени затемнить дѣло, говоря о 100 спутникахъ князя вмѣсто того , чтобы сказать о сотнѣ. Дѣленіе это сохранилось до позднѣйшей эпохи, а такъ какъ оно встрѣчается у всѣхъ племенъ, то должно восходить къ очень древней эпохѣ.

Цезарь говоритъ о начальникахъ племени только тогда, когда необходимо бороться съ врагами; война заставляетъ племя выбрать общаго начальника, который получаетъ власть надъ жизнью и смертію, власть, простирающуюся на все племя. Такіе же начальники существовали и въ тацитовское время. Это duces - герцоги, и кромѣ того-короли. Но послѣдніе являются только у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ. Герцоги же могли являться у всѣхъ племенъ, смотря по военнымъ потребностямъ. Разница между властью короля и герцога, по свидѣтельству Тацита, сводится къ тому, что король выбирается по степени знатности, а герцоги по доблести.

Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt. Nec regibus infinita aut libera potestas, et duces exemplo potius, quam imperio, si prompti, si conspicui, si ante aciem agant, admiratione praesunt. (Germ., 7)

Принципіальной разницы по отношенію къ содержанію и объему власти герцога и короля нѣтъ; ея нѣтъ уже потому, что и король и герцогъ одинаково стѣснены политическими учрежденіями и нравами германцевъ: вѣче стоитъ выше короля и герцога. Самый характеръ ихъ командованія взятъ болѣе отъ примѣра, отъ того, что король и герцогъ - наиболѣе доблестные люди, руководящіе военными операціями, люди, необходимые для войны, авторитетъ которыхъ основанъ на личной доблести и примѣрѣ. Для характеристики этой почти исключительно военной власти важно то обстоятельство, что герцогская власть не отдѣляется отъ королевской: это указываетъ намъ на источникъ королевской власти: она кристаллизировалась изъ власти герцога и отличается отъ послѣдней не свойствами своихъ функцій, не характеромъ и даже не объемомъ, а только тѣмъ, что королевская власть продолжительнѣе герцогской. Герцогъ выбирается для одной войны, но если государству приходится вести цѣлый рядъ войнъ, то герцогская власть можетъ сдѣлаться пожизненной и можетъ, наконецъ, не ограничиваясь промежуткомъ времени, очерченнымъ однимъ поколѣніемъ. Если представляется семья, которая вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ выставила нѣсколько замѣчательныхъ своею доблестью герцоговъ, она естественно пріобрѣтаетъ особое значеніе и силу, уже помимо личныхъ заслугъ ея членовъ. Такимъ образомъ, сначала является власть герцога - предводителя на одной войнѣ, затѣмъ эта власть можетъ протянуться и, наконецъ,

кристаллизоваться въ одномъ родѣ: такъ совершалось постепенное фактическое наростаніе королевской власти. Мы можемъ его прослѣдить на примѣрѣ Арминія, главѣ племени Херусковъ, который, благодаря своей славѣ и необычайному успѣху по отношенію къ борьбѣ съ Римлянами, не удовольствовался уже властью герцога, но, какъ разсказываетъ Тацитъ въ своихъ анналахъ, стремился обратить свою власть въ королевскую и сосредоточить ее въ своемъ родѣ. Итакъ, reges выбираются a nobilitate, герцоги ex virtute. Virtus доблесть есть свойство личное nobilitas, знатность пріобрѣтается изъ скопленія личныхъ свойствъ. Если прошло нѣсколько поколѣній, то могутъ совершенно забыться тѣ основанія, которыя предоставили власть одной семьѣ; власть можетъ тогда переходить дальше изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ принятія соображенія этой virtus. Но есть одно важное ограниченіе, о которомъ я уже упоминалъ и которое существенно отдѣляетъ наслѣдственность того времени отъ нашей: наслѣдственность соединялась со знатностью извѣстной правительственной группы, но въ то же время юридически королевская власть оставалась выборной, такъ какъ, не выходя за предѣлы одного рода, могла существовать значительная свобода выбора въ самой средѣ этого рода; могутъ легко не выбрать слѣдующаго старшаго наслѣдника потому, напримѣръ, что считаютъ его неспособнымъ. Понятно, что разъ образовалось зерно такого рода, разъ одна семья или одинъ родъ захватилъ въ свои руки замѣщеніе начальниковъ племени, то эта власть растетъ не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. И дѣйствительно, хотя Тацитъ и говоритъ nec regibus infinita aut libera potestas хотя и цари не имѣютъ исключительной политической власти, а находятся подъ контролемъ вѣча, однако, изъ описанія отдѣльныхъ

племенъ всетаки мы видимъ, что гдѣ королевская власть образовалась, вездѣ она притянула къ себѣ болѣе опредѣленный кругъ дѣйствій и выражалась энергичнѣе, нежели власть областныхъ герцоговъ. Тацитъ говоритъ о племени готовъ, что королевская власть развивалась здѣсь болѣе рѣзко и строго, нежели у другихъ германскихъ племенъ, хотя всетаки свобода не была этимъ уничтожена. Trans Ligios Gotones regnantur, paulum iam adductius quam ceterae Germanorum gentes, nondum tamen supra libertatem (Germ., 44). Далѣе, въ той же 44 главѣ Тацитъ прямо указываетъ, что тамъ, гдѣ существуетъ королевская власть, тамъ пріобрѣтаютъ особенное значеніе вольноотпущенники, полусвободные; королевская власть выдвигаетъ ихъ впередъ, вѣроятно, ради своихъ личныхъ цѣлей. Наконецъ, въ описаніи одного частнаго случая особенно ярко видно, какъ иногда можетъ укрѣпиться эта королевская власть. Мы узнаемъ, что у племени Маркомановъ образуется власть уже совершенно не германскаго характера съ опредѣленной военной дисциплиной. Марбодъ, достигшій въ этомъ племени, благодаря своимъ военнымъ заслугамъ, царской власти, имѣетъ армію въ 70,000 человѣкъ и обучаетъ ее по римскому образцу. Вся эта характеристика становится особенно интересной, если взять во вниманіе не отдѣльныя черты, а всю картину этого развитія. Мы видимъ общество, которое находится въ болѣе или менѣе расплавленномъ состояніи; видимъ, какъ образуется центральная политическая власть, но пока еще имѣющая самые разнообразные оттѣнки; какъ эта власть постепенно становится все крѣпче и крѣпче; мы видимъ, наконецъ какая государственная задача выдвигаетъ впередъ центральную власть, даетъ послѣдней опредѣленныя очертанія и снабжаетъ ее все большими правами; эта задача - война. При столкно-

веніи отдѣльныхъ государствъ является необходимой центральная власть, которая сдерживала бы различныя центробѣжныя силы, дѣйствующія въ обществѣ; и чѣмъ упорнѣе внѣшняя борьба, тѣмъ энергичнѣе становится политическая власть и тѣмъ болѣе значенія пріобрѣтаетъ элементъ единоличный. Именно на исторіи германскихъ племенъ всего лучше можно прослѣдить за возникновеніемъ и постепеннымъ развитіемъ центральной единоличной власти.

ДРУЖИНА. Война не только вызвала существованіе общей политической власти, соединяющей отдѣльныя области и роды, но являлась причиной возникновенія особаго рода союзовъ, дружинъ, прямо не связанныхъ съ общими цѣлями племени. Эту особую политическую форму мы уже отмѣтили въ описаніи Цезаря. У Тацита дружинный союзъ описанъ особенно подробно, потому что этотъ союзъ не имѣлъ ничего похожаго на себя въ условіяхъ римскихъ соединеній. У Цезаря о дружинѣ упоминается вскользь; при томъ она была въ то время совершенно другого свойства, чѣмъ въ эпоху Тацита. Какъ княжеская власть, такъ и дружина во время Цезаря возникала преимущественно для одного набѣга. У Тацита же этотъ дружинный союзъ возникаетъ вслѣдствіе важныхъ военныхъ потребностей, является учрежденіемъ уже постояннымъ, которое существуетъ уже и въ мирное время. Правда, описаніе Тацита очень подробно, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно очень темно и нуждается въ обстоятельныхъ комментаріяхъ для того, чтобы раскрыть его внутренній смыслъ. Тацитъ говоритъ о дружинѣ въ связи съ вопросомъ о вооруженіи молодыхъ людей. Когда отрокъ становится способнымъ носить оружіе, онъ получаетъ вооруженіе на вѣчѣ или отъ отца, или отъ кого-нибудь изъ родственниковъ, или, наконецъ, отъ одного изъ вождей in ipso consilio, vel principum aliquis, vel pater, vel propinqui scuto iuvenem ornant (Germ. 13)

особенная знатность и заслуги предковъ могутъ дать даже очень молодымъ людямъ положеніе вождя; остальные, получающіе оружіе, присоединяются къ болѣе сильному и испытанному, причемъ нисколько не считается позорнымъ служить спутникомъ, дружинникомъ

Insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignitatem etiam adul. adsignant; ceteri robustioribus. Въ этомъ именно и состоитъ особенная сила и авторитетъ вождя, чтобы собрать вокругъ себя какъ можно больше отборныхъ, молодыхъ воиновъ: дружина составляетъ украшеніе вождя въ мирное время и охрану его во время войны. При томъ вліяніе вождя настолько сильно, что распространяется даже за предѣлы племени; сосѣднія государства, въ своихъ сношеніяхъ съ племенемъ, принимаютъ во вниманіе, кто среди этого племени пользуется особеннымъ вліяніемъ, около кого группируется особенно значительная дружина: этимъ лицамъ присылаютъ посольство, даютъ подарки. *Haec dignitas, haec vires magno semper electorum iuvenum globo circumdari, in pace decus, in bello praesidium. Nec solum in sua gente cuique, sed apud finitimas quoque civitates id ~~nomen~~, ea gloria est, si numero ac virtute comitatus emineat; expetuntur enim legationibus ac muneribus, ornantur et ipsa fama bella profligant (9.13).*

Что касается до отношеній дружинниковъ къ своему вождю, то въ противоположность племени отношенія эти основываются на полномъ подчиненіи отдѣльной личности своему начальнику. Въ основаніи дружины лежитъ нравственный принципъ самопожертвованія, стремленіе жить только для вождя, защищать и охранять его, даже собственные подвиги приписывать его славѣ. Въ этомъ заключается первая нравственная обязанность дружинника. Тацитъ характеризуетъ эти отношенія слѣдующими словами: *illum enim tueri, defendere*

suá quoque fortia facta gloria eius adsignare: principes pro victoria pugnant, comites pro principe. Если государство долго не вело войны, то большая часть отроковъ добровольно отправляется къ тѣмъ племенамъ, у которыхъ въ это время ведется война, потому что эта раса не терпитъ спокойствія и стремится пріобрѣсти славу, да и нельзя удержать большую дружину ничѣмъ, какъ только силой или войной. Si civitas in orti sunt, longa pace et otio torpeat, plerique nobilium adulescentium petunt ultro eas nationes, quae tum bellum aliquid gerunt, quia et ingrata gentiquies et facilius inter ancipicia clarescunt, magnumque comitatum non nisi vi belloque tuentur (Germ. 14).

Вотъ общее описаніе дружины: въ немъ есть черты, которыя объясняются сами собой, которыя слѣдуетъ только выдѣлить изъ описанія; но есть и другія черты, требующія болѣе внимательнаго разсмотрѣнія. Прежде всего, надо обратить вниманіе на тотъ рѣзкій контрастъ который представляетъ дружинный союзъ съ союзомъ племеннымъ. Въ послѣднемъ все держится на равенствѣ всѣхъ членовъ; начальникъ племени есть только первый между равными и вѣче играетъ очень выдающуюся роль. Не то въ дружинѣ; здѣсь совершенно исчезаетъ этотъ элементъ свободы и равенства. Дружинникъ какъ бы отказывается отъ своей личности въ пользу вождя; онъ уже не свободный человѣкъ, который гордо смотритъ на своего начальника и не дѣлаетъ ему никакой уступки изъ своихъ правъ; дружинный союзъ есть соединеніе чисто личнаго свойства; это есть личное, добровольное подчиненіе власти вождя, притомъ все дѣло здѣсь именно въ подчиненіи, а не въ соединеніи на началѣ равенства; уже это одно должно вносить рознь въ политическую организацію, если даже допустить что власть дружиннаго вождя прямо исходитъ отъ народа. Затѣмъ так

же понятно, что подобная организація вся связана съ военнымъ дѣломъ, что тамъ, гдѣ военное дѣло прерывается, тамъ лица честолюбивыя или неспокойныя переходятъ къ другому племени. Обратите вниманіе также на составъ дружины. Это молодые люди, которые для обученія военному искусству собираются около знаменитаго воина, извѣстнаго своею опытностью. Тацитъ прямо говоритъ, что слава и значеніе вождя именно въ томъ и состоитъ, чтобы окружить себя значительнымъ числомъ молодыхъ людей; старые дружинники - явленіе ненормальное. Понятно далѣе, что, подобный союзъ, возникающій на основѣ добровольнаго соглашенія, соединяющій часто разноплеменные элементы, основывающійся на личномъ авторитетѣ испытаннаго человѣка по отношенію къ молодымъ людямъ, что подобный союзъ не только не можетъ уложиться правильно въ племенномъ государствѣ, но даже стоитъ въ опредѣленномъ противорѣчіи съ племенемъ. Дружина и племя не совпадаютъ ни въ политическомъ, ни въ географическомъ отношеніи. Вождь дружины долженъ пріобрѣсть себѣ вліяніе и значеніе, которое ставитъ его на иную доску сравнительно съ его же согражданами; юридически послѣдніе имѣютъ въ племени одинаковую съ нимъ силу, но фактически они не могутъ считаться съ нимъ силами. Эта двойственность политическаго союза придаетъ всѣмъ политическимъ отношеніямъ того времени характеръ особенно измѣнчивости. Все дѣло въ военныхъ случайностяхъ, и сообразно съ военными удачами, съ расширеніемъ военнаго могущества въ извѣстномъ племени крѣпчаетъ центральная власть, образуется королевская власть, окопляющая дружины, которыя, не имѣя опредѣленнаго мѣста въ племенной организаціи, увеличиваютъ общую неустойчивость. Очень важенъ вопросъ о томъ, кто имѣлъ право собирать дружину: имѣли ли это право только тѣ лица, которыя пользо-

вались оффиціальнымъ значеніемъ, напримѣръ, князья, герцоги, короли, или же могъ собрать вокругъ себя дружину всякій свободный человѣкъ? Вопросъ этотъ разрѣшается весьма различно. Дѣло идетъ здѣсь о томъ мѣстѣ, которое занимаетъ самое начало 13-ой главы и о которомъ мы уже говорили: insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignationem etiam adulescentulis adsignant

Къ этому мѣсту различные ученые старались подойти съ разныхъ сторонъ, объяснить такъ или иначе, исходя изъ того или другого пониманія выраженія princeps. Одни говорили, что дѣло идетъ здѣсь объ областномъ начальникѣ, творившемъ судъ и расправу и избиравшемся на вѣчѣ; но вѣроятнѣе, что здѣсь рѣчь идетъ о princeps вообще, тогда какъ видимъ, въ концѣ 12-ой главы, говорится о princeps квалифицированномъ: principes qui iura per pagos vicosque reddant. Выраженіе princeps, когда оно стоитъ безъ прибавленія, есть выраженіе весьма неопредѣленное; оно значитъ "знатный" и не имѣетъ техническаго значенія, не связано ни съ сословнымъ, ни съ оффиціальнымъ положеніемъ, которое пріобрѣтаетъ лишь съ прибавкой какого-нибудь опредѣленія. Поэтому для рѣшенія вопроса необходимо найти другой опорный пунктъ. Я не буду говорить о всѣхъ возможныхъ истолкованіяхъ, но укажу лишь на ту часть даннаго мѣста, которое имѣетъ, по моему мнѣнію, рѣшающее значеніе. Прежде всего надо не забывать, что римскимъ читателямъ говоритъ не человѣкъ, который уже прежде представилъ подробное, опредѣленное описаніе, но говоритъ писатель, описывающій извѣстное учрежденіе читателямъ, которые ничего о немъ не знаютъ, не видятъ ничего подобнаго въ своемъ быту, и говоритъ въ первый разъ; поэтому онъ ничего не можетъ предполагать извѣстнымъ и въ словахъ его съ самаго начала должно заключаться опредѣленіе. Тацитъ въ данномъ мѣстѣ говоритъ, что особенная знатность даетъ даже моло-

дымъ людямъ положеніе вождя; остальные же присоединяются къ людямъ болѣе сильнымъ и уже испытаннымъ, и не считаютъ позорнымъ числиться среди дружинниковъ *ceteri robustioribus ac iampridem parati adgregantur, nec rubor inter comites adspici.*

Если въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ не перевести слова *adregantur* "присоединяются", то въ чемъ же будетъ заключаться опредѣленіе слова *comites* ? Очевидно, что "*comites*" отсылаетъ насъ къ словамъ, сказаннымъ раньше, къ первой части данной фразы, въ которой оно и найдетъ свое объясненіе. Если это такъ, то получается выводъ, который вполнѣ гармонируетъ съ описаніемъ дружины: дружина собирается не около выбраннаго вождя или короля, но около *robustiores*, не около оффиціальныхъ начальниковъ, а около тѣхъ, которые сильнѣе, слѣдовательно, около каждаго частнаго человѣка. Въ этомъ именно и заключается противоположность такого соединенія съ организаціей племени, какъ по составу, такъ и по характеру.

III. ПРОЦЕССЪ СМѢШЕНІЯ РИМСКИХЪ И ГЕРМАНСКИХЪ ЭЛЕМЕНТОВЪ.

Намъ предстоитъ въ настоящее время заняться результатомъ смѣшенія римскаго и германскаго элементовъ въ такъ называемомъ средневѣковомъ процессѣ исторіи. Всего удобнѣе характеризовать этотъ процессъ не хронологически, а систематически выдвигая впередъ тѣ стороны, которыя представляютъ наиболѣе простыя и основныя формы общественныхъ соединеній и переходя отъ нихъ къ болѣе сложнымъ. Понятно, что всякая форма общественнаго соединенія не только вліяетъ на другія, но и сама подвержена вліянію другихъ. Такой послѣдовательности, въ которой то, что берется въ первомъ ряду, остается совершенно внѣ вліянія тѣхъ элементовъ, которые

обнаруживаются впослѣдствіи, такой послѣдовательности установить нельзя. Но для изложенія, которое отмѣчаетъ наиболѣе существенныя стороны, выгодно исходить отъ простѣйшаго, отъ того, что менѣе подвергается вліянію со стороны, чѣмъ отъ болѣе сложнаго. Съ этой точки зрѣнія, я думаю прежде всего разсмотрѣть тѣ общественныя соединенія, которыя можно назвать естественными и необходимыми. Самой естественной группой приходится признать семью и всѣ послѣдствія семьи, т.е. вытекающія изъ нея кровныя соединенія, родъ, родство и подобныя отношенія.

Послѣ этого нужно перейти къ соединеніямъ второго порядка, къ группировкамъ, которыя, главнымъ образомъ, основаны на хозяйственномъ началѣ, которыя представляютъ ту или иную организацію труда и связаннаго съ нимъ владѣнія. Тутъ опять имѣемъ дѣло съ отношеніемъ очень сложнымъ, но все-таки такимъ, которое преимущественно тяготѣетъ къ законамъ политической экономіи, наиболѣе открытымъ, представляющимъ удобство для историческаго разсмотрѣнія.

Слѣдующею ступенью должно быть разсмотрѣніе общественныхъ классовъ. Эти классы - всегда результатъ двоякаго рода процесса. Съ одной стороны они слагаются подъ вліяніемъ экономическихъ законовъ, подъ вліяніемъ раздѣленія труда и комбинаціи его; съ другой стороны рядомъ съ этимъ дѣйствуютъ политическія причины; именно общественный строй зависитъ отъ того, какъ распредѣлялась власть, каково ея устройство, ея функціи. Тѣмъ не менѣе можно сказать ,что въ первобытномъ обществѣ экономическіе факторы преобладаютъ надъ политическими и потому я изложу сперва хозяйственныя условія и потомъ только перейду къ политическимъ. На исторіи политическихъ отношеній кромѣ факторовъ хозяйственныхъ и соціальныхъ отражается также организація власти въ племенахъ

и отдѣльныхъ государствахъ, которая подводитъ подъ одно начало всѣ проявленія народной и государственной жизни. Въ этомъ смыслѣ политическая организація и является болѣе сложной.

Главнымъ образомъ, я буду имѣть въ виду ранній періодъ средневѣковой исторіи, который предшествовалъ феодальному строю, когда является смѣшеніе инородныхъ и инокультурныхъ элементовъ. Но придется заглядывать и въ болѣе поздніе вѣка и даже въ новѣйшее время, ибо тамъ есть любопытныя данныя для освѣщенія общихъ вопросовъ.

I. СЕМЬЯ И РОДЪ. Обратимся теперь къ вопросу о характерѣ кровной связи и о ея послѣдствіяхъ въ среднихъ вѣкахъ. Въ настоящее время мы привыкли къ моногамической семьѣ, во главѣ которой стоитъ отецъ, въ которой мать еще недавно занимала незавидное положеніе, въ которой дѣти находились въ подчиненіи родителямъ; но при историческомъ изложеніи мы должны принять во вниманіе, что не всегда такъ было; мы должны безъ предвзятыхъ идей приступить къ матеріаламъ ранняго средневѣковья.

Имѣемъ ли мы дѣло съ моногамической семьей, съ патріархальной организаціей, или средневѣковая семья представляетъ и другія начала? я напомню вамъ мѣсто изъ Цезаря, которое уже приводилъ. Цезарь упоминаетъ о двоякомъ родѣ союзовъ, которые получаютъ землю: это роды [gentes] и родовые союзы [cognationes]. Приходится настаивать, что Цезарь различалъ ихъ и утверждалъ, что у Германцевъ были и тѣ и другіе союзы. Даже путемъ чисто филологическаго разбора приходимъ къ тому выводу, что Цезарь кромѣ родовъ патріархальныхъ, предполагалъ еще другую организацію на началѣ когнатномъ, родства по женщинамъ, различая его отъ родства по мужчинамъ. Цѣлый рядъ фактовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что нельзя себѣ представить германскую семью и родъ въ тѣхъ строгихъ формахъ

въ которыхъ мы, вслѣдъ за Фюстель-де-Куланжемъ, привыкли смотрѣть на древне-италійскую и древне-греческую общины. Даже относительно древне-италійской и древне-греческой семьи съ научной точки зрѣнія приходится вносить ограниченія; тѣмъ болѣе эта теорія не годится по отношенію къ германской семьѣ, которая построена шире, сложнѣе, распущеннѣе. Рядомъ съ агнатными gentes стоятъ родственные союзы, которые представляютъ родство по крови, по женщинамъ.

Кровное родство прежде всего опредѣляется матеріальнымъ фактомъ рожденія сына отъ женщины и эта возможность точнаго родового раздѣленія приводитъ къ существеннымъ послѣдствіямъ: это позволяетъ представить себѣ союзы гораздо податливѣе, союзы, въ которыхъ къ одной матери могутъ примкнуть разные отцы; и братья поэтому будутъ единоутробными, но не единокровными. Но какъ могло при этихъ условіяхъ, при такомъ материнствѣ, держаться родство, узелъ котораго завязывался женщиной, существомъ слабымъ. Она непремѣнно должна имѣть защитника, если не въ мужѣ, то въ комъ же? На это мы a priori отвѣтимъ: въ отцѣ или братѣ, а по отношенію къ потомству, значитъ въ дѣдѣ или дядѣ. Читая Тацита, мы найдемъ фактъ, который подтверждаетъ "a posteriori" что такія отношенія были весьма обыкновенны у Германцевъ. Тацитъ отмѣтилъ странное для него явленіе: у Германцевъ считалось болѣе тѣснымъ родствомъ связь между человѣкомъ и его дядей по матери, чѣмъ между человѣкомъ и его отцомъ. Недоумѣніе Тацита драгоцѣнно уже не въ силу того, что онъ, не понимая факта, отмѣтилъ его, не пригоняя ни къ какой теоріи. А мы полагаемъ, что при когнатизмѣ иначе и быть не могло: единственнымъ защитникомъ для человѣка, у котораго не было опредѣленнаго отца, является дядя, братъ матери. Такимъ образомъ апріорное соображеніе совершенно согласуется съ

выводами, полученными изъ источника.

Затѣмъ мы увидимъ, что представленіе наше о брачномъ правѣ другихъ народовъ непримѣнимо по отношенію къ Германцамъ. Измѣнить это представленіе надо не потому, что они рано развили принципъ нравственнаго уваженія къ женщинѣ, какъ полагали нѣкоторые нѣмецкіе ученые; нѣтъ, принципъ этотъ развился вслѣдствіе того, что все положеніе женщины сложилось у германцевъ иначе. Германія дѣйствительно знаетъ бракъ, какъ его предполагаетъ патріархальный строй, который отрываетъ женщину отъ рода и подчиняетъ ее всецѣло мужу. Но у германцевъ такой бракъ является только въ результатѣ умыкиванія, при которомъ жена становится въ положеніе наложницы. Жена, отнятая въ войскѣ, дѣйствительно вполнѣ подчинена мужу. Но возможна другая форма, которая даетъ иную постановку всѣмъ семейнымъ отношеніямъ - это форма договорная, при которой одно родство передаетъ женщину другому родству на условіяхъ купли продажи. Женщину покупаютъ у ея прежнихъ родственниковъ, но покупаютъ не окончательно, а , если такъ можно выразиться, только для временнаго пользованія; такъ что связь ея съ прежнимъ родствомъ не прекращается и послѣ того, какъ она перешла въ домъ мужа. Отецъ, братъ являются столько же защитниками ея , какъ и мужъ. За ней признается ея собственный имущественный кругъ: приданое, а также имущество, приходящее отъ мужа, но всетаки составляющее ея собственность, такъ какъ за неприкосновенностью его слѣдятъ ея прежніе родственники. Договорный бракъ по самому существу своему являлся легко расторжимымъ въ случаѣ нарушенія договора и эта форма не позднѣйшая, исключительная, а чрезвычайно распространенная у всѣхъ германскихъ племенъ и выражающаяся въ цѣломъ рядѣ архаическихъ формальностей, которыми обставленъ

разводъ по Норвежской и Шведской правдѣ.

Такимъ образомъ, являются двѣ возможности организовать семью, а, слѣдовательно, и родство. Вмѣстѣ съ Цезаремъ мы должны сказать, что у германцевъ существовали и cognationes и gentis

Общество не выработало еще точнаго и систематическаго подчиненія одному родовому принципу. Въ этотъ періодъ броженія Германія столкнулась съ Римомъ и родовое нѣмецкое право получило римскую окраску, потому что это столкновеніе случилось прежде, чѣмъ нѣмецкое право развилось и привело къ установившимся послѣдствіямъ,какъ у Кельтовъ и Южныхъ Славянъ, гдѣ являются вполнѣ развитыя родовыя соединенія въ видѣ клановъ, задругъ, великихъ семей, основанныхъ на колѣнно-родовомъ началѣ.

Существеннымъ фактомъ въ исторіи средневѣковыхъ германскихъ племенъ является то, что мы встрѣчаемся съ родовымъ принципомъ въ сложномъ двойственномъ видѣ. Родовой принципъ подвергается довольно быстрому разрушенію. Хотя не образовалось ничего похожаго на строгія родовыя соединенія, однако, нельзя сказать, что и въ такомъ видѣ родовыя связи не оказали вліянія на средневѣковую исторію германскихъ и романскихъ племенъ. Рядъ вліяній мы можемъ подмѣтить на разныхъ сторонахъ жизни.

КРОВАВАЯ МЕСТЬ. И „agnati и cognati" стоятъ достаточно близко другъ къ другу отъ нападеній. Приходится говорить о родствѣ, а не о родѣ. Особенно рѣзко подчеркиваетъ это очень тщательно изложенный у Тацита институтъ кровной мести. „Suscipere amicitias et inimicitias tam patris, quam propinqui mos est, nec implacabiles durant. Luitur autem etiam homicidium certo armentorum et pecorum numero. Accipit compositionem universa domus". Здѣсь каждое слово важно. Родство есть неравный союзъ и по дружбѣ и по враждѣ; но вражда не безусловна, ибо

можно избѣгнуть ея, заплативъ за убійство извѣстнымъ количествомъ скота, причемъ получаетъ выкупъ весь домъ - universa domus

Солидарность по отношенію къ чужеродцамъ, разрѣшеніе ссоръ выкупомъ и то, что выкупъ идетъ въ пользу всего рода, все это есть у Тацита, намъ остается только развить и иллюстрировать эти положенія.

Средневѣковая исторія Германіи показываетъ, что месть сплошь и рядомъ производилась натурой, кровь за кровь. Въ Англосаксонской Правдѣ предусмотрѣно сколько человѣкъ можно убить, чтобы отомстить за кровь. Не грѣхъ убить даже нѣсколько человѣкъ, лишь бы только не слишкомъ много. Если убитъ цѣнный человѣкъ, то родъ позволяетъ себѣ убить трехъ съ противной стороны, а четырехъ, напримѣръ, убить уже нельзя, или это будетъ поводомъ къ новой мести. Месть натурой является развитымъ институтомъ и подаетъ поводъ къ файдѣ Fehde, т.е. къ частной войнѣ. Идея выкупа еще очень смутна, хотя въ варварскихъ Правдахъ вездѣ уже есть тарифъ, которымъ опредѣляется вира за убійство (за человѣка изъ знатной семьи, платится, напримѣръ, 200 солидовъ.) Но этотъ тарифъ устанавливаетъ только цифру, на которой принято мириться, а можетъ быть враждующія стороны и не помирятся. Въ началѣ общественное мнѣніе было противъ такихъ мировыхъ. Это отразилось въ одномъ сѣверномъ миѳѣ Völsunga saga. Дѣло идетъ о происхожденіи клада Нибелунговъ, владѣніе которымъ приноситъ несчастье владѣльцу. Три главные бога, Одинъ, Торъ и Локи отправляются гулять по свѣту, какъ они часто это дѣлали. Однажды вечеромъ они остановились переночевать въ хижинѣ у водопада. На другой день въ этомъ водопадѣ они замѣтили выдру и убили ее; но эта выдра оказалась оборотнемъ, братомъ хозяина хижины. Тогда хозяинъ Фафнеръ и дру-

гой братъ его предъявили богамъ право на месть. Боги просятъ о помилованіи, предлагаютъ заплатить выкупъ. Братья польстились на выкупъ. Локи досталъ много золота и рѣшено было набить имъ шкуру убитой выдры. Но едва боги удалились, какъ началась ссора между братьями изъ за золота. Фафнеръ убилъ брата, обратился въ змѣя и легъ на шкуру. - Въ основѣ миѳа лежитъ эпическая мысль, что жадность пошла по свѣту съ тѣхъ поръ, какъ братья польстились на плату за кровь брата. Хотя это нравственное чувство сильно, но тарифы дѣлали свое дѣло. При Карлѣ Великомъ кровавая месть еще сильна и въ одномъ изъ его капитуляріевъ повелѣвается, въ случаѣ, если родственники не захотятъ выкупа, присылать ихъ къ императору, а тотъ отправитъ ихъ туда, гдѣ они не могутъ причинить никакого вреда. Тутъ выступаетъ на сцену полицейская власть для умиротворенія общества. Но разъ явилась такая власть, она обязана поддержать порядокъ, а не только запрещать кровавую месть, должна ручаться за взысканіе виры. Этого она,однако,не могла дать. Власть была слаба и долго еще приходится прибѣгать къ кровавой мести. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся съ мировой системой выкупа рядомъ съ кровавой местью.

Но является вопросъ, если состоится эта мировая, кого считать обдѣленнымъ, кто имѣетъ право требовать этихъ денегъ? Я сошлюсь на Норвежскую Правду: она знаетъ цѣлый рядъ выкуповъ. Прежде всего получаютъ выкупы мужчины въ семьѣ, ибо они одни могутъ мстить; женщины получаютъ подарки, потому что онѣ сво-

Литографія Богданова - Эртелевъ переулокъ, домъ № 1.
Директоръ Курсовъ

имъ плачемъ могутъ возбуждать мужчинъ къ мести. Въ случаѣ убійства женщина, близкая къ убитому, посылала всѣмъ роднымъ стрѣлу; чтобы взять эту стрѣлу у ней изъ рукъ, надо сдѣлать ей подарокъ. Первую гривну получаетъ отецъ, вторую братъ или братья, если ихъ нѣсколько, третью двоюродныя братья. Слѣдующіе родственники агнаты до 7-го колѣна получаютъ уже не гривны, а дополнительные платежи. Но этимъ дѣло не ограничивается. Двѣ трети выкупа исчерпаны, но остается цѣлая треть |Nefgildi|, которую получаютъ родственники по матери. Это доказываетъ, что и они призываются къ участію въ мести. Кромѣ того является еще цѣлый рядъ прибывочныхъ мстителей - зятья, кровные братья, товарищи по гильдѣ, рабочей или путешествующей ассоціаціи. Но это, такъ сказать, придатки; основу же выкупа составляютъ двѣ трети, причитающіяся агнатамъ, а одна треть когнатамъ.

Характеренъ обычай обратить отвѣтственность. Если родство защищаетъ человѣка, то оно и помогаетъ убійцѣ очиститься. Эта обязанность разсчитана параллельно праву полученія выкупа. Все дѣйствіе убійства разсматривается не какъ уголовное преступленіе, а какъ дѣяніе, совершенное всемъ родомъ. Если убитъ членъ родственнаго союза, то заинтересовано все родство, если членъ союза-убійца, то отвѣчаетъ тоже все родство. Это является формой не искусственно придуманной; не государство придумало ее для обузданія убійцъ. Она сводится къ одному коренному предположенію, что если убила рука одного человѣка, то отвѣчаетъ вся группа. Если представить себѣ эти группы въ видѣ теперешняго государства, то мы найдемъ фактъ, аналогичный выкупу - военное вознагражденіе, которое падаетъ не только на совершившихъ дѣяніе, но и на всѣхъ людей, живущихъ въ государствѣ.

ИМУЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ. Рядомъ съ этимъ мы видимъ цѣлый рядъ указаній другого рода, именно, что древне-германское родство было союзомъ имущественнаго характера.

Изложеніе Тацита даетъ интересныя указанія относительно имущественной солидарности въ средѣ родственниковъ, и ближайшимъ образомъ, семьи. Heredes successoresque sui cuique liberi et nullum testamentum говоритъ Тацитъ |наслѣдниками и преемниками у каждаго являются его дѣти; завѣщаній не бываетъ. Это свидѣтельство существенно и наводитъ на дальнѣйшія соображенія. Отсутствіе завѣщаній можетъ быть объяснено различно. Можно считать этотъ фактъ результатомъ того, что естественная привязанность была такъ сильна, что не можетъ быть рѣчи о передачѣ имущества внѣ этого соединенія. Но едва ли можно долго останавливаться на этомъ соображеніи. При самомъ незначительномъ знакомствѣ съ хронологическимъ матеріаломъ является мысль, нѣтъ ли здѣсь одного общаго взгляда, именно настоящимъ собственникомъ является вся семья, а отдѣльное лицо только взаимнымъ пользователемъ и распорядителемъ. Отецъ при жизни полный распорядитель имущества, но съ его смертью прекращаются его функціи распорядителя и въ управленіе должны вступать представители живого поколѣнія семейства. Что дѣйствительно дѣло было такъ, есть опредѣленное доказательство. Я говорю объ одномъ характерномъ постановленіи, изданномъ въ 571 году Меровингомъ Хильперикомъ. Въ двухъ-трехъ словахъ оно даетъ намъ возможность заглянуть въ отношенія, при которыхъ родство призвано наслѣдовать, оно признается субъектомъ владѣнія. Дѣло идетъ вотъ о какомъ постановленіи Хильперика:" Si quicumque vicinos habens filios aut filias superstites

furit - terras accipiant. Et... si frater alter superstitus fuerit, frater terram accipiat, non vicini.

Если кто, имѣя сосѣдей, оставитъ сыновей или дочерей, то пусть они наслѣдуютъ земли умершаго. Если же кто, не имѣя дѣтей, оставитъ брата, то пусть братъ получитъ землю, а не сосѣди. Это показываетъ, что до 571 года существовалъ порядокъ, по которому наслѣдовали сосѣди, а не братъ. Почему же сосѣди имѣли это преимущество? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ берется поселокъ, гдѣ всѣ живущіе съ одной стороны - сосѣдческій союзъ, съ другой - родственный. Это разросшаяся семья, и вся она въ совокупности является собственникомъ поселка, и нуженъ особый эдиктъ, чтобы ввести брата въ исключительное наслѣдованіе. До 571 года дѣло было такъ: поселокъ выдѣляетъ въ пользованіе отдѣльныхъ главъ семьи отдѣльные участки. Главы семей и сыновья ихъ вступали въ управленіе участкомъ. Но если прямыхъ наслѣдниковъ не оказывалось, то земля возвращалась "сосѣдямъ"; сосѣдямъ -родственникамъ, прибавимъ мы. Этотъ порядокъ доказываетъ солидарность родственнаго союза, при которой владѣніе землей находится въ рукахъ семейной общины. Эта форма очень стѣсняетъ частное владѣніе. Порядокъ этотъ былъ отмѣненъ прежде, чѣмъ вошла въ силу "Салическая Правда" Этотъ источникъ не передаетъ намъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ, |вѣдь это вообще очень отрывочный памятникъ|, но зато онъ передаетъ намъ другую вещь, которая у иныхъ германскихъ племенъ держалась очень долго. Салическая Правда ограничиваетъ наслѣдственное право, дозволяя вступать во владѣніе только мущинамъ; только постепенно въ число наслѣдниковъ входятъ женщины. Впервые вводится это эдиктомъ

571 года, а въ Сали ческой Правдѣ говорится, что аллодіальной, надѣльной землей могутъ владѣть только мущины. Одна правда "Lex Anglorum et Verinorum" передаетъ то-же положеніе съ любопытными подробностями. Ad quem hereditas terrae, ad eum et vestis bellica, et ultio proximi et solutio leudis (вергельда) |вергельда| debet pertinere т. е. кому идетъ земля, тому и панцырь и на томъ лежитъ обязанность кровной мести и полученіе выкупа. Такимъ образомъ, это право выставляетъ мотивъ, заставляющій ограничить право женщины на землю. Мужчина получаетъ землю, ибо онъ является и мстителемъ; земля, основа имущественной солидарности, находится въ распоряженіи мужчины.

РАЗЛОЖЕНІЕ КРОВНОЙ СВЯЗИ. Вотъ послѣдствія, которыя мы находимъ въ опредѣленныхъ правовахъ отношеніяхъ. Древнимъ Германцамъ не былъ чуждъ принципъ солидарности, какъ по отношенію къ защитѣ, такъ и по отношенію къ труду. Но кромѣ того важно, что это племя рано подпало подъ вліяніе Рима, а послѣ перехода черезъ границы Римской имперіи образовалось хаотическое смѣшеніе отношеній, въ которомъ принципы германскіе и римскіе перепутались. Римское право отличается сильно индивидуалистическимъ характеромъ: личность и ея воля выступаютъ на первый планъ; поэтому Римское право способствовало быстрому разложенію родового права у Германцевъ.

Но есть и другія причины разложенія. Государство всегда борется противъ родового порядка, который свидѣтельствуетъ, что государство не достаточно сильно, и что приходится прибѣгать къ защитѣ кровныхъ соединеній. Какъ только государство начинаетъ крѣпнуть, оно вырываетъ изъ рукъ рода тѣ функціи, которыя носятъ общественный характеръ. Съ Карла Великаго государство

старается искоренить кровавую месть, установить выкупъ, словомъ, устранить все, что нарушаетъ государственное благонравіе и благоустройство.

Отмѣчу третій факторъ, который имѣлъ громадное значеніе для быстраго разложенія родственныхъ связей - это вліяніе церкви. Католическая церковь систематически разбиваетъ родственные союзы и медленная борьба ея съ родовымъ порядкомъ тянется въ теченіе многихъ лѣтъ. Важны два обстоятельства, съ которыми церкви приходилось считаться, которыя дѣлали ее врагомъ родовыхъ соединеній.

Во первыхъ, если бы удержалось представленіе, что родъ является собственникомъ, а отдѣльное лицо только временнымъ пользователемъ, то церковь не могла бы устроиться матеріально. Она является въ обществѣ, гдѣ надо хлопотать о надѣлѣ землей и движимостью, и приходится обращаться къ личному благочестію и угрызеніямъ совѣсти; искать въ личной психологіи опору матеріальную. Родовые же союзы стояли на сторожѣ, чтобы отдѣльный человѣкъ не передавалъ бы церкви имущества, которое принадлежитъ не ему, а роду. По коренному вопросу о свободѣ отчужденія, о возможности завѣщанія церковь становится очень далеко отъ традицій. Исторія раннихъ отчужденій показываетъ, что борьба была не легка; слѣды этого мы находимъ въ церковныхъ грамотахъ, въ запискахъ Правдъ и въ протоколахъ церковныхъ засѣданій. Въ Лангобардской Правдѣ поставлено, что человѣкъ не долженъ ненавидѣть своего родственника, отказавшаго что-либо церкви. Далѣе въ грамотахъ мы видимъ страшныя проклятія противъ людей, которые, опираясь на родственную связь, возстали противъ подарка церкви. Не мало извѣстій о судебныхъ препирательствахъ

по этому поводу. Если благотворитель надѣлитъ церковь имуществомъ, то родственники нападаютъ и силой берутъ назадъ подарокъ, а церковь уже черезъ короля старается получить обратно свое достоянiе. Церковь прямо проводитъ принципъ даренiя, наперекоръ прежнему принципу.

Во-вторыхъ, въ прежнихъ юридическихъ постановленiяхъ есть одна область, въ которой церковь содѣйствовала особенному ослабленiю родовыхъ связей - это область брачнаго законодательства. Католическая церковь старалась, чтобы брачныя соединенiя не совершались на почвѣ кровнаго родства,чтобы оно не повторялось постоянно въ одномъ опредѣленномъ брачномъ кругѣ; она въ родственныхъ соединенiяхъ видѣла своихъ враговъ и всячески стремилась разъединить ихъ. Между родственниками, по воззрѣнiямъ католической церкви, браковъ быть не должно, и придѣлъ этотъ строго проведенъ - до четвероюродныхъ братьевъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ можно просить о диспенсахъ. Въ настоящее время запрещенiе браковъ между двоюродными приводитъ зачастую къ различнымъ затрудненiямъ, но представьте себѣ, что было бы, если бы были запрещены браки между четвероюродными.

Церковь, такимъ образомъ имѣла въ виду не только ближнее родство, но и довольно дальнее, поэтому процедура установленiя степени родства была очень трудна и сложна. При этомъ законодательствѣ эндогамическiе браки не могли имѣть мѣста - невѣсту искали на сторонѣ. Все это перемѣшивало роды. Въ Германскомъ правѣ видна безусловная побѣда Церкви, но въ Кельтскомъ правѣ, гдѣ Церковь встрѣтила обширныя и сильныя клановыя соединенiя (Ирландiя, Уэльсъ, Бретань), церковные законы смягчены и допуска-

ется эндогамія. А родственныя группы стремятся именно къ эндогаміи.

Итакъ, подъ вліяніемъ римскаго права, роста государства и церкви родственныя группы разбиваются и не приводятъ къ тому, что было въ античномъ мірѣ съ его gentes . И въ области германской жизни есть интересные проблески того, что могло бы случиться, если бы германскія племена меньше были на ходу, были бы изолированы. У Дитмарсовъ въ сѣверо-западномъ углу Германіи, въ переходѣ къ Ютландіи, образовались агнатическіе роды, изъ которыхъ даже въ эпоху реформаціи нѣкоторые насчитывали до 500-600 членовъ. Но это исключеніе; въ общемъ правѣ родовыя соединенія разстроились.

2. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОЙ. Теперь, заручившись этими свѣдѣніями, мы перейдемъ къ характеристикѣ хозяйственныхъ отношеній и хозяйственной группировкѣ. Характеристика родственныхъ отношеній была необходима, ибо факты хозяйственные въ концѣ концовъ сводятся на родственное право. Въ эдиктѣ Хильперика члены семейной общины являются родственниками. Источникъ называетъ ихъ,однако, "vicini " - показываетъ, что начало родственной группировки подмѣняется началомъ группировки сосѣдческой. Можно, поэтому, чрезъ нѣсколько поколѣній представить себѣ село, съ утратой родовыхъ преданій, которое будетъ представителемъ группировки второго рода. Постепенный подмѣнъ однихъ терминовъ другими, родовыхъ сосѣдческими, указываетъ на этотъ переходъ.

При характеристикѣ средневѣковаго хозяйства и группъ, которыя изъ него произошли, нужно прежде всего отмѣтить, что это хозяйство преимущественно натуральное, т.е. направленное для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей тѣхъ лицъ, которыя

имъ занимаются. Человѣку нужна пища, одежда, утварь, жилище, все это онъ самъ себѣ приготовляетъ, можетъ быть при помощи родственниковъ, рабовъ, но самъ. При этихъ условіяхъ хозяйство называется натуральнымъ; если же начинается обмѣнъ услугъ и раздѣленіе труда, при которомъ одинъ человѣкъ работаетъ въ одномъ отдѣлѣ и для себя и для другихъ, а другіе идутъ ему навстрѣчу, то получается хозяйство мѣновое.

Исходнымъ пунктомъ, такимъ образомъ, является натуральный, не мѣновой характеръ средневѣкового начальнаго хозяйства. Но при этомъ натуральномъ хозяйствѣ громадное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что Германцы временъ Тацита болѣе или менѣе народъ осѣдлый. Натуральное хозяйство этой эпохи носитъ уже земледѣльческій характеръ, но при этомъ нужно сдѣлать нѣсколько ограниченій. Въ самой Германіи вѣдь появляются кузнецы, кожевники, ткачи; но это отдѣльныя группы и спросъ на предметы продажи еще незначителенъ. Обыкновенно женщины ткутъ и обшиваютъ мужей, а мужья не только пашутъ, пасутъ и охотятся, но и занимаются приготовленіемъ утвари.

<u>МЕЖЕВЫЯ КАРТЫ.</u> Въ основѣ хозяйства здѣсь стало быть, лежитъ землепашество и потому образуется вполнѣ систематическая организація земельнаго хозяйства. Организація эта не можетъ быть объяснена и изображена, если держаться только литературныхъ источниковъ. Въ литературныхъ источникахъ, лѣтописяхъ и житіяхъ святыхъ мы кое-что найдемъ по этому вопросу, но даже административные и юридическіе документы говорятъ намъ очень мало для пополненія описанія, и чтобы придти къ выводамъ, надо прибѣгнуть къ фактамъ межевой археологіи. Очень существенныя данныя межевой археологіи позволяютъ намъ обставить изученіе развитія земельна-

го хозяйства и землевладѣнія большимъ запасомъ фактовъ. Межевую археологію, которую я имѣю въ виду, приходится понимать какъ ученіе о раздѣленіи полевыхъ площадей на части для пользованія ими. Всякая старая межевая карта можетъ служить матеріаломъ для такой археологіи. Матеріалъ этотъ будетъ болѣе или менѣе важенъ для исторіи сообразно съ тѣмъ, являются ли формы размежеванія старинными или нѣтъ. На наше счастье старинныя формы размежеванія упразднились очень недавно, а въ Россіи, напримѣръ, еще до сихъ поръ существуютъ. По полевой картѣ французскаго имѣнія XVIII в. можно дѣлать заключенія объ имѣніи VI в. Можно доказать, что основной складъ размежеванія, установившійся послѣ завоеванія римлянами, сохранился до самой революціи. Очень древнихъ картъ нѣтъ, самыя древнія восходятъ къ 17, 18 вв., но даже карты 18-го вѣка довольно богаты содержаніемъ и являются краснорѣчивыми.

ОБЩИННОСТЬ ВЛАДѢНІЯ. Если мы посмотримъ на старую дореволюціонную карту, то увидимъ, что обыкновенное средневѣковое село состоитъ изъ различныхъ элементовъ: мы найдемъ дворы, поля, луга, которыхъ немного, пастбища и лѣса.

Для насъ, русскихъ, не покажется страннымъ расположеніе полей, но для европейца это расположеніе должно показаться удивительнымъ. Поля представляютъ цѣлый рядъ мелко нарѣзанныхъ, длинныхъ полосъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего владѣльца. Владѣніе разбросанное. На англійскихъ картахъ, напримѣръ, земля нормальнаго владѣльца разбросана въ мѣстахъ 30-ти. Странно, зачѣмъ это понадобилось мѣшать человѣку переходить съ одного своего участка на другой. Этотъ характерный фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что аграрная система не въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ. Интересъ отдѣльнаго владѣльца клонился къ сплошному надѣлу - это

ясно, и наоборотъ, ясно, что если отдѣльный владѣлецъ, семья подчиненъ высшему собственнику - общинѣ, то главною цѣлью будетъ не удобство разработки, а равномѣрное распредѣленіе земли; а для этого легче будетъ подѣлить всю территорію на нѣсколько большихъ участковъ и въ каждомъ изъ нихъ дать всѣмъ по полосѣ. Это самая простая система. Ибо иначе, если мы представимъ себѣ село съ 10-ю владѣльцами, которые желаютъ раздѣлиться поровну, то сейчасъ же приходится столкнуться съ тѣмъ, что никакая земля не является ровной плоскостью, биллярдной доской; на ней встрѣчаются ручьи, различныя неровности и пр. Какъ же быть? отвести людямъ сплошные куски можно, но это очень трудно, такъ какъ въ дѣйствительной жизни приходится считаться съ различнымъ достоинствомъ почвы и, руководясь принципомъ равномѣрнаго раздѣленія, пришлось бы одному уменьшить надѣлъ въ виду его плодородія, другому дать больше.

Всѣ эти затрудненія устраняются, если всю территорію помѣстья раздѣлить на составныя части, изъ которыхъ каждая представляетъ землю равнаго достоинства и потомъ уже эти части раздѣлить на равныя полосы по числу владѣльцевъ. Такъ дѣлалось на Востокѣ и Западѣ, такъ и въ Россіи, чтобы избѣжать сложныхъ и очень шаткихъ оцѣнокъ при раздѣленіи земли. И вотъ мы стоимъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ фактомъ, что вся средневѣковая Европа есть Европа чрезполоснаго владѣнія. Этимъ мы подходимъ къ основному дореволюціонному типу сельской общины и ея исторіи.

Итакъ, характеристическая черта средневѣкового хозяйства - несомнѣнное присутствіе принципа общиннаго владѣнія. Самое рѣзкое проявленіе этого принципа - крайняя черезполосица, которая не можетъ быть объяснена интересами частныхъ владѣльцевъ, добивавшихся сплошныхъ участковъ.

Когда мы переходимъ къ новому времени, эта черезполосица

уничтожается, земля передѣляется, складываются въ сплошные участки.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ. Отмѣтивъ рѣзкую черту, которая бросается въ глаза при разсмотрѣніи межевыхъ картъ, я перейду къ болѣе обстоятельной характеристикѣ средневѣковаго землевладѣнія и связаннаго съ нимъ сельскаго хозяйства. Эта характеристика даетъ возможность отнестись сознательно къ нѣкоторымъ соновнымъ явленіямъ средневѣковаго хозяйственнаго строя. Утверждая, что при поверхностномъ взглядѣ на древнюю карту, можно замѣтить слѣды общинности, я не говорю, чтобы это исключало принципъ частнаго владѣнія, чтобы вся земля находилась въ общинномъ пользованіи. Что тутъ не нужно проводить одинъ принципъ въ исключеніе другого, намъ, русскимъ, особенно ясно. Намъ понятно, что рядомъ можетъ существовать и частное и общинное владѣніе: крестьянская земля представляетъ общинное владѣніе, помѣщичья - частное; мало того, крестьяне - общинники могутъ владѣть другими землями на частномъ правѣ. Итакъ, не входя въ мелкія подробности, будемъ имѣть въ виду эти два принципа, которые могутъ сосуществовать, но находятся въ противорѣчіи другъ съ другомъ.

Возьмемъ типическое средневѣковое село. Я говорю "средневѣковое" потому, что имѣю въ виду не одну какую - нибудь страну, а большую часть средневѣковой Европы: Германію, Англію, часть Франціи, Италіи и даже Испаніи [и въ послѣдней сохранились нѣкоторыя варіаціи чисто римскаго порядка владѣнія землей]. Но входить во всѣ эти варіаціи мы не имѣемъ возможности. Возьмемъ село, которое было бы типичнымъ представителемъ для трехъ государствъ: Германіи, Англіи, Франціи. Всѣ земли можно подвести подъ основныя рубрики, и по отношенію къ нимъ увидимъ различное примѣненіе прин-

циповъ частнаго и общиннаго владѣнія. Сказывается перевѣсъ принципа частнаго владѣнія въ тѣхъ земляхъ, которыя находятся внутри села, прилегаютъ къ дому, а перевѣсъ принципа общиннаго владѣнія - въ тѣхъ земляхъ, которыя отстоятъ дальше отъ жилищъ. Надо вообще имѣть въ виду 3 категоріи:- во-первыхъ, дворъ и прилегающіе къ нему сады и огороды, во-вторыхъ, пашни и поля, въ третьихъ, выгоны, пастбища и лѣса. Къ этимъ основнымъ категоріямъ примыкаетъ еще въ видѣ четвертой, небольшое количество земли подъ заливными лугами: они состоятъ на особомъ положеніи и будутъ разсматриваться отдѣльно.

ДВОРЪ. Если возьмемъ дворы, то увидимъ кое-какіе слѣды того порядка, при которомъ земля была общей, хотя постройка находилась во владѣніи семьи. Главный, самый любопытный слѣдъ тотъ, что по древне-германскому праву домъ считается собственностью движимой, наравнѣ съ утварью и одеждой. Значитъ постройка была настолько легка, что ее можно было переносить съ мѣста на мѣсто. Земля тянула къ низу, оставаясь во владѣніи племени, хата является во владѣніи семьи и ее можно перевозить на повозкѣ. Это слѣды полукочевого состоянія, которое мы замѣчаемъ еще у Цезаря и даже у Тацита.

Впрочемъ, для того, чтобы эта система не осталась отвлеченно построенной, мы сдѣлаемъ небольшую экскурсію въ порядки сосѣдняго Кельтскаго племени, которое развило сильную родовую общину и представляетъ условія, похожія на германскія, только болѣе рѣзко очерченныя. Тамъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ основнымъ положеніемъ, что дома - движимость, и болѣе подробно узнаемъ, какъ это примѣнялось къ жизни. Домъ составляетъ полную собственность общины. Въ Ирландіи и Вэльсѣ существовалъ опредѣлен-

ный законъ, говорившій о томъ, какъ ставить дома, и какія обязанности падаютъ на отдѣльныхъ членовъ рода, соединившихся для этой цѣли. Жилище разсчитывается не на одну семью а на нѣсколько малыхъ, составляющихъ одну "великую". Всѣ лица, которыя соединяются для постройки, сходятся и строятъ длинную казарму, по обѣимъ сторонамъ которой расположены отдѣльныя спальни для отдѣльныхъ паръ. Средняя же комната общая, она соотвѣтствуетъ греческому "μέγαρον" ; здѣсь родовой очагъ, здѣсь всѣ сходятся. Тутъ мы имѣемъ совершенно корпоративный принципъ по отношенію къ устройству казармы, дворъ же еще не вросъ настолько въ землю, чтобы считаться недвижимымъ имуществомъ. Этотъ порядокъ оставилъ слѣды еще въ Норманнскомъ и Англійскомъ правѣ въ вопросѣ о постройкѣ охотничьихъ дворовъ и домовъ для королей.

Теперь мы перейдемъ къ тому положенію, которое господствовало приблизительно въ VII вѣкѣ и даже въ VI. Каждый дворъ обособился настолько, что перемѣна мѣста для этого двора не полагается. Правда, иногда это дѣлалось, но не періодически, а только при исключительныхъ условіяхъ переселенія, выселенія, вообще въ случаяхъ экстраординарныхъ. Тогда община опять вступаетъ въ свои права, приказываетъ частнымъ владѣльцамъ сняться съ мѣста; но это случаи рѣдкіе, и право общины остается только потенціальнымъ. Дворъ, такимъ образомъ, уже приросъ къ мѣсту и участокъ разсматривается какъ частное владѣніе той семейной группы, которая сидитъ на немъ. Въ самомъ дворѣ происходитъ любопытный процессъ, направленный къ тому, чтобы не дробить его такъ или иначе, разсматривая его какъ достояніе всей семейной группы. Итакъ, изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе на такомъ дворѣ сидятъ люди одной семьи. Во всемъ сред-

невѣковомъ правѣ наблюдается стремленіе не давать двору распадаться, которое выражается въ различныхъ формахъ. Главный случай съ которымъ приходится бороться - переходъ двора по наслѣдству. Тутъ возникаетъ самъ собой вопросъ, дѣлить ли дворъ, или нѣтъ, и въ крестьянскомъ землевладѣніи вырабатывается вслѣдствіе этого бытового условія порядокъ единонаслѣдія: или братья остаются сидѣть вмѣстѣ, причемъ власть переходитъ къ старшему, или отецъ старается выселить старшихъ сыновей на сторону, и тѣ уходятъ или для колонизаціи, или на промыслы, или для поступленія въ число министеріаловъ, тѣлохранителей при какомъ нибудь знатномъ лицѣ. Младшій сынъ остается при отцѣ и имущество переходитъ къ нему. Идея минората, которая опять опирается на принципъ сохраненія единства, цѣльности двора. Въ сѣверномъ правѣ изъ этого вырабатывается право одальное, которое предписываетъ строгія мѣры противъ отчужденія, хотя бы даже въ части, въ пользу чужаковъ. Отчужденіе затрудняется всѣми способами, и родственники одни за другими имѣютъ право отстаивать имѣніе отъ чужака. Это процессъ, который совершается внутри двора. Но все болѣе и болѣе вырабатывается принципъ распорядительства. Старшій или младшій братъ, который является носителемъ единства двора - *Träger* - мало-по-малу становится единственнымъ собственникомъ двора, вытѣсняетъ другихъ, и такимъ образомъ старая идея легко подмѣняется новой.

ПОСЕЛОКЪ. Если возьмемъ владѣльца крестьянина Южно-германскаго поселка, то тамъ дворы не распадаются, - они идутъ или къ старшему или къ младшему сыну. На это оказываютъ вліяніе и другія условія, которыя стоятъ въ связи съ дворомъ. Дворы

могутъ лежать или совсѣмъ врозь, или сплошной улицей; можетъ господствовать или деревняя система или хуторовая.

Образованіе хутора или деревни зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, сильно сказывается географическое вліяніе Если поселокъ расположенъ на ровной поверхности, гдѣ мало воды, гдѣ люди жмутся къ источнику, то онъ почти всегда собирается въ цѣлую деревню, въ"улицу". Если же территорія сельская расположена въ горномъ округѣ, гдѣ отдѣльнымъ дворамъ нельзя сплотиться, то преобладаетъ хуторная система. Таковы дворы въ южной Германіи и Швейцаріи.

Но это обстоятельство, строются ли хуторомъ, или деревней, не имѣетъ особаго значенія для семейной общины внутри двора, такъ какъ она поддерживается какъ въ селахъ, такъ и въ хуторахъ благодаря одному и тому же принципу распорядительства.

Другое характерное вліяніе, это вліяніе племени. Есть племенныя традиціи, которыя заставляютъ располагаться хуторами даже тамъ, гдѣ можно расположиться деревней. Мы имѣемъ рѣзкій примѣръ по южному Рейну, гдѣ чрезвычайно ровная поверхность, повидимому благопріятствовала деревенской системѣ, а преобладаетъ вездѣ хуторная. Это объясняется тѣмъ, что населеніе въ данной мѣстности находилось подъ сильнымъ вліяніемъ кельтской примѣси. Германцы, хотя и научили кельтовъ своему языку, но сами усвоили себѣ кельтскія привычки. А кельты селились или казармами или по хуторамъ.

Такимъ образомъ, и племенныя традиціи нужно принимать во вниманіе.

НАДѢЛЫ. Въ общемъ можно сказать по отношенію ко двору и

огороду, что сельская община уступила свое право отдѣльнымъ лицамъ, хозяевамъ. Отдѣльный хозяинъ сидитъ въ своемъ дворѣ, работаетъ въ своемъ огородѣ и не допускаетъ вмѣшательства посторонних въ свое дѣло. У него образуется особенное, лично-интенсивное отношеніе къ своему огороду.

Переходя къ пашнѣ, увидимъ условія другого рода. Любопытно бы сравнить порядки западно-европейскіе съ русскими, найти что-нибудь похожее на нашъ передѣлъ. Тутъ мы имѣемъ ясное доказательство того, что отдѣльное поле принадлежитъ не тому лицу, которое его обрабатываетъ, а всему селу. Онъ пользуется этимъ клиномъ, но можетъ наступить моментъ, когда община возьметъ часть его клина, либо потому что у другихъ мало земли, либо потому что у него мало силы, у другихъ же больше, либо потому, что его переводятъ на другую землю. Однимъ словомъ, у насъ тамъ, гдѣ существуетъ передѣлъ, возможно укорачиваніе и увеличеніе отдѣльнаго надѣла.

Въ Западной Европѣ если и существовали передѣлы, то такъ давно, что мы не имѣемъ о нихъ ясныхъ слѣдовъ. Вообще отдѣльный хозяинъ владѣетъ извѣстнымъ числомъ полосъ преемственно, безъ перемѣны, и общинность выражается въ другой формѣ. Но извѣстное число исключеній показываетъ, что для германской общины передѣлъ былъ нѣкогда возможенъ и осуществимъ. Мы знаемъ объ этомъ по описаніямъ Цезаря и Тацита.

Характерное переживаніе этого порядка - это Датскій и Шведскій процессъ - "Beebning" |"Beebn" - веревка|. Тамъ сохранились

слѣды передѣловъ, но передѣловъ черныхъ, на исключительныхъ основаніяхъ. Если является жалоба на неправильность дѣйствій хозяина, на захватъ чужой земли, и эта жалоба уважительна, то приступаютъ къ перемѣнѣ всего земельнаго распорядка общины, мѣряютъ веревкой всю землю и передѣляютъ. Передѣлъ, значитъ былъ возможенъ, но это единственный серьезный слѣдъ передѣловъ въ Западно-Европейской общинѣ. Вообще же земельный надѣлъ находится въ полномъ потомственномъ владѣніи отдѣльнаго хозяина. Это обозначаетъ, что принципъ общиннаго владѣнія исчезъ, но въ цѣломъ рядѣ условій замѣтно еще вліяніе высшаго собственника - общины на отдѣльныя хозяйства. Прежде всего это выражается въ томъ, что нормальные надѣлы считаются равными, расположенными на землѣ равнаго достоинства. Неравенства существуетъ, но имѣетъ другой характеръ, чѣмъ при господствѣ частно-владѣльческой системы. Тутъ не можетъ быть равенства, потому что въ извѣстныхъ случаяхъ земля можетъ быть прикуплена, она можетъ быть хуже. Однимъ словомъ, вслѣдствіе разницы приложенія силъ должно развиться извѣстное неравенство. Между тѣмъ надѣльная система общины Среднихъ вѣковъ всегда приводитъ къ равенству. Идеалъ средневѣковой общины таковъ: если существуютъ 10 хозяевъ, то каждый владѣетъ 30-тью полосами, и для установленія равенства они дѣлятся по системѣ черезполосицы. Такимъ образомъ, общинная земля разбивается сперва на 5,6, основный частей, а потомъ каждая изъ нихъ разрѣзается на полосы, которыя получаетъ каждый хозяинъ въ одномъ изъ "кампов" |Германія| или "ферлонговъ" |Англія|. Въ дѣйствительности же такого идеальнаго распредѣленія нѣтъ: вслѣдствіе нароста населенія и другихъ причинъ ви-

димъ, что большая часть сельскихъ надѣловъ сводится къ "виргартамъ" [Англія] [- 30 полей]; но существуетъ и цѣлый рядъ полу - "виргартъ". Кромѣ того существуютъ "нѣсколько батрацкихъ дворовъ, въ которыхъ живутъ люди ненадѣльные". Устанавливаются I, 2, 3 главныхъ градацій, къ которымъ надѣлы пригоняются поровну. Въ русской общинѣ надѣлъ расширяется и уменьшается, въ западной же неподвиженъ, какъ бы велика семья ни была. Послѣднее условіе во всякомъ случаѣ есть источникъ неравенства.

ХОЗЯЙСТВО. Черезполосица возникла изъ условій раздѣленія, но она облегчаетъ проведеніе принципа общиннаго владѣнія; это облегченіе заключается въ томъ, что община заставляетъ осуществлять не то хозяйство, которое угодно отдѣльному владѣльцу, но то, которое угодно селу. Это ограниченіе указываетъ на то, что такое владѣніе полями коренится въ общинномъ правѣ. Никто не имѣетъ права огораживать свою землю, хотя владѣетъ ею изъ рода въ родъ. Почему это такъ? Потому что каждый долженъ пахать и воздѣлывать землю по общему рѣшенію сельскаго схода. Сходъ изъ года въ годъ рѣшаетъ, какой системы придерживаться, двухъ - или трехпольной, и каждый владѣлецъ обязанъ слѣдовать этимъ рѣшеніямъ, иначе спутаются отношенія во всемъ селѣ. Вслѣдствіе этого, когда ставится изгородь, то это дѣлается по рѣшенію схода, и снимается она по его же рѣшенію. Послѣ уборки хлѣбовъ всѣ имѣютъ право пасти скотъ на всѣхъ клиньяхъ, значитъ, тутъ частная межа исчезаетъ, и поле остается въ общемъ пользованіи. Черезполосица, принудительный сѣвооборотъ и выпаска являются въ этомъ надѣльномъ наслѣдственномъ владѣніи признакомъ общиннаго устройства. Луга при своей рѣд-

кости и цѣнности прямо представляютъ примѣръ общиннаго владѣнія въ самой рѣзкой его формѣ: они находятся въ перемѣнномъ пользованіи отдѣльныхъ хозяевъ. Пашня - владѣніе потомственное, а луга нѣтъ, ибо тутъ заинтересовано все село. Если у села есть лугъ, то онъ дѣлится на клинья по числу членовъ общины, и каждый изъ нихъ получаетъ свой клинъ на одинъ годъ по жребію, а на другой годъ совершается передѣлъ. Затѣмъ во владѣніи общины остается громадная масса земель подъ пастбищами и лѣсами, которые составляютъ не только общинную собственность, но и находятся въ общинномъ владѣніи. Любопытно прослѣдить, какъ община, вслѣдствіе сокращенія выгоновъ, вслѣдствіе уничтоженія лѣсовъ, начинаетъ вводить стѣснительныя постановленія. На одни выгоны, напримѣръ, позволяется выгонять коровъ и овецъ, на другіе козъ и свиней, вообще "лѣнивый" скотъ | "animalia otiosa" |. Затѣмъ мало-по-малу идутъ дальше и начинаютъ развивать основную мысль, что надо уравнять права отдѣльныхъ хозяевъ и относительно выгоновъ. Мысль эта находитъ свое выраженіе въ постановленіи, чтобы надѣлъ пастбища соразмѣрялся съ надѣломъ пашни; приходится ограничивать число скота: у кого полный надѣлъ, тотъ можетъ выгнать извѣстное количество скота, у кого половина надѣла, тотъ можетъ выгнать уже меньше.

ЗАИМКИ. Затѣмъ, въ заключеніе, укажу, что пастбищная и лѣсная земля, бывшая раньше пустопорожней, и была однимъ изъ главныхъ поводовъ для образованія частнаго землевладѣнія. На этой землѣ извѣстное лицо, у котораго была лишняя рабочая сила, могло произвѣсти, такъ называемую, "заимку", обработать ее, поставить дворъ. Эта часть не входила въ общій распоря-

докъ и считалась частнымъ владѣніемъ того, кто вложитъ въ нее свой трудъ. Это не единовременная, но характерная форма: приложеніе частнаго труда къ заброшенному селомъ участку; хозяинъ работаетъ на немъ и никто не имѣетъ права вмѣшиваться. Понятно, что для крупныхъ владѣльцевъ, для монастырей, право заимки обращается въ большую силу, потому что крупные аристократы и богатые монастыри имѣли большое количество рабочихъ рукъ. Они пользуются этимъ, очищаютъ лѣса, осушаютъ болота, обрабатываютъ земли.

СЕЛЬСКІЙ СХОДЪ. Средневѣковое село нельзя представить себѣ безъ завершающаго его учрежденія - сельскаго схода. Это объединяющее учрежденіе дѣйствуетъ не только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ переселеніе или передѣлъ, но и въ обыденной жизни общины. Каждый годъ приходится сельскому сходу рѣшать существенные вопросы относительно сѣвооборота, пользованія выгонами, избирать представителей для надзора отъ лица общины за правильнымъ хозяйствомъ. Поэтому не слѣдуетъ представлять себѣ дѣятельность схода, какъ нѣчто изрѣдка проявляющееся. Это форма жизни постоянно проявляющаяся и весьма существенная. На англійскихъ сельскихъ сходахъ выбирали лѣсныхъ сторожей, чтобы тѣ смотрѣли за правильнымъ выгономъ, за порубками, за лѣсными дорогами. Выбирали луговыхъ сторожей, на обязанности которыхъ лежало ставить и снимать изгороди. Однимъ словомъ, выбирался цѣлый рядъ лицъ съ опредѣленными аграрными полномочіями. Поэтому во всѣхъ странахъ Западной Европы, гдѣ есть сельскія общины, тамъ существуетъ и сельскій сходъ - Dorfgericht. Сходъ помимо чисто аграрныхъ дѣлъ вѣдаетъ также дѣла полицейскія и судебныя. Мелкія случайныя преступленія зависятъ отъ сельскаго суда. Передача собственности, продажа, покупка, заимка земель - все это происходитъ на

сельскомъ сходѣ и производится символически, напримѣръ, передачей палочекъ изъ рукъ въ руки. Впослѣдствіи сходъ начинаетъ записывать всѣ свои юридическія дѣйствія, у него появляется нотаріальная власть.

Итакъ, мы имѣемъ передъ собой весьма дѣятельный органъ мѣстнаго самоуправленія, и въ этомъ органѣ предсѣдатель, будь это прикащикъ, помѣщикъ или выборный, не имѣетъ большого значенія. Мы имѣемъ передъ собой полную картину самоуправленія корпоративнаго союза, которое въ разныхъ формахъ передаетъ часть своихъ правъ отдѣльнымъ лицамъ, хотя всетаки наблюдаетъ за ними и въ извѣстныхъ случаяхъ вступаетъ вновь въ свои права. Это можетъ быть подтверждено 1000 свидѣтельствъ преимущественно изъ позднѣйшей средневѣковой жизни, изъ той поры, когда уже начали заботиться о томъ, чтобы закрѣпить факты при помощи письменныхъ документовъ. Изъ древнихъ источниковъ мы имѣемъ достаточно свѣдѣній, чтобы судить о зачаткахъ этого положенія; но источники эти отрывочны.

<u>ПРОИСХОЖДЕНІЕ ОБЩИНЫ</u>. Вопросъ о происхожденіи общины, о томъ какъ она сложилась въ средневѣковой жизни, ставится и разрѣшается въ двухъ направленіяхъ. Обычный отвѣтъ таковъ, что община явилась въ Западной Европѣ главнымъ образомъ потому, что варварское хозяйство только постепенно стало вырабатывать начала частной собственности въ формѣ заимки, т.е. болѣе интенсивнаго приложенія рабочихъ силъ къ собственности. Объясненіе простое, но оно сомнительно и возбуждаетъ споры.

Цѣлый рядъ изслѣдователей съ Фюстель-де-Куланжемъ во главѣ объясняютъ средневѣковую общину, какъ результатъ помѣщичьяго владѣнія. Ограниченіе это выводятъ изъ самаго порядка крѣпостного

го быта. Крестьяне не вполнѣ владѣли землей и не на общинномъ
правѣ, а потому, что ими самими владѣлъ помѣщикъ. Постепенно
только за ними стали утверждаться права пользованія землей и она
вмѣстѣ съ этой постепенностью выходитъ изъ рамокъ средневѣковой
общины.

Я считалъ необходимымъ указать вамъ на эту контроверсу; но
для меня лично разборъ источниковъ безусловно устанавливаетъ
справедливость перваго взгляда. Во-первыхъ, чѣмъ дальше идемъ
вглубь Среднихъ вѣковъ, тѣмъ сильнѣе представлено сословіе сво-
бодныхъ, и тѣмъ значительнѣе его участіе въ обработкѣ участка.

Другой знаменательный фактъ - это начало независимаго само-
управленія, которое настолько значительно, что даже аристокра-
тическіе элементы ему подчинены, напримѣръ, въ древнихъ селахъ
мы видимъ, что помѣщичьи земли не отмежеваны отъ крестьянскихъ,а
введены въ порядокъ сѣвооборота и такъ же подчинены сельскому
сходу, какъ и земли крестьянъ и никакого произвола въ распоряже-
ніи крестьянской не видно. Сельскій сходъ въ аграрномъ отношеніи
необыкновенно самостоятеленъ и организованъ республикански. При-
казчикъ, который впослѣдствіи является его обязательнымъ предсѣ-
дателемъ, не рѣшаетъ дѣлъ, а только руководитъ ходомъ преній и
исполняетъ общія постановленія, а рѣшаютъ хозяева. Эти два обсто-
ятельства убѣждаютъ насъ, что мы имѣли дѣло съ появленіемъ на
римской почвѣ массы варваровъ, которые много восприняли изъ рим-
скихъ порядковъ и надъ которыми появляются аристократическія вла-
дѣнія, но которые въ основѣ своей были людьми свободными и пред-
ставителями корпоративнаго самоуправленія. Въ большія подробно-
сти я входить?н не буду, и кончу этотъ отдѣлъ общимъ замѣчаніемъ:
во-І-хъ, средневѣковое право находилось подъ вліяніемъ принципа
общины, хотя благодаря заимкамъ уже сталъ проникать принципъ ча-

стнаго владѣнія, во-2-хъ, развитіе принципа общины есть не результатъ римскаго вліянія, а результатъ свободнаго владѣнія у варваровъ.

3. <u>СОСЛОВНАЯ СИСТЕМА.</u> Зачатки сословной системы мы находимъ въ описаніи Тацита. Тамъ есть и общая схема и цѣлый рядъ замѣчаній, относительно примѣненія этой системы. Тацитъ указываетъ, что уже въ раннюю пору въ Германіи было четыре сословія: рабы, полусвободные, свободные и знатные. Слѣдуя его указаніямъ, мы въ этихъ главныхъ чертахъ и разсмотримъ положеніе этихъ группъ, начиная съ низшей.

<u>РАБЫ.</u> Рабскій классъ былъ фундаментомъ всего остального. У Тацита находимъ одно характерное различіе рабства германскаго отъ рабства римскаго: *Servis non in nostrum morem discriptis per familiam ministeriis utuntur; suam quisque sedem suos penates regit, frumenti modum, dominus aut pecoris, aut vestis, ut colono iniungit et servus hactenus paret. Germ. 25.*
Короткая характеристика, которая можетъ служить эпиграфомъ ко всей исторіи средневѣковаго рабства. Римляне замѣчали это отличіе. Въ имперіи раба ставили на опредѣленное мѣсто, пользовались имъ, какъ машиной, германцы же сажали своего въ отдѣльный домъ, на особое хозяйство. Съ этого участка рабъ, какъ колонъ, какъ крѣпостной арендаторъ, вноситъ оброкъ. Это характерное описаніе указываетъ, что въ Германіи своимъ чередомъ образовался крѣпостной классъ, и средневѣковая исторія, которая есть сліяніе двухъ элементовъ, склоняется къ колонату, къ оброчно-барщинному состоянію. Объясняется это, главнымъ образомъ, соціальнымъ устройствомъ, невозможностью эксплоатировать рабскій трудъ иначе, при затруднительности [illegible], при [illegible] оборотѣ хозяйства. Контроль надъ рабами затруднителенъ, поэтому рабъ получаетъ свое

собственное маленькое хозяйство и вносить за него оброкъ. Положеніе его является гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе античныхъ рабовъ. Но съ юридической стороны средневѣковые рабы были не лучше защищены противъ насилія, чѣмъ въ Римѣ. И тѣ и другіе одинаково орудія или животныя. Салическая Правда, напримѣръ, въ X-ой статьѣ объ уводѣ рабовъ говоритъ: "если кто раба или рабыню, лошадь или вола украдетъ", - то слѣдуетъ то-то и то-то. Рабъ приравнивается къ животному.

Этотъ взглядъ находитъ подтвержденіе въ томъ, что дѣлается попытка въ самомъ уголовномъ процессѣ разсматривать раба, какъ орудіе. За уголовное преступленіе отвѣчаетъ не самъ рабъ, а его господинъ. Однако, все ведетъ раба къ положенію мелкаго полусвободнаго человѣка. Это отражается и на уголовномъ правѣ. Что, напримѣръ, дѣлать съ рабомъ, который убьетъ свободнаго человѣка? Если свободный человѣкъ убьетъ свободнаго, то съ него возьмутъ громадную пеню въ 200 солидовъ [Салическая Правда], но если свободный убитъ рабомъ, то, примѣняясь къ основному принципу, что рабъ есть орудіе слѣдовало бы взять пеню съ господина, для послѣдняго это было бы очень невыгодно. Поэтому, сперва установился такой порядокъ: господинъ платилъ половину пени, а вмѣсто остальной половины отдавалъ виновнаго родственникамъ убитаго. Впослѣдствіи это измѣнилось. Пусть господинъ очистится отъ обвиненія въ соучастіи и тогда съ него ничего не возьмутъ, а онъ только долженъ уступить раба родственникамъ убитаго для мести. Но это уже переходъ къ новому взгляду, взгляду, что рабъ есть личность съ свободной волей.

Самое же важное измѣненіе, хотя микроскопическое, совершающееся чрезъ рядъ маленькихъ перемѣнъ, это измѣненіе въ составѣ группировки хозяйственнаго рабскаго класса. Рабскій классъ въ

Средніе вѣка распадается на три главныя группы, и надо считаться съ этимъ раздѣленіемъ, если хотимъ изучить этотъ классъ. Первая группа - личные, домашніе слуги, которые состоятъ при господинѣ ministeriales , вторая - ремесленные и торговые; третья - рабы поселенные [servi casati], которые занимались земледѣліемъ.

Рабы, принадлежавшіе къ первой группѣ, сначала находились, повидимому, въ невыгодномъ положеніи, потому что имъ по необходимости приходилось постоянно быть у господина на глазахъ, подвергаться ежедневному произволу, испытывать на себѣ всѣ послѣдствія капризовъ, дурного расположенія духа, пьянства и необузданности. Но даже относительно этого разряда можно замѣтить, что въ теченіе IУ и У вѣковъ весь разрядъ передвинулся, поднялся кверху. Эти люди такъ нужны господину, что въ общемъ правѣ съ ними нужно считаться, съ ними церемонятся. На нихъ лежатъ обязанности троякаго рода. Или это слуги, которые исполняютъ мелкія домашнія обязанности, помогаютъ господину одѣваться, подаютъ пищу и т.д. Или это приказчики и конторщики, которыхъ хозяинъ научилъ грамотѣ, чтобы они вели у него дѣла по управленію хозяйствомъ. Или это военные спутники, дружинники, съ которыми онъ выѣзжаетъ въ походъ. Относительно всѣхъ трехъ разрядовъ мы замѣчаемъ, что ихъ положеніе улучшается. Положеніе конторщиковъ и приказчиковъ улучшается вслѣдствіе того, что на выучку ихъ потрачены деньги - это люди дорогіе, какъ кровная дорогая лошадь. Съ такимъ человѣкомъ обращаются бережно и цѣнность его признается не только господиномъ, но и правомъ. Въ случаѣ его убійства господинъ вознаграждается дороже. Обыкновенный рабъ стоитъ на торгу 15 солидовъ, если кто его убьетъ, то приплачиваетъ еще 35 солидовъ къ рыночной цѣнѣ за правонарушеніе. Рабъ - конторщикъ стоитъ на торгу 30 -35

солидовъ, а за убійство его приплачивается еще 45 солидовъ. Та-
кое возрастаніе цѣны есть въ Средніе вѣка вѣрный признакъ того,
что соціальное положеніе возвысилось.

Относительно другихъ - тѣлохранителей, спутниковъ [Приеч]
отмѣтимъ характерное явленіе, свидѣтельствующее о повышеніи все-
го класса, - которое составляетъ самую вѣрную подмогу для всяка-
го военнаго человѣка. Мы знаемъ, что часть рыцарства рабскаго
происхожденія. Не слѣдуетъ представлять себѣ рыцарей сплошь людь-
ми свободнаго или аристократическаго происхожденія. Это уже ари-
стократія второго порядка, второго образованія. И относительно
германской аристократіи мы навѣрное знаемъ, что въ ней цѣлый рядъ
знатныхъ фамилій происходитъ отъ министеріаловъ. Очень могло
быть, что какой-нибудь рабъ, особенно храбрый, отличался и могъ
стать знатнымъ. До чего могло дойти, показываетъ любопытный при-
мѣръ изъ эпохи борьбы Гибеллиновъ съ Гвельфами. Одинъ изъ глав-
ныхъ помощниковъ Фридриха II, Морквардтъ Анвейлерскій - рабъ по
происхожденію, но въ то же время знаменитый рыцарь и намѣстникъ
завоеванныхъ въ Италіи городовъ. Важно то, что достигъ онъ все-
го этого еще до отпущенія на волю, благодаря личной отвагѣ и
военнымъ успѣхамъ.

Хуже всего подвигается впередъ классъ личныхъ слугъ, но и
тутъ могло случиться, что господинъ, вслѣдствіе личной милости,
давалъ свободу. Во всякомъ случаѣ, военные и приказчики быстро
выдвинулись.

Иныя условія выдвинули ремесленниковъ. Раба - ремесленника
нельзя было третировать потому, что его знанія , пріобрѣтенная
имъ сноровка, иногда спеціальное воспитаніе, дѣлали его слишкомъ
дорогимъ. Его приходилось цѣнить, потому онъ и самъ началъ цѣ-
нить себя. Его работой было выгодно пользоваться не только для

себя, но и для продажи. Начинают мало-по-малу произведенія рабскаго труда поставлять и на рынокъ, а какъ скоро рабъ имѣетъ заработокъ, такъ тотчасъ же начинаетъ фактически образовываться движимая собственность у раба, и рабъ можетъ выкупиться. Хотя юридически онъ не имѣетъ права на имущество, но для возбужденія извѣстной энергіи господинъ предоставлялъ ему фактически пользоваться заработкомъ. Ремесленныя традиціи были очень тѣсно связаны съ римскими началами и рабскій ремесленный трудъ въ Германіи очень рано былъ организованъ на римскихъ началахъ корпоративнаго устройства, а это уже являлось началомъ для противодѣйствія. Такимъ образомъ, рабамъ ремесленникамъ приходилось соединиться въ значительныя экономическія группы, изъ которыхъ впослѣдствіи развились цехи, и эта организація стала представлять удобную почву для того, чтобы сократить произволъ господъ. Такъ, напримѣръ, уже въ Салической Правдѣ мы видимъ, что кузнецы, золотыхъ дѣлъ мастера, столяры собираются въ союзы и подъ покровительствомъ ихъ выработалась извѣстная доля самостоятельности.

Любопытно, что произошло съ рабами-поселянами. Это были самые дешевые рабы: они цѣнились въ 12 солидовъ. Жили они на оброкѣ или барщинѣ, никакого отличія отъ другихъ рабовъ они не имѣютъ, но всетаки ихъ положеніе улучшилось на практикѣ. Практика эта ведетъ въ сущности къ установленію обычныхъ формъ барщины и оброка. Барщина и оброкъ берутся въ опредѣленномъ размѣрѣ трехдневнаго труда въ недѣлю, больше брать невыгодно, не то рабъ убѣжитъ. Трехдневная барщина стала обычной; правда въ остальные три дня онъ также многое долженъ сдѣлать для господина, но уже въ видѣ натуральныхъ повинностей. Но существенно то, что вырабатывается форма обычныхъ требованій, которыя становятся на опредѣ-

ленную высоту. Юридически господинъ можетъ взять много, но это невыгодно; это средняя оцѣнка, оцѣнка большихъ чиселъ, которая переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, пріобрѣтая еще лишнее освященіе наслѣдственности. Это установленіе оцѣнки сдѣлалось однимъ изъ главныхъ факторовъ уничтоженія рабства. Рабство въ этой формѣ не нужно, оно нужно, когда работаютъ на фабрикахъ рабы - машины, но разъ появляется оброкъ, то нѣтъ уже надобности въ рабскомъ подчиненіи. Вотъ медленная эволюція, почти неуловимая въ своихъ переходахъ, которую можно схватить только на ея концахъ. Хотя отдѣльныя переживанія рабства существовали долго, но вообще говоря, оно вымерло около XI вѣка въ Англіи, въ XII и XIII вв. въ Германіи и во Франціи.

ВОЛЬНООТПУЩЕННИКИ. Я обратилъ ваше вниманіе на одинъ изъ капитальныхъ фактовъ исторіи соціальнаго развитія средневѣковыхъ европейскихъ государствъ, на постепенный переходъ рабочаго класса изъ рабскаго состоянія въ крѣпостное. При этомъ я выяснилъ, что хотя для этого процесса несомнѣнное значеніе имѣютъ введеніе христіанства, развитіе нравственности и покровительство церкви по отношенію къ обдѣленнымъ, но главное значеніе для этого явленія имѣли условія экономическія, условія постепенной эволюціи матеріальнаго строя.

Мы обратили вниманіе на то, какъ различныя группы рабскаго класса, который составлялъ фундаментъ древняго міра, подъ вліяніемъ измѣнившихся соціальныхъ условій мало-по-малу стали пріобрѣтать болѣе выгодное, болѣе охраненное положеніе.

Въ связи съ этимъ процессомъ стоитъ вопросъ о томъ классѣ, который близко примыкаетъ къ рабамъ - классъ вольноотпущенниковъ. Когда я характеризовалъ систему рабовладѣнія древняго міра, я настаивалъ на томъ, что нельзя объяснить ея дѣятельности безъ при-

знанія чрезвычайной важности класса вольноотпущенниковъ. Полные рабы древняго міра, рабы-предметы, рабы-орудія, требовали, чтобы надъ ними не только стояли господа, но и посредствующая администрація, представленная классомъ вольноотпущенниковъ. И вотъ, вслѣдствіе этого характернаго дополненія къ рабовладѣнію важно развитіе этого класса. Иное развитіе получаетъ этотъ классъ въ средневѣковомъ обществѣ, когда рабъ уже полусвободный оброчникъ, барщинникъ. Въ связи съ этимъ измѣненіемъ въ рабскомъ классѣ измѣняется и классъ вольноотпущенниковъ: онъ теряетъ свое значеніе прямо пропорціонально подъему рабскаго класса. Чѣмъ значительнѣе подъемъ рабскаго класса и тѣ пріобрѣтенія, которыя рабы получаютъ вслѣдствіе самостоятельнаго общества, тѣмъ меньше становится запросъ на приказчиковъ- вольноотпущенниковъ. Получается второе положеніе исторіи соціальныхъ отношеній въ Средніе вѣка. Первое соціальное положеніе то, что рабы пріобрѣтаютъ половинную свободу, переходятъ въ крѣпость, а второе то, что классъ вольноотпущенниковъ теряетъ свое значеніе и постепенно исчезаетъ. Приведу рядъ юридическихъ фактовъ, подтверждающихъ это общее положеніе. Если возьмемъ даже характеристику Тацита, то рядомъ съ фразами въ родѣ *ceteris servis non in nostrum morem discriptis per familiam ministeriis utuntur: suam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis, ut colono iniungit et servus hactenus paret. Germ. 25.*
Однимъ словомъ послѣ характеристики рабства съ точки зрѣнія оброчности слѣдуетъ другая характеристика *Liberti non multa supra servos sunt, raro aliquot monumentum domo, nunquam in civitate exceptis dumtaxat iis gentibus, quae regnantur. Ibi enim et super ingenuos et super nobiles ascendunt. Germ. 25.*

Итакъ, у Германцевъ классъ вольноотпущенныхъ при оброчной системѣ рабства не имѣетъ значенія, едва возвышается надъ рабами. Исключеніе составляютъ племена съ сильно развитой королевской

властью. Тамъ рабъ возвышается даже надъ свободными, не въ силу хозяйственнаго значенія, а въ силу близости къ королю; это рабъ - дружинникъ. Впрочемъ, въ общемъ характеристика Тацита можетъ быть взята характеристикой вольноотпущеныхъ и въ слѣдующіе вѣка. Отпускъ вольноотпущеныхъ на свободу - фактъ, дѣйствительно, очент рѣдкій, что и доказываетъ самая форма отпущенія. Есть два - три юридическихъ положенія въ разныхъ варварскихъ Правдахъ, которыя обезпечиваютъ рабу полную волю. Такъ, наприм., обрядъ отпущенія "per denaria". Обрядъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: рабъ вмѣстѣ съ господиномъ представляется королю, въ присутствіи котораго протягиваетъ господину руку съ денаріемъ, который король и вышибаетъ. Это символизируетъ то, что рабъ какъ бы желаетъ уплатить оброкъ, а король прекращаетъ эту уплату. Разъ дѣло поставлено такъ, то очевидно, что фактъ необыденный, что это случалось рѣдко. Это доказывается его торжественностью. Послѣдствія его также исключительны: результатовъ его нельзя отмѣнить ни въ какомъ случаѣ, рабъ остается навсегда свободнымъ, потому что король принималъ участіе въ его освобожденіи и сталъ поэтому его покровителемъ. Исключительное вмѣшательство королевской власти, слѣдовательно,можетъ привести къ отпуску. Совершенно подобную же систему отпуска мы находимъ и у Лангобардовъ. Вообще отпускъ въ Средніе вѣка связанъ съ различными ограниченіями, особенно съ патронатомъ. Въ тотъ моментъ, когда человѣкъ становится свободнымъ, ему необходимо встать подъ чье-нибудь покровительство, и это не римскій патронатъ, гдѣ отпустившій на волю становится патрономъ, чтобы извлекать выгоды изъ отпущеннаго. Въ средніе вѣка дѣло идетъ не о такомъ отпускѣ: тутъ является необходимость создать для но-

воотпущеннаго общественную охрану. У него, напримѣръ, нѣтъ защиты со стороны родственниковъ, потому что родственники его такіе же рабы, какъ и онъ, и поэтому онъ самъ ищетъ покровителя и помощника, старается "коммендироваться", поручить себя покровителю. Самымъ могущественнымъ покровителемъ обыкновенно является церковь, и поэтому образуется, большею частью, связь вольноотпущенника съ церковью. Отсюда названія " tabularius " [" tabula " — грамота отъ церкви], и " homo Romanus " [потому что онъ пользуется правомъ церкви, т.е. Римскимъ]. Кромѣ того были еще такъ называемые " excusati ", рабы, бѣжавшіе отъ гнѣва господина въ церковь и принятые ею подъ покровительство.

Если у завѣщающаго, или вообще у отпускающаго, является мысль дать рабу самостоятельность, то онъ прибѣгаетъ къ особеннымъ средствамъ, чтобы дать ему извѣстный вѣсъ и значеніе: кромѣ воли, онъ даетъ ему участокъ земли, прибавляя, что онъ даетъ этотъ участокъ для защиты свободы " ad ingenuitatem tenendam ". Этимъ характеризуется также положеніе свободныхъ людей, чтобы поддержать свободу, нужно имѣть землю, такъ какъ она есть главный источникъ дохода и опора труда. Получается, что рабы, переходящіе на оброкъ, или барщину фактически мало отличаются отъ вольноотпущенныхъ. И путемъ закрѣпощенія, и путемъ отпуска разростается одинъ классъ, полусвободныхъ зависимыхъ людей. Ростъ этого класса и есть одинъ изъ главныхъ соціальныхъ факторовъ Средней исторіи.

СВОБОДНЫЕ. Итакъ, число рабовъ уменьшается, создается все больше полусвободныхъ людей; теперь является вопросъ: что же дѣлать съ людьми совершенно свободными, съ тѣми, которые, по

выраженію Тацита, "ходили вооруженными на собраніе", одобряли звономъ оружія положеніе своихъ вождей или отвергали ихъ, которые на собраніяхъ были равноправны съ герцогами.

Насколько растетъ классъ рабовъ, настолько распадается и умираетъ классъ свободныхъ. Говоря о классѣ свободныхъ въ Средніе вѣка, мы должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что составъ его былъ не однообразенъ, что классъ этотъ слагается изъ нѣсколькихъ группъ, непохожихъ другъ на друга. Это не сплошная, ровная поверхность, не компактное цѣлое, а расколовшееся; изначала идетъ глубокая трещина, которая отдѣляетъ Германскую свободу отъ свободы Римской. Правда терминъ "германская свобода" не встрѣчается въ источникахъ, но зато выраженіе "римская свобода" попадается довольно часто. И онѣ имѣютъ существенныя отличительныя черты. Свободный человѣкъ германскаго происхожденія, напримѣръ barbarus, qui lege salica vivit - это человѣкъ, который цѣнится высоко; за его убійство родственники получаютъ 200 солидовъ. Это человѣкъ буйный, большею частью землевладѣлецъ. Онъ отстаиваетъ свою свободу даже отъ справедливыхъ, съ нашей точки зрѣнія, требованій, напримѣръ, отъ податей. По германскимъ понятіямъ, свободный человѣкъ не платитъ, онъ только несетъ службу натурой. Римскій человѣкъ - покоренный, - вездѣ проходитъ идея, что онъ человѣкъ меньшей цѣны, - его убійство стоитъ только 100 солидовъ. Съ самаго начала являются попытки уменьшить его свободу. Это не всегда выражается такъ рѣзко, но вездѣ на римлянъ смотрятъ, какъ на побѣжденныхъ, да и

кромѣ того у римлянъ есть привычки, за которыми свободные германцы не хотятъ слѣдовать; такова привычка платить тяжелыя подати.

Это первое условіе распаденія, но это распаденіе идетъ дальше. Въ Средніе вѣка постоянно идетъ жестокая соціальная борьба сильныхъ со слабыми. Сильные притѣсняютъ слабыхъ и вслѣдствіе слабости государственной власти пожираютъ, такъ сказать, свободу слабыхъ не только путемъ прямого угнетенія, но и путемъ экономическаго, матеріальнаго разоренія.

И вотъ мы видимъ у Лангобардовъ, Аллемановъ, Баваровъ попытки расчленить всѣхъ свободныхъ по нисходящимъ степенямъ по отношенію къ свободѣ, такъ, напримѣръ, существовала разница между meliorissimi, mediani и tenues. Такимъ образомъ, юридическій памятникъ отражаетъ тотъ фактъ, что группа свободныхъ раскрошилась и вмѣсто компактнаго цѣлаго является цѣлый рядъ группъ, при чемъ степень свободы каждой изъ нихъ все понижается.

Важно то, что эта острая общественная борьба при отсутствіи сильной государственной власти, это постепенное распаденіе свободы имѣетъ капитальное соціальное и политическое значеніе. Благодаря этому условію, цѣлый рядъ учрежденій, которыми былъ обставленъ германскій политическій порядокъ, становится неудобнымъ для новыхъ отношеній и уничтожается.

Любопытенъ вопросъ о соціальныхъ условіяхъ происхожденія аристократическихъ отличій. Какъ появилась группа "meliorissimi чѣмъ она создана. Анализъ средневѣковой исторіи различныхъ племенъ приводитъ насъ къ любопытному отвѣту. Мы видимъ, какъ одно за другимъ появляются три главныхъ теченія, какъ они выдвига-

ютъ извѣстныя группы, приводятъ къ упадку однѣ, и возвышаютъ другія. Изъ результата этой работы образуются зачатки средневѣковой аристократіи.

Первое теченіе къ образованію родовой, кровной знати. Уже у Тацита мы видимъ различіе между просто свободными и знатными. Король выбирается a nobilitate. Но что это за знатные роды? Почему въ варварскихъ общинахъ нѣкоторые роды возвышаются? Исторія нѣкоторыхъ племенъ показываетъ намъ главное основаніе для развитія родовой знати. Родъ каждаго областного князька разростается и распутывается въ аристократическую группу. Самъ князь выборный, но мало-по-малу власть его становится наслѣдственной появляются княжескіе роды, знатныя фамиліи, состоящія изъ родственниковъ князя. Эта родовая знать у нѣкоторыхъ племенъ достигла весьма значительнаго развитія, напримѣръ, у Саксовъ. Они жили долго въ установившихся, захолустныхъ отношеніяхъ; у нихъ нѣтъ центральной власти и для нихъ характерно появленіе строго опредѣленнаго класса nobiles . Въ этомъ порядкѣ Саксы жили еще при Карлѣ Великомъ. Классъ nobiles рѣзко отличается отъ простыхъ свободныхъ людей; браки между просто свободными и знатными не допускаются. Этотъ порядокъ сохранился у Саксовъ въ теченіи многихъ поколѣній. Но у другихъ племенъ, которыя рано столкнулись съ римлянами, эти зачатки аристократіи рано разложились, потому что встрѣтили сопротивленіе въ центральной власти, въ короляхъ.

У Франковъ и Лангобардовъ нѣтъ возвышеннаго вергельда для знатныхъ, для всѣхъ одинаково полагается 200 солидовъ. У Саксовъ вергельдъ для знатныхъ значительно возвышенъ; онъ въ 6 разъ

превышаетъ обыкновенный вергельдъ. У Франковъ старая аристократія этелинговъ совершенно исчезла и вергельдъ градуируется уже не сообразно съ знатностью, а сообразно съ отношеніемъ къ королевской власти. Свободный человѣкъ цѣнится въ 200 солидовъ, но разъ онъ дѣлается королевскимъ дружинникомъ, вергельдъ тотчасъ возрастаетъ втрое; человѣкъ необходимый королю получаетъ аристократическій оттѣнокъ. Это составляетъ уже переходъ къ новой аристократіи - дружинниковъ, антрустіоновъ convivа regis |сотрапезниковъ короля|, родомъ римлянинъ, стоитъ 300 солидовъ, ибо цѣна обыкновеннаго римлянина, не дружинника, только 100 солидовъ.

Итакъ, характерно для насъ второе теченіе, которое можно назвать служилымъ.

Другой характерный признакъ того-же роста мы видимъ у Англо-саксовъ; аристократическій классъ тамъ носитъ названіе тэны. Тэнъ - это собственно minister слуга. Но тѣмъ не менѣе ихъ значеніе мало-по-малу увеличивается для нихъ, устанавливается возвышенный вергельдъ, доходящій до 100, а для королевскихъ тэновъ даже до 1200 шиллинговъ.

Затѣмъ еще одно любопытное наблюденіе. Дѣло идетъ къ уничтоженію старой родовой аристократіи и развитію служилой; но мало-по-малу начинаетъ проявляться сознаніе, что одной королевской службы мало, чтобы закрѣпить наслѣдственную аристократію, потому что королевская власть начинаетъ слабѣть и разлагаться. Поэтому совершенно естественно происходитъ подмѣнъ аристократическаго признака служилости аристократическимъ признакомъ владѣнія; земля становится мѣриломъ аристократическихъ отличій. Приведу одно основное положеніе англо-саксонскаго пра-

ва. Керль - это человѣкъ, имѣющій одинъ надѣлъ |гайда|, но если его участокъ увеличивается до 5 гайдовъ, то онъ зачисляется въ сословіе тэновъ, разростается до 40 надѣловъ, то онъ становится членомъ высшей аристократіи - ёрль. Тутъ уже нѣтъ службы, а имѣетъ вліяніе земельный цензъ. Такое резюме одѣлали сами люди того вѣка. Совершенно подъ вліяніемъ естественныхъ условій временныя имущества королевской службы консолидируются, дѣлаются наслѣдниками и даютъ основаніе для образованія сплошного класса, переходя мало-по-малу къ имущественному земельному цензу, ибо земля есть главное мѣрило силы въ обществѣ съ натуральнымъ хозяйствомъ. Вотъ положенія, которыя внушаются намъ самими источниками.

ИТОГИ СОЦІАЛЬНАГО РАЗВИТІЯ. Прежде чѣмъ перейти къ слѣдующей главѣ, къ характеристикѣ политическаго строя первой половин, Среднихъ Вѣковъ, подведемъ итоги соціальнаго развитія.

Первая половина Среднихъ Вѣковъ характеризуется вырожденіемъ рабовладѣнія и переходомъ рабовъ въ положеніе крѣпостныхъ.

Во-вторыхъ, эта половина характеризуется распаденіемъ и ослабленіемъ полной свободы, уменьшеніемъ класса просто свободныхъ людей сравнительно съ классомъ крѣпостныхъ и аристократіей.

Третьимъ характернымъ явленіемъ является развитіе аристократическихъ отличій. Причемъ эти отличія сперва принимаютъ форму родовую, потомъ переходятъ въ форму служебную и землевладѣльческую.

Заручившись этими данными въ области соціальной исторіи, мы можемъ перейти къ вопросу о политическомъ строѣ.

4. ПОЛИТИЧЕСКІЙ СТРОЙ. При характеристикѣ политическихъ условій варварскихъ государствъ нельзя обойтись безъ предварительнаго ознакомленія съ условіями завоеванія, потому что отъ нихъ зависитъ дальнѣйшее развитіе политической власти и строя. Слѣдуетъ различать три основныя формы завоеванія. Прежде всего отмѣтить этотъ процессъ у тѣхъ племенъ, которыя рано проникнули по ту сторону римскихъ границъ |какъ то - Готы и Бургунды| установился порядокъ, удобный для быстраго роста романскихъ политическихъ условій. Дѣло въ томъ, что племена эти проникли въ римскую провинцію постепенно и устраивались въ ней на началѣ военнаго занятія. До завоеванія имперіи въ провинціи жили цѣлыя племена: первоначально какъ "hospites" они получали одну треть земли, которая имъ отводилась, на которую они имѣли свидѣтельства. Это не болѣе, какъ постояльцы, занимающіе квартиру, и получающіе доходъ для прокормленія. Зато, когда римское владѣніе исчезаетъ, когда главными заправителями провинціи являются ихъ же короли, тогда изъ постояльцевъ они становятся собственниками. Двѣ трети остаются за прежними собственниками, а одну треть получаютъ варвары. Итакъ, этотъ процессъ характеризуется постепенностью. Другое видимъ у Франковъ и Лангобардовъ. Тамъ быстрый насильственный и неправильный захватъ. Въ Галліи, напримѣръ, до Соммы приблизительно они отняли всѣ земли, отъ Соммы до Луары большую часть, а къ югу отъ Луары ничего не захвачено. Тутъ мы видимъ насиліе и насиліе не систематическое.

3-тья форма является на островахъ Британскихъ. Тамъ ведется просто истребительная война: первые отряды Англовъ и Саксовъ постепенно уничтожаютъ римскія войска и туземное населеніе, но чѣмъ дальше они идутъ на западъ, тѣмъ больше они щадятъ людей.

Процессъ завоеванія совершается, стало быть, и здѣсь не въ правильной формѣ, а посредствомъ насильственнаго захвата. Теперь можно вывести то заключеніе, важное для характеристики общественнаго строя, что намъ придется наблюдать оттѣнки между чрезвычайно сильной романизаціей у Готовъ и почти полнымъ уничтоженіемъ римскаго вліянія въ Британіи.

Вотъ предварительныя замѣчанія, которыя нужно сдѣлать прежде, чѣмъ перейти къ систематической характеристикѣ политическаго строя. Всего удобнѣе расположить эту характеристику по двумъ главнымъ признакамъ политической жизни. Государственный строй и право, которое подчиняетъ себѣ этотъ строй, можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія. Можно имѣть въ виду государственныя учрежденія, органы государственной власти. Но такое разсмотрѣніе всегда будетъ недостаточно и формально. Отъ него нужно перейти къ анализу взаимныхъ отношеній между жизнью государства и жизнью общества, которое управляется государствомъ. Государство есть какъ бы покровитель общества: оно устраиваетъ общество, судитъ, защищаетъ его. Хотя оно и поставлено выше общества, но оно служитъ ему. Взамѣнъ этой службы общество поддерживаетъ государство, отпускаетъ извѣстныя силы и средства для жизни. Эта категорія отношеній крайне существенна. Можно, значитъ въ противоположность къ совокупности учрежденій заняться характеристикой правительственныхъ средствъ. Правительственныя средства разнообразны, но двѣ основныя формы выдвигаются впередъ. Самая непосредственная форма службы общества -- это воинская повинность. Если государство не содержитъ войска, какъ профессіональный классъ, то происходитъ постоянный притокъ изъ общества. Эта повинность крайне разнообразна въ разныя времена въ

различныхъ государствахъ. Мы можемъ отмѣтить натуральную повинность у греков, профессіональное воинство въ 17 вѣкѣ и, наконецъ, временную службу у насъ. Послѣ этой повинности являются матеріальныя затраты, которыя совершаетъ общество для поддержки государства. Вопросъ о матеріальной поддержкѣ, въ формѣ ли податной системы, доменовъ и проч., вопросъ капитальный.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. ВѢЧЕ. Мы начнемъ съ характеристики учрежденій. Съ основами древнихъ учрежденій мы знакомы уже по Тациту. Посмотримъ, что случилось съ верховнымъ учрежденіемъ -- съ вѣчемъ. Тацитъ рѣзко подчеркиваетъ, что даже короли только члены вѣча, что дисциплинарная власть на время собранія переходитъ къ жрецамъ. Что происходитъ съ этимъ вѣчемъ, когда государство расширяется, когда появляются обширныя государственныя соединенія, такъ называемыя варварскія королевства? Любопытно было бы прослѣдить за традиціями вѣча и за ихъ полнымъ уничтоженіемъ. Могло ли вѣче сохраниться? вѣдь, оно держалось тѣмъ понятіемъ, что въ него должны входить всѣ полноправные граждане; въ такомъ случаѣ вѣче можетъ существовать только въ городѣ или въ небольшой общинѣ.

Итакъ, вѣче должно было выродиться или, по крайней мѣрѣ, переродиться; оно могло сохраниться лишь тамъ, гдѣ политическая жизнь разбита на части. На сѣверѣ мы видимъ опредѣленно устроенное вѣче. У Норвежскаго племени, напримѣръ, вѣче до поздняго времени является главнымъ органомъ законодательственнымъ и правительственнымъ. Еще въ II вѣкѣ оно находилось въ полной силѣ.

Въ Исландіи, которая по своему устройству напоминаетъ штаты Сѣверной Америки, и куда всѣ сѣверные племена перенесли свои традиціи въ примѣненіи самомъ чистомъ, сохранилось общенародное

Исландское вѣче, которое собирается рѣдко; но рѣшенію его подлежать всѣ важныя дѣла. Въ Исландіи это возможно потому, что она представляетъ изъ себя небольшой островъ. Въ Нормандіи это было невозможно; но принципъ сохранился. Тамъ собирается 4 вѣча - тинга - каждый имѣетъ свой кругъ вѣдѣнія; сообразно съ этимъ вся страна раздѣлена на 4 округа.

Тронтгеймское вѣче, напримѣръ, такъ сильно, что когда св. Олаѳъ насильно крестилъ норвежцевъ, онъ въ Тронтгеймѣ встрѣтилъ систематическую оппозицію. Вѣче подняло противъ него ополченіе и король погибъ въ битвѣ съ нимъ.

Нигдѣ въ исторіи германскихъ племенъ вѣчевой принципъ не былъ такъ развитъ, какъ у сѣверныхъ скандинавовъ. Такимъ образомъ, это не то, чтобы изрѣдка являющееся учрежденіе, но крѣпкое и твердое, періодически дѣйствующее.

У континентальныхъ Саксовъ происходитъ другое. Тамъ долго сохраняются старые порядки раздѣльно областной организаціи. Но вотъ у нихъ начинается борьба съ Франками и тутъ подъ вліяніемъ внѣшней борьбы является запросъ на центральную власть. Впрочемъ, вѣчевые порядки все еще очень сильны. Единоличныя учрежденія не получили значенія; начинаются попытки образовать центральное представительство областей въ одномъ центрѣ. Эти попытки не доразвились вслѣдствіе столкновенія съ Франками, но начало эволюціи ясно.

За этимъ исключеніемъ вообще вѣче разрушается быстро. Въ Британіи мы видимъ медленную работу собиранія земли. Первоначально Британія была завоевана небольшими группами выходцевъ, которые основали мелкія королевства, настолько мелкія, что они безъ труда потомъ обращаются въ графства. Первоначально эти королевства были основаны съ вѣчевыми учрежденіями; впослѣдствіи

вѣче обращается въ собраніе графства и не имѣетъ племенного значенія. Когда власть централизуется, то вѣче представляетъ не депутатовъ отъ федерацій, а скорѣе государеву думу, совѣтъ мудрыхъ съ совѣщательнымъ значеніемъ. Тутъ вслѣдствіе расширенія территоріи вѣче умираетъ подъ вліяніемъ разрушенія основного принципа и непосредственнаго участія всѣхъ полноправныхъ.

Подобный же процессъ происходитъ и у Франковъ и у Лангобардовъ. У Франковъ, напримѣръ, есть сознаніе, что нужно, иногда спрашивать народъ; но какъ его собрать? Вѣдь онъ, такъ сказать, неуловимъ, онъ разсѣянъ по всей территоріи; собрать его удается не больше одного раза въ годъ. И вотъ у Франковъ король созываетъ къ себѣ народъ и спрашиваетъ его мнѣнія о всѣхъ важныхъ начинаніяхъ. Это, такъ называемое, Мартовское поле.

Является, такимъ образомъ, крайне странная форма. Воспоминаніе о вѣчѣ есть, но подходящихъ условій нѣтъ и вѣче переходитъ въ раду. Въ качествѣ переживанія - это интересно, но въ качествѣ дѣйствительнаго учрежденія - неудобно, потому что не обезпечиваетъ участія въ немъ всѣхъ полноправныхъ.

КОРОЛЬ. Итакъ, вслѣдствіе расширенія территоріи вѣче распалось. Его замѣняетъ король, но эта замѣна не можетъ совершиться безъ затрудненія. Королевская власть въ ея германскихъ зачаткахъ мало подходитъ для такого важнаго порученія. Варварскій король, во-первыхъ, германскій предводитель, во-вторыхъ, римскій чиновникъ; онъ и rex и proconsul | или patricius |. Власть его, какъ германскаго предводителя, колеблется въ неопредѣленной формѣ и сводится къ вопросу о фактической силѣ. Характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ Григорія Турскаго о событіи въ Суассонѣ. Король Хильперикъ беретъ римскій городъ; при раздѣлѣ добычи одна церковная

чаша достается простому воину. Епископъ этого города, имѣвшій вліяніе на короля, проситъ возвратить ее церкви. Король передаетъ эту просьбу воину и самъ присоединяется къ этой просьбѣ. Воинъ отказалъ въ этомъ королю и съ крикомъ: "Я не дамъ чаши, и ты ничего не получишь сверхъ своей доли" ударилъ по ней и разбилъ ее. Король смирился и ничего не сказалъ, но онъ отомстилъ при первомъ удобномъ случаѣ. Во время Мартовскаго поля, обходя ряды солдатъ, онъ остановился противъ этого воина, сдѣлалъ ему выговоръ за плохое оружіе, вырвалъ у него это оружіе и бросилъ на землю, а когда тотъ нагнулся, чтобы поднять, король убилъ его ударомъ сѣкиры по головѣ, сказавъ при этомъ: "вотъ такъ ты разбилъ чашу въ Суассонѣ".

Вотъ дѣйствія подданнаго и дѣйствія короля. Подданный въ извѣстный моментъ чувствуетъ себя въ силѣ противорѣчить королю и поступать на перекоръ его волѣ, но это не всегда проходитъ безнаказанно.

Подъ вліяніемъ того, что варвары разселяются и перемѣшиваются съ римлянами, свобода сословій падаетъ, насильственная сторона королевской власти выдвигается и примѣняется все чаще и чаще. Такой предводитель, напримѣръ, какъ Бертрамъ Бургундскій, проситъ уничтожить всѣхъ родственниковъ человѣка, покусившагося на жизнь кололя, до 7-го поколѣнія. Исторія франкскаго королевства по Григорію Турскому - это исторія кроваваго преслѣдованія и истребленія. Такой взглядъ на королевскую власть попадаетъ даже въ право. Въ лангобардской правдѣ есть интересный эдиктъ Ротериха, по которому даже убійство невиннаго по повелѣнію короля не вмѣняется королю въ преступленіе, такъ какъ сердца королей въ рукѣ Божіей" и грѣха тутъ быть не можетъ. Тутъ нѣтъ и

мысли о судебномъ преслѣдованіи короля. Это совершенно варварская форма и общество здѣсь невыработало понятія ни о государственной власти, ни о какихъ либо установленныхъ юридическихъ формахъ.

РИМСКОЕ ВЛІЯНІЕ И ОТНОШЕНІЕ ЦЕРКВИ. Но важно то, что общество это передвинулось въ страну, гдѣ государственная власть была и примѣнялась систематически. Въ странахъ куда раньше проникло римское вліяніе, короли стараются всѣми средствами сдѣлать свою власть наслѣдственной. Намъ приходится удивляться, что франки устраиваютъ у себя королевскую власть на римскій образецъ. Хлодвигъ гордится титуломъ патриція, полученнымъ изъ Рима; то-же мы видимъ у готовъ. Даже у вандаловъ долго чеканятъ монету съ изображеніемъ цезарей, а свое изображеніе вандальскіе короли помѣщаютъ скромно, въ уголкѣ.

Тутъ сказывается желаніе провести ту идею, что король есть ставленникъ и наслѣдникъ цезарей. Это было выражено потому, что императоръ располагалъ правильнымъ судомъ, податной системой и т.д.

Существуетъ распространенное мнѣніе, что короли въ этомъ отношеніи нашли себѣ поддержку у духовенства, которое, главнымъ образомъ, способствовало передачѣ королямъ власти императоровъ. Это справедливо, но надо помнить, что нельзя примѣнять эту идею слишкомъ рано. Она имѣетъ мѣсто только при каролингахъ, раньше же духовенство очень осторожно относилось къ франкскимъ королямъ. Оно чувствуетъ себя образованнымъ, случайно подпавшимъ подъ власть варваровъ. Оно не хочетъ защищать власти короля:

Вторая же точка зрѣнія - защита королевской власти церковью наступаетъ лишь тогда, когда эта власть сама нѣсколько отшлифовалась, а раньше , въ VI и VII вѣкахъ мы видимъ недовѣрчивое

строптивое отношеніе духовенства къ королямъ - варварамъ. Въ самомъ дѣлѣ, короли этого времени люди совершенно необразованные, жестокіе. Одинъ изъ нихъ, Хильперикъ, напримѣръ, вообразилъ, что онъ можетъ вмѣшаться въ догматическіе вопросы. У него являются странныя идеи. То онъ думаетъ, что пора покончить съ еврействомъ, что нужно всѣхъ евреевъ перекрестить; то у него явится мысль, что ученіе о Тройцѣ, въ сущности, только вноситъ путаницу въ вѣроученіе и походитъ на многобожіе; и онъ хочетъ выкинуть этотъ догматъ и заставить поклоняться единому Богу; издаетъ для этого эдиктъ. Съ такими людьми франкскіе епископы не вступаютъ въ союзъ и только послѣ 2-хъ вѣковъ воздѣйствія устанавливается взглядъ, что церковь должна поддержать власть.

Въ Испаніи, гдѣ короли были аріане, католическое духовенство работало систематически для ограниченія королевской власти. Мы видимъ, что соборы заботятся о свободѣ сословій и вступаютъ на этой почвѣ въ удачную борьбу съ аріанскими королями - варварами. Вотъ что мы знаемъ о роли духовенства, которое впослѣдствіи явилось проводникомъ идеи о власти Божьей милостью.

ОБЛАСТНОЕ СОБРАНІЕ. Это учрежденіе, которое въ эпоху Тацита можно считать первенствующимъ среди органовъ государственнаго правленія - вѣче, въ силу неотразимыхъ обстоятельствъ распалось и потеряло свое значеніе. Главное вліяніе оказало даже простое увеличеніе территоріи, а, во-вторыхъ, Германцы, люди дикіе, привыкшіе къ свободѣ, смѣшались съ римлянами, привыкшими къ подчиненію: Затѣмъ мы характеризовали ту власть короля, которая сдѣлалась полною наслѣдницей вѣча. Власть эта усиливалась и ослаблялась въ зависимости не отъ сильно выработаннаго государственнаго принципа, а отъ фактическихъ условій: отъ доблести личной,

личныхъ успѣховъ того или другого короля, отъ степени авторите-
та его среди народа. И, дѣйствительно, этотъ порядокъ проникнутъ
принципомъ, который намъ кажется страннымъ, относительно котораго
намъ, съ нашими политическими привычками, приходится дѣлать
усиліе воли и сознанія, чтобы выяснить его характеръ. Мы ужъ
такъ привыкли смотрѣть на государство, какъ на нѣчто цѣлое съ
своими опредѣленными задачами, правда, осуществляющимъ свои
права черезъ посредство отдѣльныхъ личностей. Оно постоянно пре-
слѣдуетъ не личныя, а общія цѣли и намъ трудно представить се-
бѣ порядокъ, который представлялъ бы смѣшеніе началъ общихъ и
частныхъ интересовъ. Но между тѣмъ этотъ полуварварскій порядокъ
такъ и характеризуется: онъ основанъ на смѣшеніи государственнаго
права и частновладѣльческаго начала.

Я указалъ на обстоятельства, которыя дополняютъ королевскую
власть и рѣдко рисуютъ ея частногосударственныя положенія, смѣ-
шеніе функцій частныхъ и политическихъ. Именно если обратимъ вни-
маніе на то, что происходило послѣ смерти короля у франковъ,
то выясняется, что франкскіе короли смотрѣли на государство,
какъ на свою отчину, какъ на свое частное владѣніе. Напримѣръ,
послѣ смерти Хлодвига 4 сына его раздѣлили франкское государство
такъ, какъ частные франки раздѣлили бы любое имѣніе. Идея, что
франкская Галлія представляетъ государственное цѣлое, не прихо-
дила имъ въ голову; они раздѣлили ее на 4 части и части эти бы-
ли составлены по содержаніямъ, въ которыхъ племенной и расовой
принципы не играли никакой роли. Каждый получилъ клочки въ раз-
ныхъ мѣстностяхъ вродѣ того, какъ было въ селѣ, въ имѣньи, гдѣ
каждый крестьянинъ получалъ участки въ разныхъ поляхъ, чтобы

доли уравновѣшены были въ выгодахъ и невыгодахъ. Сыновья Хлодвига получаютъ части въ большихъ городахъ, чтобы раздѣлъ былъ ровный - до того преобладалъ частновладѣльческій интересъ.

Покончивъ съ характеристикой центральныхъ учрежденій, переходимъ къ менѣе замѣтнымъ, но не менѣе важнымъ учрежденіямъ, которыя передаютъ повелѣнія высшей власти и являются, такимъ образомъ, какъ бы нервной системой государства, къ общей постановкѣ администраціи въ зависимости отъ высшей власти. Для того, чтобы характеризовать администрацію этихъ раннихъ государствъ, надо вспомнить, что тутъ встрѣчаются двѣ системы, противоположныя и по характеру и по принципамъ, которыя волею судебъ смѣшались и приняли довольно хаотическія формы. Одна изъ этихъ административныхъ системъ - германская, основанная на грубо проведенной идеѣ коллегіальности, на участіи всѣхъ свободныхъ въ управленіи государствомъ. Вторая система - римская, подчинена идеѣ бюрократіи, т.е. основа на на принципѣ дисциплины, командованія. Правда и тутъ городская курія имѣла начало самоуправленія, но и она въ послѣднее время имѣла значеніе только въ смыслѣ собиранія податей и была слѣпо подчинена этой системѣ. Такимъ образомъ, повторяю, эти двѣ системы рѣдко противоположны.

Что стало съ ними, когда онѣ смѣшались на одной почвѣ?

Во-первыхъ, начала самоуправлевленія и коллегіальности въ областяхъ оказались гораздо жизнеспособнѣе, нежели въ центрѣ. Вѣче довольно быстро разложилось, но областныя собранія продолжали существовать еще въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, а въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ остались слѣды и до настоящаго времени. Дѣло въ томъ, что здѣсь почва удобнѣе для сохраненія вѣчагого принципа. Вмѣсто того, чтобы трактовать вопросы общеполитическіе, прихо-

дится имѣть дѣло съ небольшой группой, съ "сотней", съ малой областью, гдѣ всѣ граждане легко могутъ собраться для обнаруживанія своихъ полномочій, для веденія дѣлъ. Судебная организація Франкскаго государства и связанная съ ней въ своемъ зародышѣ полиція основаны на началѣ самоуправленія сотни. Эта сотня собирается на "тинги" |малли|, гдѣ собираются всѣ полноправные, предсѣдатель - выборное лицо "тунгинъ". Такова первоначальная форма; но подъ вліяніемъ обстоятельствъ, происходитъ двоякое измѣненіе, не по отношенію къ дѣламъ, а къ составу вѣча. Судебныя дѣла продолжаютъ стекаться на это вѣче, но составъ его начинаетъ измѣняться: люди бѣдные, которымъ тяжело каждый разъ бывать, и которые не имѣютъ на вѣчѣ вѣскаго голоса, начинаютъ мало-по-малу отставать; никто ихъ не принуждаетъ къ этому, но они силою вещей начинаютъ и неохотно жертвуютъ своимъ временемъ на это дѣло: ихъ гораздо болѣе занимаютъ заботы о собственномъ своемъ пропитаніи. Такимъ образомъ, въ основѣ начинаетъ выдвигаться группа аристократическая, людей болѣе или менѣе зажиточныхъ, которые по случайнымъ обстоятельствамъ владѣютъ извѣстнымъ достаткомъ и могутъ жертвовать временемъ. Составъ засѣданія измѣняется: вмѣсто большого числа засѣдателей является очень небольшой кружокъ "рахинбурговъ", отъ которыхъ и зависитъ рѣшеніе дѣлъ. Оказывается, что достаточно семи рахинбурговъ, чтобы вѣче состоялось. Если сопоставить эти двѣ цифры, 100 и 7 |позднѣйшій минимумъ, закрѣпленный въ Салической Правдѣ| , то выяснимъ себѣ процессъ видоизмѣненія состава собранія. Собраніе все-таки остается такимъ, что въ случаѣ появленія важнаго дѣла, является много засѣдателей, но они не привычны къ дѣламъ, и поэтому вожаками являются другіе, ихъ же роль становится второстепенной. Настоящими же вожаками являются

люди болѣе достаточные и потому болѣе мудрые.

Второе измѣненіе, которое произошло тоже безъ закона, это измѣненіе въ характерѣ предсѣдательства. Выборный предсѣдатель сотни мало-по-малу отступаетъ на второй планъ и превращается въ судебнаго пристава, а настоящимъ предсѣдателемъ является графъ, представитель короля, имѣющій подъ своимъ наблюденіемъ нѣсколько сотенъ; онъ переѣзжаетъ изъ одной сотни на другую. Сперва онъ почетный предсѣдатель, а потомъ и реальный.

Вотъ какъ вырождается сотня, но хотя она и вырождается, но начала земской коллегіальности и самоуправленія держатся. Это начало, ослабѣвшее во Франціи перешло въ Германію на болѣе благодарную почву, гдѣ продолжало дѣйствовать и закрѣпилось въ извѣстный институтъ, который до сихъ поръ живетъ и дѣйствуетъ въ Германіи - Шеффены. Часто и теперь является вопросъ, не замѣнить ли судъ присяжныхъ судомъ шеффеновъ. Шеффены - это засѣдатели судебные, которые выбираются не на нѣсколько дѣлъ, а на годъ и болѣе, вслѣдствіе чего они нѣсколько специализируются, вырабатываютъ извѣстную техническую мудрость. Это учрежденіе должно быть связано или съ извѣстнымъ достаткомъ засѣдателей или съ жалованіемъ. Традиція та, что обязанность шеффеновъ должна быть даровой и потому она естественно попадаетъ въ руки класса привиллегированнаго, т. е. достаточныхъ людей. Соціальныя условія - разложеніе класса свободныхъ, диффеpенціація на низшій слой и высшій, такъ сказать, выдѣленіе сливокъ на этомъ стаканѣ молока, даетъ поводъ къ замѣнѣ все-

Литографія Богданова - Эртелевъ переулокъ, домъ № I.

народнаго слабо организованнаго суда судомъ засѣдателей общинныхъ. Ясно, что здѣсь нельзя положить рѣзкой грани; переходъ обусловливается экономической эволюціей, тѣмъ, что большинство осѣдаетъ, блѣднѣетъ.

Въ Англіи IX вѣка классъ знатныхъ вслѣдствіе разнообразія населенія распадался не такъ скоро. Тутъ есть одно важное обстоятельство. Въ Англіи толпы германскихъ пришельцевъ совершенно вытѣснили римлянъ или ихъ германизовали. Тамъ не было той путанницы отъ смѣшенія римскаго и германскаго элементовъ, которая замѣчается на континентѣ. Это было благопріятно для сохраненія нѣкотораго соціальнаго равенства потому что главная причина соціальнаго неравенства на материкѣ состоитъ во вліяніи римскаго завоеванія и тяжелой борьбы за существованіе. Въ Англіи населеніе создаетъ болѣе плотный соціальный классъ. Мы видимъ массу среднихъ свободныхъ людей, въ противоположность континенту, гдѣ замѣчается рѣзкая противоположность между высшимъ и низшимъ классомъ.

Это обстоятельство способствовало уравненію соціальнаго состава. Поэтому въ Англіи удалось внести одно измѣненіе въ составъ областнаго собранія, измѣненіе которое придало ему значительную силу. Въ составъ собранія вызывались, во-первыхъ, помѣщики, т.е. люди наиболѣе достаточные, во-вторыхъ, отъ села посылаются депутаты, а не идутъ всѣ поголовно. Появляется начало представительства въ англійскихъ сотняхъ и графствахъ. Село посылаетъ четырехъ крестьянъ, старосту и священника на областное собраніе; благодаря этому представительству, сотня оказывается гораздо жизненнѣе и коллегіальнѣе.

начало торжествуетъ.

2. РИМСКАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ. Вотъ самое сильное выраженіе принципа самоуправленія, достигнувшаго въ Европѣ въ Средніе вѣка, которое сложилось въ Англіи, благодаря условіямъ завоеванія; на континентѣ власть захватила аристократія и графы.

Итакъ, чтобы понимать роль графа и его захвата въ области коллегіальности, нужно разсмотрѣть римскую аристократію. Она никогда не была уничтожена; въ разныхъ варварскихъ государствахъ старались ее заимствовать. Эти заимствованія совершались подъ различными флагами; иногда хотѣли заимствовать все, въ другихъ случаяхъ шли на компромиссъ. Самое крайнее выраженіе идеи, что нужно все передѣлать на римскій образецъ находимъ у готовъ. Вестготскій король Атаульфъ представляетъ себѣ завоеваніе Испаніи и южной Галліи, какъ установленіе имперіи въ этихъ странахъ, а не какъ уничтоженіе ея. Онъ допускаетъ, что римляне одряхлѣли и поэтому надо помочь имъ въ военномъ отношеніи силами готовъ, и обновить ихъ кровь. Но остальное все лучше оставить по прежнему, по римскому образцу.

Взявши переписку Теодориха остготскаго, мы видимъ, что тутъ употреблялись всѣ усилія, чтобы перенести римскій канцелярскій языкъ, римскіе порядки, титулы и проч. И Теодорихъ, въ лицѣ Кассіодора, засвидѣтельствовалъ свое восхищеніе передъ римскими учрежденіями. Этотъ варваръ извиняется за то, что ему по обстоятельствамъ пришлось поломать кое-что въ этомъ порядкѣ.

Надо незамѣтно войти въ сѣть этой административной системы. Ввести римскую систему вполнѣ готамъ не удалось. Римская администрація въ неопытныхъ рукахъ быстро стала таять; кромѣ того готы только въ Испаніи утвердились и попытка ихъ рома-

низоваться не удалась. Всѣ остальные варвары перехватили только обломки, а цѣлаго нигдѣ не удалось сохранить. Особенно любопытно это относительно податной системы. Григорій Турскій говоритъ, что Меровинги хотѣли ее оставить, потому что она приносила большой доходъ. Но это оказалось невозможнымъ. Франки не подчинялись этой системѣ и производили возмущенія, а что касается до римлянъ, то у нихъ подать одно время какъ бы застыла: они платили,какъ раньше, а измѣнить ее не желали. Уже въ VIII вѣкѣ мы не видимъ и слѣдовъ правительственной податной системы; все распалось и насъ не должны обманывать нѣкоторыя переживанія и выраженія; писали по образцу римскихъ канцелярій и продолжали употреблять римскія формы. Такъ, напримѣръ, еще въ IX вѣкѣ писали, что епископа избираютъ клиръ, сенатъ и народъ. Но этого не было въ дѣйствительности. Его избирали епископы той же епархіи подъ вліяніемъ митрополита или короля, сенатъ не болѣе, какъ формула, курія разложилась черезъ сто лѣтъ послѣ завоеванія и всѣ эти канцелярскія формы и росчерки не имѣютъ значенія, и не должны насъ обманывать.

Сущность дѣла сводится къ тому, что римская администрація распалась; но одна сторона дѣла получила развитіе вслѣдствіе основной привычки римской администраціи - приказывать и меровингскій графъ есть представитель этого принципа. Но сперва, пока у него роль чисто германская, его положеніе равняется положенію нашего судебнаго пристава: у него въ рукахъ экзекуція, исполнительная власть съ надлежащей для этого силой и больше ничего. Но мало-по-малу при этой скромности роли онъ становится предсѣдателемъ, пріобрѣтаетъ фактическое значеніе и онъ начинаетъ орудовать на вѣчѣ; къ нему перехо-

дять всѣ функціи, отличающія римскаго проконсула, онъ praeses

Вотъ въ какой мѣрѣ можно признать вліяніе традиціонной римской администраціи на континентѣ. Въ Англіи, гдѣ единоличная власть не могла получить такого значенія, коллегіальность развилась гораздо сильнѣе.

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ. Мнѣ остается сказать еще объ одномъ учрежденіи, одностороннемъ и отражающемъ вѣянія того времени. Это - аристократическій совѣтъ. Съѣздъ князей продолжалъ существовать и послѣ завоеванія провинцій. Составъ его двоякій. Лучше всего изучить его въ Англіи, гдѣ мы находимъ больше всего данныхъ. Въ него входятъ, во-первыхъ, начальники графствъ, эльдормены - потомки князей, сохранившихъ только значеніе аристократовъ. Они входятъ по праву въ государственную думу - Витенагемотъ - и являются, очевидно, преемниками прежняго княжескаго съѣзда. Съ такимъ же положеніемъ являются епископы, духовные магнаты. Тѣ и другіе обязательные члены думы. Но главная масса засѣдателей - это дружинники, чиновники, капелланы - которые приглашаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ по личному усмотрѣнію короля. Такимъ образомъ срослись два учрежденія: одно самостоятельное - княжескій съѣздъ другое - несамостоятельное - дружинное собраніе. Сложность этого учрежденія отразилась на его функціяхъ: тутъ разбирались жалобы, которыя приносились королю, и относительно которыхъ онъ спрашивалъ совѣта у собранія, тутъ же обсуждались законодательные и финансовые проэкты. Въ этомъ же собраніи иногда смѣщали и выбирали короля. Все это неясно и свидѣтельствуетъ о томъ, что общество не развилось, что общественные элементы бродятъ и неизвѣстно, что перетянетъ. Этотъ совѣтъ

вездѣ существовалъ [у Франковъ - совѣтъ лейдовъ].

Я считаю сказанное достаточнымъ для характеристики административной организаціи въ Средніе вѣка; теперь надо сказать о задачахъ и средствахъ правительства. Сдѣлавъ характеристику государственнаго строя по этимъ двумъ признакамъ, мы представимъ себѣ, что было въ государствѣ и чего въ немъ въ политическомъ отношеніи недоставало.

ОТНОШЕНІЕ ГОСУДАРСТВА КЪ ОБЩЕСТВУ. Задачи и пріемы варварскаго государства особенно удобно характеризовать на процессѣ, на случайномъ разборѣ какого-нибудь дѣла какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго. Особенно характерно отношеніе государства къ уголовнымъ дѣламъ. Тутъ мы находимъ весьма последовательный контрастъ между дѣйствіями тогдашнихъ и теперешнихъ государствъ. Прежде всего посмотримъ, что дѣлается въ этомъ варварскомъ государствѣ, когда происходитъ преступленіе, напримѣръ кража? Въ наше время государство считаетъ себя затронутымъ, оно встрепенется: явится полиція, начнется слѣдствіе, предварительное дознаніе и т. д., государство начнетъ дѣйствовать и заботиться о томъ, чтобы собрать материалъ для судебнаго разбирательства и привлечь виновнаго къ отвѣтственности. Что происходитъ тогда въ VII- VIII вѣкахъ? Не можетъ быть и рѣчи, чтобы государство въ лицѣ какого нибудь чиновника стало вмѣшиваться въ дѣло для удовлетворенія справедливости. Дѣло начнетъ потерпѣвшая сторона: она будетъ разыскивать того, кто укралъ, погонится по слѣду, если нѣтъ слѣда будетъ производить дознаніе - словомъ, будетъ производить работу, которую теперь беретъ на себя государство. Госу-

дарство того времени еще не достаточно сознавало, что оно существуетъ для установленія права и проведенія идеи справедливости. Въ IX вѣкѣ оно слишкомъ слабо и слишкомъ занято своими непосредственными интересами, чтобы взяться за такую задачу, - ищетъ потерпѣвшій и помогаютъ ему его пріятели. Составляется дружина и гонится по слѣду съ крикомъ, предупреждая прохожихъ, которые не имѣютъ права ее останавливать. Положимъ, удастся собрать извѣстный обвинительный матеріалъ и что потерпѣвшая сторона желаетъ добиться суда, тогда она должна вызвать противника на судъ вытребовать его. Только въ случаѣ упорнаго отпирательства со стороны противника можно обратиться къ помощи графа. Да и тотъ еще даетъ обвиняемому нѣсколько отсрочекъ. Если и тогда обвиняемый не явится, то онъ объявляется опальнымъ: запрещается всѣмъ, даже женѣ, давать ему пищу и кровъ. Но въ обычномъ порядкѣ, конечно, вызванный явится въ судъ ; тогда начинается процедура, которая не имѣетъ ничего общаго съ нашей. У насъ главное - допросъ свидѣтелей, предъявленіе доказательствъ, разсмотрѣніе уликъ, словомъ, розыскъ истины; все это въ средневѣковомъ судѣ играетъ второстепенную роль. Хотя свидѣтели существуютъ и могутъ быть призваны, но ихъ достать и представить трудно, вслѣдствіе чего къ нимъ рѣдко прибѣгаютъ. Свидѣтели употребляются только въ случаяхъ рѣзкихъ, если напримѣръ воръ пойманъ съ поличнымъ. Только въ такомъ случаѣ свидѣтели имѣютъ значеніе, косвенныхъ же уликъ не существуетъ. Si certa probatio non fuerit [по Салической правдѣ], если сторона вызываетъ только на основаніи косвенныхъ уликъ, то судъ приступаетъ къ необычнымъ для него дѣйствіямъ. Онъ ставитъ стороны въ извѣстное

положеніе, одну въ болѣе, другую въ менѣе выгодное, смотря по общему впечатлѣнію, которое произведетъ на него дѣло при началѣ разбирательства. Представимъ себѣ, что у засѣдателей сложилось убѣжденіе о невиновности обвиняемаго. Тогда судъ объявляетъ приговоръ: дать ему право очиститься съ пятью соприсяжниками т.е. онъ явится въ судъ съ пятью пріятелями для усиленія правдоподобія. Они вшестеромъ придутъ въ судъ и станутъ произносить одинъ за другимъ присягу: "Я присягаю на мощахъ такихъ то, что такой-то не кралъ того-то." Эта форма, сравнительно легкая, но иногда можетъ кончиться неудачно. Можетъ случиться, обвиняемый не найдетъ себѣ пяти товарищей, потому что его считаютъ человѣкомъ ненадежнымъ, тогда онъ виновенъ. Затѣмъ, можетъ быть, при произнесеніи присяги кого-нибудь изъ соприсяжниковъ Господь попутаетъ, т.е. что кто-нибудь забудетъ формулу клятвы или перепутаетъ ее, это явится признакомъ того, что совѣсть обвиняемаго нечиста и онъ виновенъ. Намъ кажется страннымъ положеніе этихъ соприсяжниковъ, - съ какой стати постороннее лицо будетъ клясться для оправданія другого? Чтобы понять корень этого, вспомнимъ, что общество того времени живетъ по корпораціямъ, по группамъ кровнымъ и сельскимъ, которыя находятся въ борьбѣ другъ съ другомъ. Поэтому обвиненіе, предъявляемое къ одному, падаетъ на всю группу. Предполагается солидарность какъ по отношенію къ преступленію, такъ и обвиненію. И оправдывается не одинъ, а 6 или 12 представителей группы. Это одно пониманіе дѣла, которое мало по малу уступаетъ мѣсто другому: человѣкъ неопороченный легко найдетъ себѣ соприсяжниковъ, а дурной человѣкъ не найдетъ ихъ. Все заключается въ томъ, чтобы выяснить вѣроятность истины.

Но если суду по поводу какого-нибудь показанія представилось, что данное лицо совершило кражу, то судъ поставитъ его

въ положеніе мало выгодное -- пригласитъ явиться не съ соприсяжниками, а одному на судъ Божій, очиститься ордаліями. Это положеніе требуетъ большихъ разъясненій, потому что ордаліи обставлены такъ, что, повидимому, непремѣнно приводятъ къ обвиненію. Во время засѣданія человѣкъ беретъ, напримѣръ, котелокъ съ горячими угольями [Франкское государство] и долженъ пройти съ нимъ нѣсколько шаговъ; ему завязываютъ руку, развязываютъ и смотрятъ, нѣтъ ли обжоговъ черезъ нѣсколько дней. Конечно, трудно представить себѣ благополучный исходъ, но при извѣстныхъ физическихъ условіяхъ обжоговъ можетъ и не быть [гигроскопичность руки]. Этимъ физическимъ случайностямъ придавали тогда нравственный характеръ: ожоговъ нѣтъ, значитъ Провидѣніе даетъ, повидимому, возможность очиститься въ трудномъ случаѣ. Другія ордаліи были въ томъ же родѣ, - бросали, напримѣръ въ воду, если человѣкъ тонулъ, то считали его виновнымъ и наоборотъ. Были ордаліи состязательныя - въ церкви расправляли руки крестомъ и читали длинную молитву, у кого руки раньше опускались, тотъ проигрывалъ процессъ. Мы не замѣтили судебнаго поединка въ числѣ ордалій, потому что онъ занималъ все поле дѣйствія за предѣлами суда. Всѣ приведенныя выше формы судебной процедуры нельзя считать строго обязательными для обѣихъ сторонъ. Въ древнихъ правдахъ мы не встрѣчаемъ указаній на поединокъ, потому что это была первоначальная форма самопомощи - человѣкъ, котораго обидѣли, долженъ былъ самъ мстить за себя со своими товарищами. Любопытные слѣды этого остались въ позднѣйшемъ, сравнительно, правѣ: оно какъ-то странно гуманно относится къ наказанію свободныхъ: тѣлесныхъ наказаній нѣтъ: ни плетей, ни увѣчій, ни тюрьмы. Даже казнь по отношенію къ свободнымъ примѣняется очень рѣдко - только тогда, когда родствен-

ники отказываются платить выкупъ; такое гуманное отношеніе представляется съ перваго взгляда абсурдомъ, но вѣдь самый выкупъ есть ничто иное, какъ соглашеніе между двумя сторонами, вознагражденіе за отказъ отъ мести и самоуправства. У человѣка украли, воръ извѣстенъ, какъ его наказывать? Воръ долженъ вернуть цѣну украденнаго и заплатить штрафъ, который въ нѣсколько разъ превышаетъ стоимость украденной вещи. Иногда этотъ штрафъ опредѣленная сумма, напримѣръ 30 солидовъ. Двѣ трети бралъ потерпѣвшій, одна треть шла государству. Государство менѣе задѣто, чѣмъ родственники. Нужно ихъ умилостивить, чтобы они отказались отъ распри. Вотъ основъ этихъ процессуальныхъ отношеній - саморасправа [Файда]. Постепенно она переходитъ въ "поле": вмѣсто того, чтобы сталкиваться внѣ суда, стороны сталкиваются на судѣ. Въ Салической правдѣ нѣтъ еще ни одного слова о судебномъ поединкѣ, потому что обычай этотъ былъ силенъ еще внѣ суда. Въ другихъ правдахъ имѣютъ организацію "поля". Исходная точка - идея борьбы; дѣло не въ томъ, чтобы выяснить истину, а въ томъ, чтобы доставить сторонамъ возможность сойтись на равныхъ условіяхъ. Вмѣшательство государства обусловлено только желаніемъ не допустить слишкомъ большихъ безпорядковъ, за это государство беретъ часть штрафа въ свою пользу. Разъ судебный поединокъ вошелъ въ судебную практику, то присматриваясь къ нему съ раціоналистической точки зрѣнія, старались грубыми средствами уничтожить его недостатки. Старались поставить стороны такъ, чтобы одна не была въ слишкомъ невыгодномъ положеніи по отношенію къ другой. Слабой сторонѣ позволялось ставить за себя бойца. Затѣмъ попытались примѣнить условія поединка къ силамъ бойцовъ и ихъ соціальному положенію. Если, напримѣръ, женщина обвиняла мужчину, то мужчину

ставили до пояса въ ровъ, и поединокъ такимъ образомъ происходилъ при болѣе или менѣе равныхъ условіяхъ. Любопытна попытка примирить сословныя различія. Есть случаи тяжкихъ оскорбленій, когда незнатный человѣкъ и даже крѣпостной можетъ вызвать знатнаго и даже своего господина на поединокъ. Но при этомъ господинъ выходитъ въ кольчугѣ, съ мечомъ, а мужикъ съ палицей и безъ кольчуги. Таковы раціоналистическія попытки измѣнить основную идею - отвести болѣе удобное мѣсто для борьбы, чтобы эта борьба не создавала безпорядковъ и затрагивала другихъ членовъ общежитія.

5. <u>ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ СРЕДСТВА.</u> Вотъ до какой степени государство слабо въ самой постановкѣ своихъ задачъ, тоже мы увидимъ, если обратимъ вниманіе на его средства. Теперешнее государство представляетъ крайне сложный механизмъ. Одна податная система - гигантская сплошная сѣть, благодаря которой и держится государство; то же можно сказать о системѣ государственныхъ займовъ, искусственной и запутанной. Ничего подобнаго не было, да и не могло быть въ Средніе вѣка. Римскій государственно-финансовый аппаратъ, который довольно похожъ на нашъ, скоро разрушился и дѣло свелось на натуральныя повинности. А поставить государство на степень натуральныхъ повинностей - задача очень нелегкая. Первая попытка въ этомъ направленіи - это поголовная воинская повинность.

6. <u>НАТУРАЛЬНЫЯ ПОВИННОСТИ</u> . Каждый свободный человѣкъ долженъ былъ служить натурой. Постояннаго войска не было, было ополченіе, гдѣ всякій отдѣльный человѣкъ былъ гражданиномъ не по ремеслу, а потому, что всѣ умѣли владѣть оружіемъ и употребляли его въ частной жизни. Но скоро возникло затрудненіе, свя-

занное съ процессомъ рожденія свободнаго класса. Можно было привлекать къ отбыванію воинской повинности людей достаточныхъ въ случаѣ отсутствія средствъ къ жизни, военная служба являлась непосильнымъ бременемъ. По мѣрѣ приближенія къ Каролингской эпохѣ, видимъ, что государь вызваетъ на службу только тѣхъ, кто имѣетъ извѣстный надѣлъ, менѣе крупные владѣльцы складываются по 2 - 4 , чтобы поставить одного воина. Военная техника совершенствуется, и вмѣсто простого солдата является запросъ на всадника съ доспѣхами. Въ IX и X вв. начинаютъ составляться крупные конные отряды изъ господъ съ ихъ слугами, а общее ополченіе собирается рѣдко. Это распаденіе воинской повинности ведетъ въ сторону аристократизаціи общества. Помѣщики становятся отвѣтсвенными за крестьянъ и потому войско состоитъ не изъ однородныхъ отрядовъ, а изъ отрядовъ крупныхъ баръ со слугами. Эта система дѣйствуетъ въ VIII вѣкѣ, къ ней прибѣгаетъ и Карлъ Великій съ успѣхомъ, хотя ополченіе не исчезаетъ, но собирается только въ исключительныхъ случаяхъ. Еще любопытнѣе то, что произошло съ податной системой. Она уничтожается и только въ крайнихъ случаяхъ, въ годину тяжелыхъ бѣдствій, въ обществѣ является сознаніе необходимости платить подати: такъ было при нашествіи Датчанъ, такъ наз. "даненгельдъ". Прямой же подати Средніе вѣка не знаютъ.

<u>СИСТЕМА ПОЖАЛОВАНІИ</u>. Но чѣмъ жило государство? Оно жило на средства королевскихъ помѣстій: король столь же представитель крупнаго землевладѣнія, какъ и государственной власти и чтобы вознаградить своего чиновника или дружинника, дѣлаетъ постоянное пожалованіе. Это просто подарки на вѣчное потомственное владѣніе. Даютъ за службу, и если кто не можетъ служить съ даннымъ пожалованіемъ, то у наслѣдниковъ это положеніе отбирается. Вырабатыва-

ется идея условнаго владѣнія - бенефиціи, изъ того, что государство приходится содержать на средства доменовъ. Такимъ образомъ, подготовляются такія типическія позднѣйшія средневѣковыя явленія, какъ сеніоратъ [командованіе помѣщика надъ своими вассалами] и бенефиціи [условное землевладѣніе] и другіе предвѣстники феодализма. Такое государство неясно въ своихъ цѣляхъ и средствахъ, является плохой охраной, такъ что каждый человѣкъ или долженъ быть самъ сильнымъ, или опираться на сильный родъ, или приписаться къ другому сильному человѣку. [Commendatio]. Мы уже видѣли примѣры, что человѣка отпускають на волю, а онъ проситъ защиты, поддается болѣе сильному. Эта форма появляется на всѣхъ концахъ средневѣкового общества. Если въ семьѣ умираетъ отецъ, остается вдова, то является вопросъ, какъ ее защитить, есть ли у ней хорошіе люди, которые могли взяться за опеку; если нѣтъ у ней сильнаго защитника изъ близкихъ, то она будетъ искать патроната или у епископа, или у монастыря, или даже у свѣтскихъ магнатовъ. Всякій бѣднякъ, всякій слабый человѣкъ естественно будетъ искать въ крайнемъ случаѣ и у короля, но у короля не какъ у представителя власти, а какъ у крупнаго землевладѣльца. Итакъ, третья форма, свидѣтельствующая о разложеніи государства - коммендаціи - стремленіе мелкихъ свободныхъ людей пристроиться къ сильнымъ, подойти подъ ихъ высокую руку.

Четвертое условіе феодализма, это образованіе судебныхъ слободъ - иммунитетовъ. Церковь, вообще чуждавшаяся варварскаго міра, рано хочетъ захватить исключительное положеніе. Поэтому она стала хлопотать о скромной повидимому, вещи, о томъ, чтобы ей было предоставлено право исполнять приговоры при помощи своихъ средствъ, не прибѣгая къ помощи чиновниковъ. Дѣло шло о томъ, что если постановляется приговоръ противъ клириковъ, то онъ

объявляется епископу или аббату, а тѣ своими силами приводятъ его въ исполненіе, не разбирая его по существу. Далѣе, благочестивые короли стали дарить судебныя пошлины церквямъ. Третій шагъ, отъ пошлины къ существу судебнаго разбирательства, шагъ очень легкій съ точки зрѣнія того времени, ибо всѣ смотрѣли на судъ, какъ на доходную статью. Взять ее для церкви, значитъ сдѣлать графа равнодушнымъ къ веденію дѣла. Такимъ образомъ образовались иммунитеты, т.е. своего рода островки, гдѣ право разбирательства принадлежало церковнымъ учрежденіямъ и даже свѣтскимъ магнатамъ. Въ каждомъ иммунитетѣ былъ свой судъ, у каждой церкви былъ свой адвокатъ [advocatus], который разбиралъ и судилъ. Этимъ нарушается одно изъ существенныхъ правъ государства: оно перестаетъ располагать существенными учрежденіями, по крайней мѣрѣ,

по отношенію къ будничнымъ дѣламъ. Такимъ образомъ, безсиліе государства выражается въ очень опредѣленной формѣ, и безсиліе это чувствуется настолько ясно, что государство дѣлаетъ цѣлый рядъ усилій, чтобы подтянуться и избѣжать грозившей опасности.

<u>РАЗЛОЖЕНІЕ ВАРВАРСКАГО ГОСУДАРСТВА</u>. Одна изъ интересныхъ сторонъ ранней средневѣковой исторіи заключается въ томъ, что мы нигдѣ не имѣемъ возможности такъ хорошо наблюдать за процессомъ образованія государства и познакомиться какъ съ тѣми затрудненіями, которыя оно встрѣчаетъ, такъ и съ тѣми силами, которыя создаютъ государство и помогаютъ этому процессу. Мы коснулись начала того періода, который носитъ названіе феодальнаго, когда европейское общество разложилось на свои первоначальные атомы, и эти послѣдніе устроились каждый врозь на началахъ натуральнаго хозяйства и самыхъ примитивныхъ формахъ общежитія. Наблюдая за

началомъ этого процесса, мы должны были констатировать ослабленіе общественныхъ связей. Вслѣдствіе бурнаго столкновенія между германскими и римскими порядками и учрежденіями, обѣ системы разложились, ни та, ни другая не развились правильно - взаимно уничтожая другъ друга, обѣ привели одинако къ распаденію и разложенію власти.

Мы замѣтимъ опять въ цѣломъ рядѣ конкретныхъ явленій разложеніе той соціальной среды, на которой покоился строй варварскихъ государствъ и которая могла бы послужить фундаментомъ для дальнѣйшаго развитія государства, если бы сама не распалась. Эта среда - многочисленный вооруженный классъ свободныхъ людей, сильный и полный собственнаго достоинства. Такъ было въ эпоху Карла Великаго. Этотъ классъ раздробился. Указанный фактъ является результатомъ рѣзкой борьбы за существованіе. Опять мы наблюдаемъ упадокъ центральной королевской власти, которая цѣлый рядъ своихъ полномочій отдаетъ мѣстнымъ властямъ. Рядомъ съ судьей - королемъ является судъ мѣстный - иммунитетъ; рядомъ съ охраной короля является охрана мѣстная - патронатъ сеньоровъ. Перемѣшиваются отношенія частно-владѣльческія и государственныя. Податная система разлагается и сводится къ системѣ частнаго королевскаго владѣнія. Основа шаткая - съ каждымъ пожалованіемъ насчётъ королевскихъ доменовъ тратится основной государственный капиталъ. Такимъ образомъ, государство живетъ не только на неподходящія средства, но и тратитъ ихъ на неподходящія вещи, на поддержку государственнаго строя посредствомъ земельныхъ имуществъ государство затрачиваетъ свой основной капиталъ, а не проценты съ него.

Это приводитъ къ тому, что въ концѣ Меровингскаго періода король заслоняется палатнымъ меромъ, управителемъ королевскаго

хозяйства и начальникомъ королевской дружины. Палатный меръ - главный дѣятель государства той эпохи, ему достается роль герцога Франковъ, племенного вождя, король есть только орнаментъ кукла съ короной на головѣ, которую вывозятъ въ торжественныхъ случаяхъ, но которая серьезной роли не играетъ.

Всѣ эти частные факты, если ихъ соединить и подумать, сводятся къ 2 общимъ наблюденiямъ, которыя особенно важны съ нашей, такъ сказать, социологической точки зрѣнiя - съ точки зрѣнiя интереса къ вопросу объ условiяхъ возникновенiя и роста государственной системы.

Ясно, что всѣ разсмотрѣнныя частности начинающагося процесса феодализацiи приводятъ къ одному наблюденiю: какъ правительственныя средства, такъ и учрежденiя стараются основаться на земельной основѣ.

Средняя исторiя есть исторiя по преимуществу землевладѣнiя. Средневѣковая политическая власть есть помѣщичья-земельная власть. Средневѣковая подать - земельная подать. Словомъ, всѣ проявленiя политической жизни тяготѣютъ къ землѣ. Почему же все концентрируется около землевладѣнiя? Разгадка: мы находимся въ эпохѣ натуральнаго хозяйства, когда обмѣна не было и земля съ ея хлѣбомъ, который удовлетворяетъ самымъ насущнымъ потребностямъ человѣка, преобладаетъ надъ всѣми остальными формами экономической организацiи и эксплоатацiи. Отсюда перейдемъ къ частностямъ - всѣ требованiя государства къ земельной повинности. Можно показать, какъ мѣстности изолируются въ торговомъ отношенiи, какъ классы купеческiй и пастушескiй уступаютъ мѣсто классу хлѣбопашцевъ. Государство феодализуется, потому что государственная власть не составляетъ исключенiя изъ другихъ понятiй, она понимается непосредственно въ ея отношенiи къ землѣ

Нетрудно замѣтить, что этотъ экономическій фактъ основывается до нѣкоторой степени на психологической почвѣ. Я сказалъ "до нѣкоторой степени", и это не случайность, замѣтьте. Въ этомъ процессѣ раздробленія и перехода отъ сложнаго римскаго хозяйства къ натуральному должны были имѣть значеніе чисто матеріальныя условія. Напр., причина, связанная съ разстройствомъ политическаго покровительства, т.е. съ разстройствомъ всякаго обезпеченія торговыхъ отношеній: дорога, путь, - играетъ въ торговлѣ громадную роль, но она стала невѣрной, опасной, ибо нѣтъ государственной силы для поддержанія полиціи. Пути засорились и каждая единица должна была обособиться и искать защиты въ самой себѣ. Но можно пойти и дальше, можно указать, что это вліяніе является прямо и непосредственно психологическимъ. Дѣло не только въ томъ, что полиція была плоха и судьямъ нельзя было довѣряться, но въ томъ, что въ сущности каждый членъ этого общества неспособенъ былъ въ своей варварской головѣ понимать сложныхъ отношеній государства. Какъ бы они ни старались примѣняться къ римскимъ порядкамъ, но на практикѣ въ ихъ рукахъ все распадалось и превращалось въ иную: ибо необходимо, чтобы вся масса или большая часть сознавала, что нужно дѣйствовать заодно. Нужно ограничить цѣлый рядъ эгоизмовъ, личныхъ и мѣстныхъ; только тогда, когда въ руководящихъ кругахъ есть такое опредѣленное сознаніе, а въ неруководящихъ сознаніе неопредѣленное, смутное, только тогда государство можетъ существовать прочно на культурно-психологической основѣ, иначе оно

будетъ подвергаться толчкамъ и насиліямъ. Въ началѣ Среднихъ вѣковъ мы видимъ, что вслѣдствіе обострившейся борьбы съ Римомъ, вслѣдствіе необходимости для продолжавшагося развиваться народа переступить черезъ римскія границы, населеніе Германіи поневолѣ переходитъ отъ быта мелкихъ племенъ къ племеннымъ союзамъ, затѣмъ къ варварскимъ государствамъ. Внѣшняя борьба вгоняетъ на нѣкоторое время Германцевъ въ эти соединенія. Какъ только потребность этой внѣшней борьбы удовлетворена, граница перейдена, то эта внѣшняя связь ослабляется , каждый думаетъ только о себѣ, вопросъ о государствѣ Франковъ, Лангобардовъ является далекимъ, малопонятнымъ. Любопытно это психологическое возвращеніе къ варварскому кругозору, который подсказываетъ мелкія формы феодализма. Возвращеніе это временное, в за нимъ тотчасъ происходитъ отливъ въ сторону государства и на материкѣ и на островѣ Британіи подъ вліяніемъ случайныхъ историческихъ событій. Мы опять здѣсь сталкиваемся съ громадной политически-образовательной силой внѣшняго толчка. Такимъ толчкомъ для англо-саксонскаго государства были побѣги Норманнскихъ викинговъ. Для Западной Европы Каролингскій періодъ является періодомъ возвращенія къ государственнымъ формамъ подъ вліяніемъ необходимости внѣшней борьбы. Необходимость государственнаго единенія признается не только въ королевскихъ палатахъ, но и въ каждой хижинѣ. Приходится думать не только о хлѣбѣ, но и о томъ, какъ отбить Арабовъ, какъ бороться съ Саксами и Славянами. Это Каролингское возрожденіе я буду разбирать особо, хотя можно наблюдать то же самое возрожденіе и въ Британіи. Оно есть менѣе всего результатъ геніальной дѣятельности Карла Великаго. Я еще вернусь къ этой эпохѣ, потому что именно тогда указанный

принципъ всего лучше характеризуется и документируется.

КАРОЛИНГСКОЕ ВОЗРОЖДЕНIЕ нисколько не совпадаетъ съ Карломъ Великимъ; главныя идеи его заложены и развились еще до него, при немъ же оно получило только драматическiй оттѣнокъ и нашло себѣ законченное выраженiе.

Два, главнымъ образомъ, движенiя вызвали въ Франкскомъ обществѣ необходимость подтянуться и сплотиться. Движенiе восточныхъ германцевъ мало по малу поставило западныхъ Германцевъ въ такое положенiе, въ какомъ раньше были римляне: Саксы и Фризы, подъ влiянiемъ толчковъ отъ обширнаго славянскаго движенiя захватившаго область до Эльбы или Заалы, начали наступать на западныхъ сосѣдей. Еще страшнѣе было мусульманское движенiе, которое перешло уже чрезъ Пиринеи и грозило затопить весь христiанскiй мiръ.

Франкское королевство подтянулось главнымъ образомъ подъ влiянiемъ Австразiи, гдѣ германскiй элементъ былъ сильнѣе представленъ, нежели въ Невстрiи - Карлъ Мартеллъ и Пипинъ Короткiй были не только палатными мэрами, но герцогами Франковъ, и притомъ, первоначально, австразiйскихъ Франковъ. Битва при Пуатье - это рубежный фактъ, - тутъ остановился мусульманскiй набѣгъ и проведена граница между мусульманскимъ и христiанскимъ мiромъ.

I. РЕОРГАНИЗАЦIЯ ВЛАСТИ. Обратимъ особенное вниманiе на внутреннее преобразованiе во Франкскомъ обществѣ, - тутъ прямо и логически возрождающаяся власть будетъ искать себѣ опоры въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ она чувствуетъ себя особенно слабой. Мы отмѣтили, что правительственныя средства, т.е. этотъ постоян-

ный запасъ силъ, который общество передаетъ государству для пользованія, были непрочны, потому что королевскія земли были расхищены - ихъ роздали и болѣе нечѣмъ было содержать государство. Первый вопросъ былъ о томъ, какъ подновить и возобновить этотъ капиталъ. Безъ земельнаго капитала нельзя было возстановить государства, и Карлъ Мартеллъ преступилъ къ созиданію этого капитала съ необыкновенной грубостью и безцеремонностью: онъ хватаетъ земли тамъ, гдѣ ихъ много и можно взять скоро - у духовенства. Оно владѣло громадными землями, потому что варвары откупались отъ грѣховъ землей такъ же, какъ и всякую службу они несли землей. Можетъ быть $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ всей территоріи была въ рукахъ духовенства, и вотъ сильный майордомъ и герцогъ немедленно пускаетъ въ ходъ матеріальную силу: онъ отнимаетъ у епископовъ земли, сажаетъ на нихъ своихъ слугъ, назначаетъ своего дружинника аббатомъ какого-нибудь монастыря или епископомъ, несмотря на протесты и крики церкви. Карлъ Мартеллъ ссылается на современныя государства; земли нѣтъ, она нужна для борьбы съ нахлынувшими арабами. Поэтому онъ отбираетъ землю очень безцеремонно не въ силу опредѣленнаго эдикта, а въ формѣ постоянныхъ безпорядочныхъ захватовъ. При Пипинѣ Короткомъ вводится въ эту систему конфискаціи и секуляризаціи уже нѣкоторый порядокъ; онъ былъ хорошимъ христіаниномъ, и церковь его не приговариваетъ къ чистилищу, какъ отца, про котораго духовенство пустило легенду, что въ гробу его оказался черный змѣй. Однако Пипинъ Короткій не возвратилъ церкви вполнѣ конфискованныхъ земель, а только подѣлился съ ней. Въ 752 г. или около того, была произведена divisio terrarum между церковью и государствомъ. При этомъ были найдены нѣкоторыя юридическія

формы, которыя пригодились и впослѣдствіи: Пипинъ призналъ, что земли эти принадлежатъ собственно церкви, но пользованіе ими было предоставлено государству для обезпеченія государственной службы. Такимъ образомъ понятіе собственности высшей и понятіе пользованія землею въ обезпеченіе службы раздѣлились. Это есть основной фактъ средневѣковыхъ отношеній: во первыхъ, владѣлецъ - сюзеренъ, во вторыхъ, пользователь - вассалъ. Впервые систематически проведена была идея вассалитета по отношенію къ церковнымъ землямъ. Государство признало церковь сюзереномъ; вассалъ получилъ отобранную землю въ пользованіе, но собственникомъ продолжала оставаться церковь; это право церкви выражалось въ формѣ опредѣленной повинности, которую выплачивалъ ей вассалъ въ размѣрѣ приблизительно $\frac{1}{5}$ части дохода [nona et decima]. Около $\frac{4}{5}$ государство оставляло себѣ для поддержанія хозяйства и вознагражденія за службу. Такимъ образомъ вырабатывается система земельныхъ бенефицій. Каролингская эпоха возвращается къ основной идеѣ Меровингской эпохи, именно, что государственная служба обезпечивается землей. Она только усовершенствовала эту идею: она не отдавала земли окончательно, какъ Меровинги, а ставила пользованіе его въ тѣснѣйшую связь со службой. Если служилый человѣкъ умиралъ, то малолѣтній или дочь не получали этой земли по праву наслѣдства. Съ другой стороны, если государь былъ недоволенъ службой, то не позволялъ продолжать пользоваться землей. Такимъ образомъ являются три силы: церковь, какъ высшій собственникъ, государство, какъ лицо заинтересованное службой и владѣлецъ, какъ пользователь. Вотъ первоначальная форма бенефицій, которая потомъ перешла въ ленъ. Самое названіе этихъ бенефи-

цій - precaria взято изъ церковнаго права. Первоначальное ленное владѣніе землей появилось на церковной землѣ, какъ долгосрочный чиншъ.

2. ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА. Любопытно, что рядомъ съ реформой, направленныхъ къ поднятію матеріальныхъ средствъ государства, идетъ другая не изъ круга королевской власти, которая начинается самостоятельно изъ другой области, но идетъ навстрѣчу первой и мало по малу съ ней сливается. Какъ разъ церковь, которую Карлъ Мартеллъ такъ обижалъ, начинаетъ въ эту эпоху реформироваться и подновлять свой составъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она сталкивается съ язычниками. Обновленіе начинаетъ Бонифацій у Фризовъ и Хаттовъ, племенъ внутренней Германіи. Какъ государство обновляетъ свой составъ при встрѣчѣ съ варварскими племенами, такъ и церковь признаетъ за необходимое возобновить свои идеальныя задачи и вновь организовать свои силы при встрѣчѣ съ языческимъ міромъ. Бонифацій - миссіонеръ, и его дѣятельность знаменуетъ большое движеніе въ средѣ всей Франкской церкви. Оно сперва носитъ наступательный характеръ, направлено къ тому, чтобы завоевать языческія племена внутренней Германіи. Но въ дѣятельности Бонифація есть и другая сторона: онъ стремится къ реорганизаціи внутренняго строя франкской церкви, особенно при Пипинѣ Короткомъ, когда Бонифацій является предсѣдателемъ на большихъ церковныхъ соборахъ, напр., Левтинскомъ въ Австразіи. Онъ дѣйствуетъ совершенно заодно съ франкскими герцогами и королями, потому что эта реформа нужна и для политической власти, которая признаетъ это движеніе крайне важнымъ для себя. Пипинъ отличается отъ Карла Мартелла тѣмъ, что онъ понимаетъ свои политическія задачи не въ такой грубой формѣ. Тотъ - солдатъ, стоящій съ мечомъ на стражѣ общества; передъ

вопросомъ о защитѣ у него отступаютъ всѣ другіе интересы. Правда, онъ помогаетъ Бонифацію, даетъ ему охрану - но это не стоитъ съ общимъ направленіемъ его политики. Пипинъ не хочетъ примириться съ церковью, доходитъ до сознанія, что церковь можетъ оказать ему услуги въ организаціи его королевства. Бонифацій опирается на Римъ, куда онъ постоянно ѣздитъ, а Римъ становится идеаломъ организаціи. Тамъ подъ вліяніемъ папъ сохранились чисто латинскіе принципы, тамъ есть политическія традиціи, широкое пониманіе власти. Папа ищетъ себѣ помощника и находитъ его въ лицѣ франкскаго короля. Бонифацій также ищетъ себѣ помощи въ папѣ; ему приходится бороться съ ирландскими монахами, которые миссіонерствуютъ вразбродъ, по личному убѣжденію, съ мѣстными оттѣнками. Бонифацій же дѣйствуетъ совершенно иначе: - онъ проникнутъ идеей организаціи, для которой жертвуетъ всѣми соблазнами самостоятельной, обособленной дѣятельности, - нужно замѣнить дѣйствіе вразбродъ - дѣйствіемъ совмѣстнымъ, - для этого устраиваются соборы. Это возстановленіе соборовъ могло дать возможность духовенству найти стройный планъ дѣйствій и проводить политику послѣдовательно, въ извѣстномъ направленіи, именно латинскомъ. Такимъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ подготовляется возрожденіе общества. Во-первыхъ, матеріальныя основы и учрежденія измѣняются, возобновляется земельный капталъ и примѣняется пользованіе имъ; во-вторыхъ, церковь, какъ культурная и политическая сила, тянетъ въ сторону обширнаго проведенія правильной организаціи. Вотъ съ какими факторами приходится считаться, чтобы оцѣнить так называемыя реформы Карла Великаго. Повторяю, въ нихъ нѣтъ ничего лишняго; всѣ онѣ велись столѣтіями и поколѣніями, являются результатомъ постепенно назрѣвающаго сознанія общественныхъ нуждъ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КАРЛА ВЕЛИКАГО. Оговорившись относительно значенія, которое имѣло подготовленіе реформъ Карла Великаго для самой постановки этихъ реформъ, я перейду къ изображенію политической жизни въ ея основахъ въ эпоху Карла Великаго.

Это время даетъ намъ особенное удобство судить о движеніяхъ предшествующей эпохи. Многое, что въ памятникахъ ранняго періода Карла Мартелла и Пипина ~~неясно~~, вполнѣ выясняется въ капитуляріяхъ Карла Великаго. Кромѣ того эта эпоха есть максимум Каролингскаго развитія.

ХАРАКТЕРЪ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ. Обратимъ вниманіе на характеръ власти въ рукахъ Карла Великаго. Интересенъ контрастъ между ранней и поздней половиной его царствованія. Контрастъ этотъ особенно интересенъ по отношенію къ Римской имперіи. Ранніе годы |768 - 800| характеризуются тѣмъ общимъ началомъ, что Карлъ Великій - военный предводитель, власть его однородна съ властью предшественниковъ, хотя гораздо интенсивнѣе, напряженнѣе; съ 800 года подыскивается новый типъ, чтобы передать новыя отношенія къ власти, новыя потребности и задачи. Остановимся на первой половинѣ. Тутъ сразу поражаетъ то обстоятельство, что Карлъ продолжаетъ идти по пути своихъ предковъ, относится, такъ сказать, по варварски къ составу своего государства. Онъ великій завоеватель и воинъ, который присоединилъ къ наслѣдственному королевству тѣ или другія области; въ самомъ титулѣ выражается то, что его власть есть агтломератъ различныхъ властей: онъ Rex Francorum, rex Langobardorum хотя послѣдніе окончательно побѣждены и вошли безъ остатка въ Франкское государство, dux Aquitaniae Вообще его держава, охватывающая всѣ области христіанскаго міра, слѣплена чисто внѣшнимъ образомъ. Власть Карла не понималась, какъ нѣчто единое, это - слу-

чайно сложившаяся власть германскаго предводителя, который совмѣстилъ въ своихъ рукахъ обязанности 5 или 6 отдѣльныхъ вождей. Начиная съ 800 года онъ - magnus et pacificus imperator, римскій по традиціи и христіанскій по задачѣ. Здѣсь мы стоимъ лицомъ къ лицу съ извѣстнымъ пониманіемъ государственнаго единства. Для чего понадобилось подобное измѣненіе титула и принципа? только ли для пурпура и церемоніала? Не для того, вѣдь, чтобы вмѣсто открытой короны франкскаго короля надѣть закрытую. Изъ всѣхъ источниковъ ясно, что дѣло глубже и интереснѣе: эта власть объединена общими задачими и общимъ положеніемъ западнаго христіанства. Западное христіанство есть единство по отношенію къ восточному, которое тогда уже считается схизматическимъ, вслѣдствіе того, что уклоняется то въ иконоборство, то въ иконопоклонство. Карлъ Великій становится на стражѣ того, что западная церковь считаетъ правильнымъ. На большомъ соборѣ онъ вмѣстѣ съ духовенствомъ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, какъ нужно поклоняться иконамъ, и клеймитъ грековъ, которые только что вернулись къ иконопочитанію и возвели его на степень идолопоклонства [капитулярій собора I874 г.]. Такимъ образомъ, отношенія съ Востокомъ носятъ рѣзкій характеръ, хотя и замѣчается стремленіе къ примиренію: Карлъ довольно долго стремился получить свой титулъ изъ рукъ византійскихъ императоровъ, но рознь взяла верхъ, и чуть не дошло до вооруженной борьбы изъ за Истріи и Венеціи, которыя остались за Карломъ. Помимо этого вліянія рѣзко проведено сознаніе, что Карлъ Великій - императоръ, поскольку онъ защитникъ западно-христіанской культуры.

2. <u>КУЛЬТУРНАЯ ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВА.</u> Въ государствѣ есть

уже опредѣленная внутренняя связь, унаслѣдованная, римская и понятія, которыя всего болѣе сохранились въ духовенствѣ, а также сознаніе христіанской культуры въ противоположность языческому варварству. Вмѣсто чисто внѣшнихъ задачъ, - борьбы, у Карла Великаго является попытка провести сознаніе необходимости внутренняго соединенія, основаннаго на ограниченіи эгоизма и свободы. Это показываетъ очень любопытный и съ нашей т точки зрѣнія оригинально обставленный фактъ - именно, присяга, которая вмѣнена была въ обязанность подданнымъ въ 802 г. Въ 802 г. Карлъ издалъ капитулярій, въ которомъ приказывалъ надлежащимъ властямъ привести всѣхъ подданныхъ къ повторительной присягѣ. Онъ царствовалъ уже 35 лѣтъ и не было нужды въ возобновленіи присяги, но Карлъ считаетъ нужнымъ повторить ее. Незадолго до этого возстановлена была имперія, - императоръ въ капитуляріи останавливается особенно на томъ, что присяга эта знаменуетъ иныя отношенія къ власти. Формула старой присяги придлизительно такова: клянусь не поддерживать короля Карла враговъ и не мириться и не ладиться съ ними. Это преимущественно воинская присягфа: имѣется въ виду военная борьба съ внѣшними и внутренними врагами. Карлъ въ толкованіи присяги исходитъ изъ того положенія, что въ правильно устроенномъ государствѣ дѣло сводится не къ этой борьбѣ; онъ указываетъ, что надо ввести иное основаніе, что подданные должны присягнуть, что будутъ соблюдать божескія повеленія, законы Божіи, которые установлены церковью, что будутъ соблюдать нравственныя требованія, не притѣснять и не обижать слабыхъ, вѣдь, не можетъ же императоръ слѣдить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чтобы каждый жилъ по Божески: чуждался грѣха и служилъ государю и Богу.

Каждый долженъ понимать это самъ и присягнуть въ томъ, что исполнитъ эти требованія. Такимъ образомъ капитулярій становится проповѣдью. Кромѣ того Карлъ старается доказать, что только тогда государство правильно поставлено, если подданные сами понимаютъ свои обязанности, щадятъ поддерживаютъ другъ друга и обладаютъ христіанской нравственностью. Кокіе результаты имѣла присяга - сказать трудно, но это важно, какъ симптомъ, характерно, какъ выраженіе новыхъ возвышенныхъ культурныхъ задачъ: чувствуется внутренняя связь между степенью народнаго благосостоянія и культурностью. Со стороны Карла является попытка въ обширномъ законодательствѣ расширить область государственнаго вмѣшательства и дѣятельности. Одна изъ существенныхъ чертъ этого государства заключается въ томъ, что оно стоитъ р я д о м ъ съ обществомъ и старается, чтобы только б о л ь ш и х ъ безпорядковъ не было, приводитъ людей къ суду только въ крайнемъ случаѣ, но общество можетъ примѣнять самоуправство, которое въ извѣстныхъ случаяхъ, впрочемъ, пересѣкается, хотя вмѣшательство это слабое, которое требуетъ воспособленіе со стороны частныхъ силъ. Иное дѣло теперь. Подъ вліяніемъ попытки поднять государственный принципъ является такая точка зрѣнія, государство призвано не только къ внѣшней охранѣ, но оно и по существу должно вмѣшиваться въ разборъ правонарушеній и преслѣдовать ихъ, потому что всякое правонарушеніе есть такъ сказать, обида государству. Съ точки зрѣнія Салической Правды обиженъ только потерпѣвшій, но съ точки зрѣнія Карловыхъ капитулярій набирается рядъ случаевъ, когда уже государство считаетъ себя заинтересованнымъ. Въ этихъ случаяхъ государство поступаетъ подобно нашему: преслѣдуетъ виновнаго и та

или иначе расправляется съ нимъ. Но государство не сразу устанавливаетъ тотъ принципъ, который вошелъ теперь въ общее употребленіе, принципъ устанавливается робко и постепенно, не хватаетъ силъ. Любопытны случаи примѣненія, случаи, которые собираются подъ одно общее пониманіе "б а н н а", принужденія |coercitio, districtio|. Но государство выступаетъ съ этимъ принужденіемъ далеко не всегда. Во первыхъ, оно сразу начинаетъ дѣйствовать принудительно во всѣхъ случаяхъ уклоненія отъ воинской повинности; уклоненіе это настолько важно, что государство сразу вмѣшивается и не допускаетъ промедленія: оно штрафуетъ 40 - 60 солидами Государственнаго банка. Далѣе любопытны попытки вступленія государства въ сферу, гдѣ есть потерпѣвшіе. Какъ будетъ вести себя государство, когда потерпѣвшіе вдова, сирота, вообще люди соціально слабые? Съ точки зрѣнія варварскихъ правдъ разница заключается только въ штрафахъ: за женщину платятъ больше [если она беременна, то и гораздо больше]; расчетъ производится по степени ущерба, вознагражденіе получаетъ частное лицо, и только $\frac{I}{3}$ получаетъ государство.

Въ капитуляріяхъ Карла Великаго всѣ эти люди, вдовы, сироты и церковные люди охраняются государствомъ. Государство не дожидается, пока вступятся родственники, оно само преслѣдуетъ виновнаго и требуетъ кромѣ обычнаго штрафа еще и свой, въ 40 - 60 солидовъ.

Если франкъ сожжетъ домъ другого, то государство выступаетъ противъ него съ банномъ. Съ нашей точки зрѣнія поджогъ не столь тяжкое преступленіе, какъ убійство, съ точки зрѣнія Карла это преступленіе очень опасно для сосѣда, и, какъ часто встрѣчавшійся случай, вреднѣе убійства и въ соціальномъ отно-

шенія. Поэтому оно вызываетъ воздѣйствіе прямое государственной власти: преслѣдуетъ за поджогъ не потерпѣвшій, а сразу вступаетъ въ дѣло графъ и взыскиваетъ съ поджигателя штрафъ въ пользу государства, иногда высылаетъ, даже казнитъ. Такимъ образомъ соціально-опасныя преступленія выдвигаются на первый планъ. Поджогъ и увозъ женщинъ - частое явленіе въ ту эпоху - требуютъ энергичнаго воздѣйствія со стороны государства и казнятся поэтому банномъ.

Вотъ такимъ образомъ начинаетъ формулироваться идея государственнаго вмѣшательства, къ которому мы такъ привыкли, что не понимаемъ, какъ безъ него обойтись, а на самомъ дѣлѣ идея частнаго преслѣдованія древнѣе. Вотъ принципъ, съ которымъ приходится считаться при новой постановкѣ власти Карломъ Великимъ.

УЧРЕЖДЕНІЯ КАРЛА ВЕЛИКАГО.

I. ГРАФЪ. Затѣмъ, если перейти къ фактическимъ учрежденіямъ, то окажется, что они не новыя, а все тѣ же самыя, только обновленныя и приведенныя въ систему. Король опирается на графа, который является съ большимъ перевѣсомъ власти надъ коллегіальнымъ собраніемъ. По отношенію къ графу Карлъ держится систематической политики. Онъ не назначаетъ графа изъ мѣстнаго населенія, а всегда чужака, чтобы онъ не пустилъ частныхъ корней въ своей области, не имѣлъ родственниковъ, имѣнія, которыя придали бы частный характеръ его власти. Но въ принципѣ постановки власти графа новаго нѣтъ.

2. СКАБИНАТЪ. Карлъ вполнѣ признаетъ аристократію суда. Судъ аристократизуется потому, что распадается свободный

классъ. Пользуясь существующими соціальными тенденціями и не вводя въ сущности ничего новаго, императоръ видоизмѣняетъ старый судъ въ формѣ с к а б и н а т а . Изъ числа состоятельныхъ людей выбираются судьи, которые и замѣняютъ собой судебное вѣче. Такимъ образомъ создается очень жизнеспособное и очень важное учрежденіе.

3. СЕНІОРАТЪ. Характерно, что Карлъ Великій не борется противъ аристократическаго принципа, а уступаетъ ему. Сеньоратъ признается законнымъ и приводится въ систему по отношенію къ воинской повинности. Сеніоръ даетъ конныхъ людей и потому Карлъ имъ дорожитъ. Мелкихъ людей приходится набирать черезъ графовъ, - это очень кропотливо и поднимаетъ въ глазахъ короля значеніе крупныхъ землевладѣльцевъ съ ихъ отрядами. Рядомъ съ командирами отъ государства - графами, являются командиры на частныхъ правахъ. Сеньоръ имѣетъ не только военныя, но и политическія обязанности: въ извѣстныхъ случаяхъ арестуетъ преступника. Дѣлается серьезная уступка аристократическому принципу. Это общее вѣяніе Карловой системы. Карлъ Великій принужденъ признать соціальный аристократическій переворотъ совершившимся фактомъ.

4. БЕНЕФИЦІАЛЬНАЯ СИСТЕМА. Относительно бенефиціальной системы нѣтъ новаго: реестры переписываются и т.д., вводится бухгалтерія, но новаго ничего не вносится, - все сдѣлано уже раньше.

5. КОНТРОЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Missi dominici). Единственное новое учрежденіе - это контрольная система. Разъ дѣло въ томъ, чтобы подтянуть узду и усилить власть, то является вопросъ какъ заставить мѣстныхъ дѣятелей, областныя правительства

повиноваться указамъ изъ центра? и какъ съ другой стороны — слѣдить за ними? Карлъ обращаетъ на это особое вниманіе. Онъ устроилъ особый институтъ *missi dominici* - государственныхъ посланцевъ. Они посылаются на ревизію, ограниченную очень короткимъ срокомъ. Первый замыселъ тотъ, чтобы не смѣшивать дѣйствія обыкновенной администраціи съ этой внезапной; необходимо, чтобы эта послѣдняя вселяла страхъ. Мало по малу дѣло измѣняется. Оказывается, что обыкновенная администрація такъ неудовлетворительна, настолько увлечена эгоистическими интересами, что Карлъ Великій начинаетъ все болѣе вмѣшивать этихъ "посланцевъ" въ самыя обычныя административныя дѣла, напр., имъ поручается производство наборовъ самолично, чтобы не было злоупотребленій при освобожденіи отъ воинской повинности. Подъ ихъ надзоромъ выбираютъ скабиновъ, такъ какъ очень важно, чтобы этотъ институтъ былъ проведенъ вездѣ.

У насъ сохранились еще слѣды этихъ ревизіонныхъ учрежденій.

Болѣе всего мы узнаемъ объ этихъ ревизорахъ изъ капитуляріевъ въ формѣ донесеній. Особенно любопытно донесеніе ревизоровъ Истріи; изъ него видно, какія злоупотребленія были обычными со стороны областной аристократіи, и насколько трудно было справиться съ ними государственной власти. Оказывается, по разслѣдованію ревизоровъ, что герцоги Истрійскіе [дуки - такъ назывались они по старой памяти] позволяли себѣ все: они захватывали земли у свободныхъ и для эксплоатаціи ихъ массами приглашали славянъ. Одна изъ жалобъ нѣмецкаго населенія - невозможно работать изъ-за конкуренціи славянскихъ пришельцевъ, которыхъ поселяютъ здѣсь герцоги и облагаютъ пошлинами въ

свою пользу. Это не то свободное, не то крѣпостное населенiе подрываетъ благосостоянiе германцевъ и романцевъ. Другая жалоба - герцоги присвоили себѣ всю сумму подарковъ для императора, которая была собрана.

Ревизоры открыли это дѣло, но изъ другихъ ревизорскихъ донесенiй оказывается, что и въ мѣстахъ болѣе близкихъ практикуются такiя же злоупотребленiя.

6. НАРОДНОЕ СОБРАНIЕ. КАПИТУЛЯРIИ. Кромѣ этихъ посланцевъ представляютъ интересъ два собранiя , - одно весною, для всѣхъ свободныхъ людей имперiи, другое - осенью, для областныхъ начальниковъ, епископовъ и ближнихъ людей короля. Весеннiя собранiя - свое рода продолженiе мартовскаго парада, но нужно его считать и контролонымъ учрежденiемъ, потому что одна изъ главныхъ заботъ императора - опросить присутствующихъ, какъ обстоятъ дѣла въ отдѣльныхъ областяхъ и нѣтъ ли жалобъ. Осенью и собираются магнаты и тогда вырабатываются капитулярiи - это большею частью правительственныя распоряженiя, не всегда законы. Дѣянiя этихъ соборовъ показываютъ, до какой степени администрацiя Карла Великаго вмѣшивалась во всѣ дѣла, не исключая церковныхъ: между вопросами религiозными, правовыми и т.д. не было различiя. Это, конечно, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что духовное начало было призвано къ систематическому воздѣйствiю на весь государственный порядокъ. Въ этомъ заключается одна изъ характерныхъ попытокъ Каролингскаго перiода - поднять государство и прiостановить его разложенiе. Каролингская эпоха обращается для подновленiя государства къ помощи церковныхъ властей. Церковь призывается къ участiю въ дѣлахъ государственныхъ, какъ учрежденiе болѣе сильное и плотное, какъ прекрасно организованная система.

<u>ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОЛЬ ЦЕРКВИ.</u> Наиболѣе замѣтное событіе въ исторіи Каролингской эпохи - это возстановленіе Западно-Римской Имперіи Карломъ Великимъ. Характеризуя этотъ фактъ, я пытался разъяснить, что въ немъ выражается одна чрезвычайно интересная и поучительная картина Карловой монархіи: для улучшенія политическаго строя, для болѣе твердой постановки государственной власти необходимъ культурный переворотъ въ обществѣ; необходимо, чтобы общество прониклось сознаніемъ своихъ нравственныхъ обязательствъ помимо юридической стороны дѣла. Особенно картинно выражается это въ той присяги, къ которой Карлъ Великій приводитъ своихъ подданныхъ. Въ поясненіяхъ онъ доказываетъ, что каждый индивидъ долженъ избѣгать не только предательства, но и тѣхъ дѣйствій, которыя ведутъ къ упадку религіи, подрываютъ нравственныя основы и церковь. Однимъ словомъ, является сознаніе необходимости поднять культурный уровень. Это характерно, потому что одна изъ главныхъ причинъ упадка государственной власти состоитъ въ низкомъ уровнѣ культуры. Варвары не въ состояніи были понять характеръ верховной власти, неспособны были по своему характеру подчиниться и по своимъ понятіямъ чувствовать необходимость об-

Та же самая идея необходимости культурнаго переворота выражается въ другой сторонѣ политики Карловой эпохи. Она отличается необыкновенной внимательностью къ духовному сословію, его организаціи, его правамъ. Если возьмемъ капитуляріи Карла Великаго, то часто можетъ возникнуть вопросъ, свѣтскій ли это до-

кументъ или церковный. Догматическая и этическая точки зрѣнія нерѣдко до такой степени выступаютъ впередъ, что документъ представляется дѣяніемъ собора. Затѣмъ видимъ, что Карлъ Великій постоянно возвращается къ той мысли, что для успѣшныхъ административныхъ дѣйствій ему необходимо опираться на духовенство. При недосмотрѣ за графомъ онъ спрашиваетъ епископа о дѣйствіяхъ графа въ провинціи. Идетъ ли дѣло о томъ, чтобы отправить чрезвычайнаго ревизора, "государева посланца", выбираютъ духовное лицо, преимущественно изъ государевой капеллы - духовенство является съ политическими обязанностями, какъ первенствующее политическое сословіе. Въ одномъ изъ капитуляріевъ прямо высказывается мысль, что между графомъ и епископомъ должно быть постоянное взаимное сообщеніе и взаимный контроль.

8. ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КАРЛА ВЕЛИКАГО. Почему же на долю духовенства выпала такая роль? Имѣютъ ли тутъ значеніе соображенія религіозныя, какъ напр., благочестіе государя? При разборѣ капитуляріевъ оказывается, что оно едва ли имѣло тутъ соображенія культурныя: духовенство является сословіемъ, унаслѣдовавшимъ политическія традиціи и административныя привычки римскаго міра; во 2-хъ, духовенство, посвятившее себя службѣ болѣе идеальной, лучше понимаетъ чисто политическую потребность государства, необходимость нравственнаго самоограниченія. Въ этомъ смыслѣ и обратилось правительство къ духовенству и ищетъ тамъ поддержки. Поэтому оно и распространяетъ школьное образованіе, имѣя въ въ виду, главнымъ образомъ, духовное сословіе. Все, что можно было сдѣлать для ученія въ эпоху Карла Великаго было сдѣлано: если хотите, результаты количественно были не особенно громадны, но качественное значеніе ихъ велико. Особенно это замѣтно при дворѣ императора: тамъ имѣлась особая школа, гдѣ воспитывались его капеллы. Въ этихъ

школахъ учились и свѣтскіе люди, но это, такъ сказать, вольнослушатели, а настоящіе ученики - будущіе клирики. Ученіе шло оживленно, по англійскому методу, привезенному Алкуиномъ, потому въ Англіи дѣло было поставлено лучше. Іоркская школа послужила образцомъ для палатной школы Карла Великаго. Тамъ обучали trivium et quadrivium, Священному Писанію, искусству говорить проповѣди, преслѣдовали цѣль дать образованныхъ помощниковъ государю и распространителей его идей. Изъ этихъ школъ выходитъ штатъ капелляновъ, кои посылаются въ качествѣ missi dominici, назначаются епископами. Одинъ изъ капитуляріевъ посвященъ устройству областныхъ школъ. Объ одной изъ такихъ школъ, Майнцской, дошли до насъ подробныя свѣдѣнія. Въ ней отличился Рабанъ Мавръ, одинъ изъ главныхъ помощниковъ Алкуина. Чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ труднѣе было создать просвѣтительные очаги, но попытка была сдѣлана и сдѣлана съ величайшимъ напряженіемъ. Если читать капитуляріи, не зная лѣтописи, то можно подумать, что во всѣхъ главныхъ городахъ создались такія школы. Итакъ, на просвѣщеніе смотрѣли, какъ на подспорье государственной дѣятельности.

ФЕОДАЛЬНЫЙ СТРОЙ.

Общее теченіе времени шло къ тому, что центробѣжныя стремленія взяли верхъ. Не входя въ въ подробности вторичнаго распаденія государственной власти, послѣ судорожнаго стремленія подняться, я перехожу къ тому положенію, которое вы знаете изъ школьнаго изложенія; я перейду къ порядку, который замѣнилъ собой Карлову систему. Система эта не удержалась, и общество впало въ ту феодальную разрозненность, противъ которой боролись Карлъ и его предшественники. Теперь приходится обратить вниманіе на тотъ строй, который въ X вѣкѣ захватилъ всѣ государства

Зап. Европы, и который можно характеризовать не для отдѣльнаго государства, а для всей совокупности ихъ. Удобство этого изложенія состоитъ въ томъ, что, пренебрегая мѣстными деталями, можно выдвинуть общія условія, представить схему феодальнаго порядка, который господствовалъ.

Для характеристики феодальнаго порядка, существеннаго для исторіи Западной Европы, вспомнимъ два обстоятельства. Во-первыхъ, оно есть нѣчто характерное въ политическомъ отношеніи, и во-вторыхъ, нѣчто своеобразное въ соціально-правовомъ отношеніи. Въ политическомъ отношеніи порядокъ этотъ характеризуется однимъ общимъ положеніемъ, изъ котораго все вытекаетъ съ дедуктивной ясностью: всякій помѣщикъ есть государь въ своемъ помѣстьѣ; съ этой идеи можно начать и изъ нея вытекаетъ все.

Рядомъ съ этимъ стоитъ положеніе соціальное: не существуетъ чистой земельной собственности, а всякое понятіе о ней двоится, раздѣляется на высшее владѣніе и "полезное" владѣніе.

Начнемъ съ характеристики политическаго строя. Рѣзкая особенность политическаго строя феодализма можетъ быть ясно понята по сравненію съ характеристическимъ фактомъ древней исторіи. Древняя исторія есть исторія городской общины, которая, съ теченіемъ времени выработала Римскую имперію. Исторія же Среднихъ Вѣковъ есть исторія помѣстья, организованнаго около одного правителя, который является и собственникомъ и патрономъ его. Вотъ ячейка, изъ которой Средневѣковая исторія слагается. Номинально существуетъ королевство, священная Римская имперія, герцогства и княжества, - но все это болѣе или менѣе тѣсныя, болѣе или менѣе слабыя федераціи. Чтобы объяснить это явленіе, нужно восходить къ понятію государства наименьшаго объема - бароніи. Франкское королевство слагается изъ сотни бароній и каждый баронъ теоретиче-

ски и нравственно считаетъ себя равнымъ королю, онъ его пэръ. Отсюда произошло понятіе и связанный съ нимъ терминъ, напр., въ Англіи палата лордовъ, пэровъ, равныхъ. Вся Франція, какъ и Англія и Германія состоитъ изъ скопленія маленькихъ государствъ, государи которыхъ теоретически равны другъ другу, также какъ теперь императоръ Россійскій и король Румынскій теоретически равны. Это понятіе въ Германскомъ феодальномъ правѣ опредѣляется формулой: Chaque baron est souverain de sa baronie. Эта формула является прямымъ отрицаніемъ верховенства національнаго государя и подчеркиваніемъ отдѣльнаго мѣстнаго. Отсюда происходитъ аристократическая гордость и чувство аристократическаго достоинства, которое сперва было въ сущности королевскимъ достоинствомъ. Чтобы показать до какой степени въ бытѣ выражалась указанная мною основная идея, я укажу на девизы нѣкоторыхъ феодальныхъ домовъ. Мелкій баронъ де-Куси, владѣвшій замками и 3-4 деревнями въ окрестностяхъ Парижа, имѣлъ такой девизъ: Je ne suis ni duc ni marquis, je suis le sire de Coucy [Я ни герцогъ, ни маркизъ, государь де-Куси]. И онъ былъ правъ, такъ какъ въ своемъ помѣстьѣ имѣлъ такую же власть, какъ и король. Девизъ извѣстнаго бретонскаго дома Регановъ такой: Marquis ne daigne, marquis ne puis, Rohan je suis ["Я не желаю быть княземъ, королемъ быть не могу, я Роганъ"]. Это простое и законченное понятіе - право считать себя государемъ лежитъ въ основѣ всѣхъ проявленій политической жизни. Эти маленькіе государи чеканятъ монету, если только у нихъ есть экономическая возможность завести монетный дворъ, не упоминая ни о французскомъ, ни объ англійскомъ королѣ. Далѣе государю-барону принадлежитъ основное государственное право защищать себя и подданныхъ оружіемъ, право частной войны. Право международной войны принадлежитъ каждому помѣщику, каждый изъ нихъ

можетъ ополчиться на другого, и это было не государственной измѣной, а исполненіемъ священной обязанности защищать своихъ подданныхъ.....вопросъ въ фактической силѣ. Переходомъ государственнаго права въ частныя руки создалось невозможное общее положеніе: войны вездѣ разоряли и истребляли крестьянъ; въ какой нибудь битвѣ убито всего 5,6 рыцарей, потому что они закованы въ латы, а плохо вооруженные вилланы истреблялись массами; портились посѣвы и жатвы. Это право частной войны сдѣлалось источникомъ великихъ соціальныхъ и физическихъ дѣйствій, и въ концѣ X вѣка явилась мысль уничтожить эту свободу. И вотъ бароны южной Франціи стали съѣзжаться и давать присягу, что не будутъ воевать, а будутъ прибѣгать къ посредничеству, если же будутъ воевать, то по извѣстнымъ правиламъ. Но на практикѣ эта мѣра результатовъ не имѣла; она требовала слишкомъ много отъ непросвѣщеннаго общества. Когда въ сѣверной Франціи состоялся съѣздъ относительно "Божьяго мира", то епископъ Кембрескій отказался ѣхать на этотъ съѣздъ. Лѣтописный разсказъ передаетъ, что многіе упрекали епископа, что вотъ духовное лицо и не примыкаетъ къ такому благому дѣлу. Потомъ же оказалось, что онъ одинъ былъ правъ, потому что не давалъ слова и не нарушалъ его, другіе же всѣ нарушили присягу, данную на этомъ съѣздѣ. Мало по малу церковь первая начинаетъ проповѣдывать среднюю мѣру: вмѣсто идеи "Божьяго мира" является идея "Божьяго перемирія" [Treuga Dei], которая не разрываетъ съ правомъ частной войны, но хочетъ его упорядочить. Запрещается наносить вредъ, сжигая постройки и уничтожая жатвы, начиная съ вечера четверга до утра понедѣльника, потому что это дни Страстей Господнихъ, съ понедѣльника же утра до четверга вечера опять можно воевать. Затѣмъ извѣстные предметы и мѣстности ставятся подъ охрану: церкви, кладбища, погосты; далѣе предметы осо-

бенной необходимости для мѣстнаго хозяйства, на югѣ, напр., нельзя было рубить и портить оливковыя деревья, на сѣверѣ въ Нормандiи , съ помощью вмѣшательства герцога, дѣлается постановленiе, что нельзя убивать крестьянина за плугомъ и портить упряжку плуга, остальной же скотъ можно убивать.

Частная война могла прекратиться только при появленiи сильной государственной власти: только она одна можетъ стѣснять и ограничить борьбу отдѣльныхъ властителей. Такимъ образомъ, исторiя частныхъ войнъ и была исторiей феодализма.

Отношенiя между отдѣльными баронами не всегда отношенiя военныя, сплошь и рядомъ приходится принимать нѣкоторыя общiя мѣры, уговариваться относительно общихъ вопросовъ. Всѣ эти уговоры, все, что мы называли законодательствомъ, все это основано на принципѣ международнаго конгресса, когда отдѣльныя мѣры проводятся по соглашенiю отдѣльныхъ государствъ между собой, въ родѣ какъ при чумной эпидемiи устраивается международный карантинъ: если одно государство не согласится приступить къ нему, то съ чисто правовой точки зрѣнiя его нельзя никоимъ образомъ къ тому принудить [какъ напр., Англiю по поводу вопроса о каперствѣ]. Надо придумать такое положенiе, которое связывало бы отдѣльнаго барона, чтобы онъ согласился. Такъ это съѣздъ для уговора - parliamentum вотъ гдѣ начинается исторiя термина "парламентъ". Результатъ совѣщанiя - stabilimentum - установленiе для свободныхъ лицъ. Затѣмъ является вопросъ, какъ у такихъ свободныхъ государей организованъ судъ. Каждый отдѣльный баронъ - судья въ своей области, но можетъ ли быть судъ надъ барономъ, можетъ ли быть государь привлеченъ къ суду. Такiе случаи бываютъ, но всегда при соблюденiи извѣстныхъ правилъ: судъ этотъ всегда коллегiальный, баронъ подчиняется суду, потому что онъ самъ является засѣдателемъ, онъ

требуетъ суда пэровъ, подчиненныхъ, какъ и онъ, одному и тому же сюзерену. Они составляютъ одинъ кружокъ, который даетъ и засѣдателей, и обвинителя, и обвиняемаго, и является третейскимъ судомъ, такимъ, какой сейчасъ можетъ быть примѣненъ, когда два государства, на основанiи договора, обращаются къ третьему за разрѣшенiемъ спорнаго вопроса, какъ Сѣверо-Американскiе Штаты и Англiя по дѣлу крейсера "Алабама". Такимъ образомъ, по соглашенiю стороны могутъ подчиниться третейскому посредничеству. Выводы эти окрашены вавварской эпохой: баронъ не отрекается отъ своей самостоятельности, не подчиняется суду окончательно, онъ дѣлаетъ извѣстную оговорку, сохраняетъ за собой право возражать по существу противъ свидѣтельскихъ показанiй; стороны имѣютъ право объявить о лжи свидѣтелей въ очень рѣзкой формѣ, вызвать ихъ на поединокъ. Баронъ сохраняетъ право протеста противъ рѣшенiя суда въ формѣ судебнаго поединка. Послѣ произнесенiя рѣшенiя, осужденный могъ сказать судьямъ : Je vous appelle de faux juger т.е. " я васъ вызываю за неправильное рѣшенiе", послѣ этого могъ начаться поединокъ съ судьями, которые должны были считаться опозоренными такимъ заявленiемъ. На практикѣ это не особенно удобно для суда: судьи поэтому, сообща объявляютъ приговоръ; вызвать ихъ всѣхъ на поединокъ фактически трудно. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ частностяхъ повторяется одно общее положенiе: баронъ подчиняется рѣшенiю настолько, насколько оно не затрогиваетъ его независимости и государственнаго верховенства. При всѣхъ этихъ условiяхъ не странно, что въ нѣкоторыхъ документахъ той эпохи, когда уже стали складываться нацiональности, санкцiонировано право вооруженнаго сопротивленiя высшей власти, право, которое теперь не оговорено ни въ какомъ законѣ. Въ Средніе вѣка его пыта-

лись ввести въ юридическій составъ, опираясь на нарушеніи договора и если сеньоръ нарушаетъ договоръ съ вассаломъ, то вассалъ можетъ отказать ему въ зависимости; въ этомъ случаѣ онъ призываетъ себѣ на помощь товарищей по оружію. Великая Хартія Вольностей оговариваетъ это вооруженное сопротивленіе: если Іоаннъ Безземельный нарушитъ ее, то 25 бароновъ обязаны поднять оружіе, другіе же присоединяются потомъ. Дѣло объясняется просто, если принять во вниманіе, что сопротивляются не высшей власти, но что этотъ отвѣтъ на нарушеніе договора съ одной стороны. Дѣло не въ томъ, что одна изъ сторонъ - король: и король- государь, и баронъ - государь.

Б А Р О Н І Я . Уже изъ политической характеристики феодализма слѣдуетъ, что землевладѣніе играло въ немъ чрезвычайно важную роль. Въ политическомъ отношеніи средневѣковое государство приходится разсматривать, какъ рядъ государствъ - помѣстій, которыхъ, конечно, нельзя себѣ представить безъ признаковъ хозяйственныхъ. Помѣстье - ячейка средневѣковаго общества. - Перехожу къ характеристикѣ государства съ этой точки зрѣнія. Если при характеристикѣ политическаго феодализма удобно исходить отъ понятія бароніи, то при характеристикѣ земельнаго феодализма удобно исходить отъ понятія лена. Ленъ, какъ вы знаете, постепенно установился на мѣстѣ прежняго бенефиція. Припомнимъ, что въ Каролингскомъ бенефиціи характерно то, что собственность остается за церковью, но пользуются ею военные люди. Что касается свѣтскихъ владѣній, собственность признается за королемъ, а пользованіе предоставлено тѣмъ или другимъ административнымъ лицамъ. Въ бенефиціяхъ начинается раздвоеніе владѣнія на высшее - тотъ, кто раздаетъ, - и низшее - тотъ, кто получаетъ. Разница между бенефиціемъ и леномъ заключается въ обезпеченіи правъ на владѣ-

ніе. Когда говорятъ, что ленъ смѣнилъ бенефицій, то стараются этимъ указать на то, что право, которое предоставляло пользованіе на короткое время или на опредѣленныхъ условіяхъ, мало по малу закрѣпилось за пользователями и ихъ наслѣдниками. Бенефиціи очень часто отбирались, а съ ленами это случалось рѣдко. Можно сказать, что ленъ есть бенефицій, обратившійся въ наслѣдство. Между бенефиціемъ и леномъ связь очень тѣсная, но мы можемъ пренебречь бенефиціями и обратить свое вниманіе на ленное право. Основное положеніе леннаго права заключается въ томъ, что земля п р и н а д л е ж и т ъ двумъ лицамъ. Рѣзкое утвержденіе. Мы съ своей стороны поищемъ одного опредѣленнаго собственника, корпорацію или отдѣльное лицо. Если и будутъ два лица заинтерсованы во владѣніи, то одинъ изъ нихъ собственникъ, а другой арендаторъ. Существенная черта феодальнаго права и состоитъ въ томъ, что земля имѣетъ двухъ собственниковъ: собственность перваго лица высшая, прямая - dominium eminens, directum - это сеніоральная собственность; собственность лица, которое получаетъ землю, называется "полезною" - dominium utile - потому что онъ пользуется ею, это вассальная собственность. Каждый учатокъ находится во власти этихъ двухъ собственниковъ. Зачѣмъ эта фикція? Ведетъ ли она къ реальнымъ послѣдствіямъ? Не игра ли это терминами? Дѣло сводится не къ простымъ терминологическимъ ухищреніямъ: у вассала есть право [dominirium utile], онъ эксплоатируетъ имѣніе, владѣетъ населеніемъ, производитъ работы, продаетъ лѣса и передаетъ имѣніе по наслѣдству. У Это очень реальное право и распространять его дальше не приходится. Dominium eminens - прямая или высшая собственность, иногда осуществляется съ весьма реальными послѣдствіями. Она осуществляется вся-

кій разъ, когда полевая собственность мѣняетъ своего владѣльца. По смерти вассала сеньоръ беретъ на нѣкоторое время ленъ, извлекаетъ изъ него извѣстныя выгоды, и потомъ по общему праву передаетъ его наслѣдникамъ вассала. При всякомъ переходѣ наслѣдства напоминается право сеньора, и его приходится выкупать. Совершается обрядъ инвеституры: новый наслѣдникъ клянется сеньору въ вѣрности, становится его человѣкомъ [hommage] при обрядахъ, которые выражаютъ подчиненіе, желаніе унизиться - онъ становится на колѣни, протягиваетъ руки, ищетъ покровительства высокой руки сеньора. Послѣдній сидитъ, беретъ въ свои руки вассала, который при этомъ произноситъ клятву служить сеньору, не потворствовать его врагамъ. Это - первая часть обряда, она показываетъ, что вассалъ беретъ на себя обязательство съ политическимъ колоритомъ. Затѣмъ начинается обрядъ самой инвеституры: сеньоръ передаетъ вассалу какой нибудь предметъ, символизирующій помѣстье - перчатку, свитокъ, мечъ, знамя. При каждой смѣнѣ вассала договоръ подновляется, это подновленіе не только формальность, оно сопровождается высокими пошлинами: доходъ съ имѣнія за цѣлый годъ отдается сеньору. Это своего рода - аннатъ. Особенно часто это при церковныхъ бенефиціяхъ; когда епископъ давалъ священнику церковь съ ея доходами, то послѣдній уступалъ первому цѣлый годовой доходъ съ прихода. Точно также папа бралъ годовой доходъ съ епископства, при назначеніи новаго епископа. Такимъ образомъ, надъ землею два господина, одинъ выше другого и постоянно подновляетъ свои права. Все это вытекаетъ изъ одной основной мысли, что тотъ, кто получилъ ленъ, обязанъ служить. Ленъ даетъ не безусловное, а условное право собственности. Но вѣдь не всякій служитъ какъ слѣду-

етъ, и не всякій въ состояніи служить. Есть рядъ случаевъ, въ которыхъ обнаруживается обратная сторона отношеній, когда право сеньора на службу осуществляется рѣзче. Напримѣръ, представьте себѣ, что земля перешла къ женщинѣ, она не можетъ служить и сеньоръ имѣетъ право присмотрѣть, какъ она выйдетъ замужъ. Онъ не можетъ отнять ленъ, но имѣетъ право наблюдать за тѣмъ, чтобы ея мужъ былъ хорошимъ воиномъ, не врагомъ; у сеньора является опека надъ наслѣдницей, право повліять на ея выходъ замужъ. Конечно, такое право ведетъ за собой плату денегъ: наслѣдницы платятъ очень солидную сумму за разрѣшеніе выйти за этого человѣка, который имъ нравится. Въ извѣстныхъ случаяхъ устанавливается настоящая торговля ленными наслѣдницами. Бароны обвиняли короля Іоанна Беззсмельнаго въ томъ, что онъ устраивалъ подобнаго рода аукціоны. Другимъ случаемъ, когда сеньоръ особенно заинтересованъ, чтобы переходъ лена былъ обставленъ извѣстными условіями - является малолѣтство наслѣдника. При этомъ наслѣдникъ вступаетъ въ права, но сеньоръ становится обязательнымъ опекуномъ. Родственники получаютъ опеку только надъ движимымъ имуществомъ. а ленъ переходитъ въ управленіе сеньора, который беретъ съ него все, что можетъ и беретъ такъ много, что ленъ разоряется: отсюда частыя жалобы вассаловъ, примѣромъ которыхъ могутъ служить жалобы англійскихъ барновъ на короля Іоанна. Помимо этого является случай выкупа, когда живой и способный къ военной службѣ владѣлецъ лена отбываетъ сеньору свою служебную повинность натурой - droit ordinaire
Всякій владѣлецъ лена обязанъ сеньору военной службой, онъ является одинъ или съ отрядомъ и служитъ 40 дней. Это срокъ небольшой и сеньору выгодно взять выкупъ; такимъ образомъ, получаетъ свое начало щитовая подать, на которую сеньоръ нанимаетъ

войска, и тѣ служатъ безъ феодальнаго срока. Когда же собирается феодальное ополченіе, то оно бываетъ очень велико, но черезъ 6-7 недѣль расходится и походъ зачастую оканчивается неудачей. Есть извѣстные случаи, когда сеньоръ можетъ требовать обязательной денежной помощи, - такъ бываетъ, если онъ выдаетъ дочь замужъ, посвящаетъ сына въ рыцари, отправляется въ Крестовый походъ, или самъ попался въ плѣнъ. Когда сеньору нужны деньги, то онъ обращается къ вассаламъ; тѣ съѣзжаются и рѣшаютъ вопросъ въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Этотъ фактъ привелъ къ образованію англійской свободы, потому что англійская конституція выросла изъ вышеупомянутаго феодальнаго положенія, закрѣпила и расширила его, - изъ того, что сеньоръ въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ обратиться за деньгами къ вассаламъ, которые, разумѣется, съ нимъ торговались. Вотъ основное положеніе въ средѣ рыцарства. Оно связываетъ рыцарство въ вассальную іерархію, сеньоровъ и вассаловъ, при чемъ возможно нѣсколько звеньевъ - [субъ- инфеодація] 6-7-8 отъ короля до простого рыцаря. Все французское общество Среднихъ вѣковъ по отношенію къ вассалитету можно представить въ видѣ конуса, на вершинѣ котораго стоитъ король. Его окружаютъ не особенно много непосредственныхъ вассаловъ; впослѣдствіи хотѣли ограничить этотъ кружокъ числомъ 12, но это ограниченіе было искусственно и неустойчиво. Мысль та, что непосредственно отъ короля держатъ лены только крупные владѣльцы, немногіе духовные и свѣтскіе князья, отъ этихъ держатъ лены графы, бароны и т.д.

ВИЛЛАНЫ. ИХЪ ПОЛОЖЕНІЕ. На чемъ покоится это зданіе? Все рыцарское сословіе опирается на крѣпостныхъ, на классъ виллановъ. Характерно названіе "вилланъ", оно происходитъ не отъ сло-

ва vilis низкій, а отъ слова villa - село [это просто сельскій человѣкъ]. Вилланское сословіе носитъ смѣшанный составъ, - въ него вошли элементы съ трехъ сторонъ: во-первыхъ, опустившіеся свободные люди, надъ которыми баронъ имѣетъ государственную власть, во-вторыхъ, рабы, перешедшіе въ положеніе барщины, въ третьихъ, - вольноотпущенники. Всѣ эти элементы смѣшались и представляютъ въ X и XI вѣкахъ сплошную массу. Что же ихъ сравняло, почему они смѣшались? Тутъ приходится сослаться на то обстоятельство, что каждый баронъ есть государь въ своемъ помѣстьѣ. Вилланов сближало то, что ни одинъ изъ нихъ не могъ никуда принести жалобы на своего барона. Государемъ былъ самъ помѣщикъ, аппелляціи на него не было и вилланъ долженъ былъ искать суда у этого же помѣщика. Феодальное право различаетъ іерархію, но не по отношенію къ крѣпостнымъ. Entre toi et ton vilain il n'y a de juge que Dieu [между барономъ и его крестьяниномъ судья только одинъ Богъ]. Вслѣдствіе этого потомокъ свободнаго человѣка можетъ быть подвергнутъ истязаніямъ, а жаловаться на это онъ могъ тому же барону. Отсутствіе общей государственной власти и государственной охраны создавало классъ безправныхъ вилланов. Это выражается иногда необыкновенно рѣзко. Во французскихъ кутюмахъ въ обычномъ правѣ нѣкоторыхъ провинцій говорится: il est mon villain, je puis l'occire et le méhaigner - это мой крестьянинъ, я могу его убить и изуродовать", т.е. сдѣлать съ нимъ безъ разговоровъ, что угодно, такъ какъ я баронъ. Въ нѣмецкомъ правѣ мы находимъ параллельную идею, - er ist mein, ich mag ihn sieden oder braten [онъ мой, я могу его сварить или изжарить]. Конечно, практически не варили и не жарили, но это выражало ту мысль, что че-

ловѣкъ принадлежитъ всѣмъ тѣломъ. Однако, рабства не было, потому что церковь признаетъ виллана также человѣкомъ, имѣющимъ такую же душу, какъ и баронъ; да и самые обычаи помнятъ, что это свободный человѣкъ, только состоящій подъ охраной барона. Для того, чтобы обезпеченіе личности было не простымъ словомъ необходимо было для государственной власти, чтобы она усилилась, отдѣлилась отъ частной. Это было разложеніемъ феодализма. Пока же при существующемъ безправіи, при невозможности идти къ другому судьѣ явился рядъ отношеній, который держался на обычаѣ и фактическомъ компромиссѣ, который держался по отношенію къ массамъ, но не исключалъ сотенъ и тысячъ злоупотребленій въ отдѣльныхъ случаяхъ. Если мы разсмотримъ права сеньора, то увидимъ, что здѣсь, какъ въ одной кучѣ, свалены различныя права, вытекающія и изъ крѣпостной, и изъ земельной и изъ государственной движимости. Во-первыхъ, надобно указать на merchetum повинность, платившуюся при заключеніи брака, обусловливаемую правомъ сеньора влiять на выдачу своей крѣпостной замужъ Онъ можетъ поставить ее на свой дворъ и запретить вступать въ бракъ. Нужно, стало быть, заплатить меркетъ, который имѣлъ нѣсколько подраздѣленій. Особенно рѣзкая форма merchetum это jus primae noctis выкупъ, который платила невѣста за то, чтобы выйти незапятнанной, невинной въ домъ своего мужа. Въ прежнее время на jus primae noctis смотрѣли иначе и признавали его первоначальной, грубый смыслъ, но теперь эта теорія поколебалась и приходится сказать, что jus primae noctis имѣетъ другое значеніе; въ основѣ его лежитъ право на приплодъ, который долженъ былъ явиться отъ замужества. Бракъ вилланки важенъ также для господина, какъ и случка его коровы. Что касается

то иногда л

сается до jus primae noctis то иногда дѣло доходило до злоупотребленій, но они вытекали не изъ права, а изъ сладострастія и жестокости отдѣльныхъ сеньеровъ. Это одно изъ характерныхъ преувеличеній общей зависимости. Другое тяжелое право - формальное право сеньера на все наслѣдство. Теоретически сеньеръ имѣетъ право отобрать все наслѣдство, потому что теретически же вилланъ не имѣетъ своей собственности, она ему предоставлена лишь во временное пользованіе, которое можетъ быть всегда прекращено. На практикѣ обыкновенно шли на компромиссъ, вмѣсто того, чтобы отнимать все наслѣдство, брали съ него тяжелую повинность - herretum [доспѣхъ]. Первоначально платили только тѣ, кто получалъ отъ сеньера доспѣхъ въ подарокъ. Въ Германіи повинность эта имѣетъ болѣе тѣсную связь съ землей, она называется Besthaupt и состоитъ въ томъ, что когда умираетъ крестьянинъ, то у его наслѣдниковъ берутъ лучшую голову скота. Понятно, это очень тяжелая подать, потому что лучшая голова скота, самый цѣнный предметъ хозяйства крестьянина. Эти права, вытекающія изъ крѣпостной зависимости обрастаютъ правами арендного происхожденія - барщина [три дня въ недѣлю], "помочи" - или добавочныя работы, иначе просебныя работы [precaria]; объ нихъ просятъ, попросятъ такъ, что отказывать не приходится. Это бываетъ три раза въ годъ, въ страдную пору, если придется собрать 4-ый разъ, то поятъ пивомъ [precaria cervisia], это уже уступка; затѣмъ существуетъ еще масса натуральныхъ повинностей хозяйственными продуктами - холстомъ, пивомъ, сыромъ и т.д.

<u>ПОВИННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.</u> Интересно затѣмъ то, что вытекаетъ изъ политическихъ правъ барона. Баронъ, какъ верховный государь, можетъ обложить своихъ крестьянъ по-

датью, какъ своихъ подданныхъ, возникаетъ talio. Баронъ устанавливаетъ также косвенные налоги и пошлины. Они тяжелы и теперь, но трудно себѣ представить насколько они были тяжелы въ Средніе вѣка. Государства тогда считались тысячами, и каждый баронъ старается содрать съ кого только можно, съ прохожихъ, съ купцовъ. Если протекаетъ чрезъ владѣнія барона рѣка, то на мосту онъ ставитъ приставовъ сбирать мостовой налогъ, за право приставать къ берегу приходится платить особый налогъ ripaticum и даже за право проходить со скотомъ по дорогѣ — pulveraticum — собственно налогъ съ пыли, которую подымало стадо. Жадность бароновъ находила богатое поле для примѣненія. Случаевъ взысканій была масса. Въ какое же положеніе должно было придти населеніе при такихъ многочисленныхъ поборахъ? Указавъ на дурныя стороны положенія рабочаго класса, укажемъ и на извѣстный коррективъ. Всѣ эти требованія удерживались на средней высотѣ, которая опредѣлялась, если и не милостиво, то и не такъ жестоко. Главное — это конкурренція между сеньорами. Если бы можно было прикрѣпить населеніе къ землѣ такъ, чтобы оно не убѣжало, то эксплоатація была бы еще сильнѣе. Возможность побѣга, со стороны крѣпостного, заставляетъ сеньора держаться среднихъ нормъ. Поэтому получаетъ особое значеніе меліоративная соціальная политика. Короли даютъ у себя убѣжище съ льготными правами подъ названіе "гостиннаго убѣжища" (hospitalium) и сейчасъ же убѣгаютъ туда наиболѣе угнетенные. Такъ возникли цѣлые города. Французскіе города, названіе которыхъ связаны съ словомъ ville или franche, стоятъ большею

частью на мѣстѣ этихъ убѣжищъ. Благодаря возможности побѣга и трудности преслѣдованія сами помѣщики должны были держаться среднихъ требованій. Затѣмъ было и другое обстоятельство которое сослужило вилланамъ хорошую службу. Это выкупъ натуральныхъ повинностей. Съ теченіемъ времени сеньоры старались замѣнять громоздкія матеріальныя повинности денежными, чтобы получить удобное мѣновое средство. Разъ устанавливается обычай выкупа, онъ служитъ въ пользу крѣпостного населенія, потому что цѣны падаютъ, а по мѣрѣ ихъ пониженія выкупъ изъ первоначальнаго тяжелаго становиться легкимъ. Наступаетъ извѣстный кризисъ въ концѣ XIУ в., когда англійскіе сеньоры стремятся вернуться къ старой натуральной системѣ. Тогда и вспыхиваютъ крестьянскія возстанія.

Этимъ я заключаю курсъ перваго полугодія. Въ будущемъ полугодіи мы увидимъ, какъ средневѣковыя нормы распались и какъ на развалинахъ феодализма образовались западно-европейскія государства.

ВОЗРОЖДЕНІЕ РИМСКАГО ПРАВА.

Процессъ образованія и развитія новаго права, какъ я уже говорилъ, сильно содѣйствовалъ, подобно процессу роста 3 сословій, устройству государственной власти на монархическомъ основаніи. Римское право является въ XYII в. для средневѣковыхъ людей въ видѣ какого-то новаго открытія, и даже откровенія. То, повидимому, случайное движеніе въ Болоньи, которое обратило вниманіе на изученіе древняго права и особенно на изученіе пандектъ Юстиніана, выражало потребности всего европейскаго общества. Изъ случайнаго университетскаго движенія, изъ попытки лучшихъ профессоровъ Булонскаго уни-

верситета оно мало-по-малу сдѣлалось господствующимъ юридическимъ явленіемъ, прошло по всѣмъ университетамъ, проникло во всѣ суды. Конечно, не вездѣ одинаково оно вошло въ жизнь и переработало туземные элементы; въ иныхъ мѣстахъ оно проявилось сильнѣе, въ иныхъ слабѣе, но все-таки съ нимъ приходится считаться, какъ съ движеніемъ широкимъ, не случайнымъ. Обратите вниманіе на внѣшнюю исторію; уже въ ней скажутся черты его внутренней силы, его развитія. Первоначальное отношеніе къ вновь открытымъ памятникамъ было прямо суевѣрное, передъ нимъ преклонялись и выразилось это въ томъ, что первая школа профессоровъ, занимавшихся этими памятниками, была скромная школа глоссаторовъ. Она прямо беретъ памятники, переписываетъ ихъ и на поляхъ дѣлаетъ поясненія, не рѣшаясь переработать это право, преобразовать его. Глосса собственно и характеризуетъ первый періодъ развитія римскаго права въ С Средніе вѣка -XI и XII вв. Представьте себѣ, къ чему сводилась работа ученыхъ и до какой степени она ограничена по идейному содержанію. Брали памятники быта, совершенно исчезнувшаго, чуждаго, брали развитыя, сложныя отношенія, построенныя на древнемъ рабствѣ и сложныхъ экономическихъ отношеніяхъ и все это переписывали выучивали наизусть и изрѣдка только пробовали глоссой |помѣткой на поляхъ| объяснить непонятное. Тѣмъ не менѣе даже на этой ступени, гдѣ право такъ далеко отъ жизненныхъ отношеній въ Средніе вѣка, даже и тутъ римское право пріобрѣтаетъ практическое значеніе. Юристы ломали себѣ голову надъ тѣмъ, какъ истолковать сложные институты римскаго права, какъ примѣнить ихъ къ современнымъ отношені-

ямъ и нѣкоторые изъ нихъ, истолкованные по отдѣльности, по одному переходятъ изъ университета въ суды. Въ Италіи въ XIII вѣкѣ дѣло дошло до того, что составилось общее положеніе: quod non agnoscit glossa, non agnoscit forum - чего не признаетъ глосса - не признаетъ и судъ. Въ примѣненіи римскаго права являются три элемента: во-первыхъ, матеріалъ, памятники, во вторыхъ, попытки примѣнить право къ судебнымъ рѣшеніямъ, въ третьихъ, глосса, своего рода толмачъ, позволяющій примѣнять римское право на практикѣ. Ученые юристы признаютъ и развиваютъ тотъ общій взглядъ, что римское право есть право отвлеченнаго, чистаго разума, совершенно пренебрегая и не понимая его исторической обстановки и развитія; они берутъ это право, какъ своего рода юридическую математику. Вотъ на какой точки зрѣнія стоятъ юристы - глоссаторы. Ratio scripta - вотъ опредѣленіе римскаго права въ этой суевѣрно поклоняющейся ему школѣ глоссаторовъ. Чѣмъ же объясняется это увлеченіе, гдѣ разгадка его; какое основаніе было у людей Среднихъ вѣковъ искать выхода такъ далеко отъ жизни? Тутъ нужно прямо войти въ разборъ внутреннихъ отношеній. Очевидно тутъ были нѣкоторыя общія идеи, важныя и привлекательныя. Въ подробности стали входить уже потомъ, когда уже прониклись важностью этой общей идеи. Изъ всѣхъ причинъ, которыя влекли юристовъ къ римскому праву, самой сильной была идея порядка и власти. Въ настоящее время приходится сдѣлать большое усиліе, чтобы вообразить себѣ, что эта идея представлялась тогда идеей божественной, къ которой стремились всѣ лучшіе люди. Но если вспомнить, въ какомъ состояніи находились тогда общественныя

отношенія, то станетъ яснымъ, почему идея власти единой, безспорной, нераздѣльной сосредоточенной въ рукахъ одного представителя права - императора, являлась особенно привлекательной. Общество только что выходило изъ разрозненности и безпорядка, гдѣ охрана частныхъ интересовъ предоставлена была частнымъ лицамъ, гдѣ государственная власть не заботилась объ ихъ неприкосновенности и безопасности. Развивая эту потребность, общество вновь и вновь сталкивалось съ необходимостью того, чтобы споры разрѣшались судомъ, а не войной, чтобы судъ былъ по существу, а не по формѣ только, чтобы судьей была не сторона, а сила, стоящая выше сторонъ. Все это навязывалось само собой въ силу насущной потребности. И вотъ юристы сталкивались съ отношеніями развитыми, съ сильной единой властью, съ строго опредѣленной системой; притомъ примѣненіе этой системы должно было высвободить другую идею, не менѣе важную, которую средневѣковые юристы уже понимали, но не находили возможнымъ примѣнить къ жизни. Если идея власти имѣла большое значеніе, то вторая идея, шедшая за ней и съ ней связанная, идея индивидуальности была также великой силой, способствовавшей распространенію римскаго права. Тутъ все построено съ великой полностью на идеи комбинаціи единой, сильной власти съ индивидуальными интересами и индивидуальной волей. Древнія, архаическія опредѣленія, которыми проникнуто старое право, право квиритовъ отпадаетъ въ jus gentium въ позднемъ римскомъ правѣ, въ пандектахъ Юстиніана. Всѣ разнообразныя правовыя отношенія выводятся изъ понятія воли каждаго отдѣльнаго человѣка и ея ограниченія общими, основными законами, это понятіе - одно изъ основныхъ въ наукѣ о

правѣ и къ нему уже стали приближаться средневѣковые люди , потому что хозяйственныя и политическія отношенія начинаютъ расширяться и завоевываютъ себѣ опредѣленное мѣсто. Дѣло въ томъ, что въ Средніе вѣка, хотя корпоративность имѣла уже большое значеніе, но являлась корпоративностью добровольной, не закрѣпленной закономъ и по мѣрѣ того, какъ падаютъ старыя основы, на которыхъ держалась эта обычная корпорація, падаетъ и сама корпорація. Сельская община, существовавшая во всемъ могуществѣ въ первую половину Среднихъ вѣковъ, во вторую - становится крѣпостной, а свободные элементы выходятъ изъ нея на почву индивидуальнаго владѣнія, индивидуальнаго приложенія капитала. Итакъ, мы стоимъ на рубежѣ разложенія общиннаго устройства. Въ городахъ благодаря все увеличивающемуся торговому обороту и все сильнѣе развивающейся личной предпріимчивости, начинается движеніе къ образованію личныхъ формъ. Въ самой жизни, такимъ образомъ, является живой запросъ на выясненіе идеи индивидуальности, запросъ который дѣйствовалъ рядомъ микрометрическихъ толчковъ, незамѣтный, поэтому, глухой, но тѣмъ не менѣе настойчивый. И тутъ то, на встрѣчу этому запросу времени является право, все сосредоточенное на развитіи этой идеи. Вотъ почему передовые люди восприняли этотъ матеріалъ съ такой жадностью. Понятное дѣло, что при такой обстановкѣ этотъ матеріалъ становится очень интереснымъ, становится одной изъ прогрессивныхъ силъ того времени. Такъ какъ около королевской власти, которая къ тому времени начала мало-по-малу складываться, образуется кружокъ грамотныхъ свѣдующихъ людей, то въ административныхъ кругахъ очень рано почувствовали важность этихъ идей и всѣ силы направили на проведеніе идей общей государственной власти и индивидуальности, ограниченной только общими законами. Государственная власть сознала

важность той помощи, которую она можетъ извлечь изъ римскаго права. Особенно живо и сильно выразилось это сознаніе въ исторіи имперіи. Фридрихъ II Барбаросса, въ своей борьбѣ съ феодалами, вызываетъ на помощь Болонскихъ докторовъ и требуетъ отъ нихъ опредѣленія правъ и полномочій государственной власти. И вотъ четыре юриста составляютъ ему грамоту, въ которой признаютъ за нимъ всѣ права римскихъ императоровъ. Въ этой грамотѣ ясно выражена идея абсолютной монархіи въ томъ видѣ, какъ она выработалась въ римской имперіи. Фридрихъ въ своей дѣятельности въ Сицилійскомъ королевствѣ также стремится къ единовластію и въ Мельфійскихъ постановленіяхъ въ предисловіи не забываетъ изложить теоретическія основы своей власти. Одинъ только государь въ состояніи встать выше всѣхъ и положить конецъ этой войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. |bellum omnium contra omnes|. Эти идеи и отношенія, ясно отразившіяся въ исторіи Италіи, переходятъ и въ другія государства, проникаютъ даже въ Англію.

Теперь, послѣ этой общей характеристики, мы остановимся на томъ, что произвело римское право во Франціи, какой оно имѣло эффектъ на французской почвѣ. Прежде всего замѣтимъ, что подъ вліяніемъ глоссы, во Франціи начинаетъ развиваться литература римскаго права; изъ всѣхъ итальянскихъ юристовъ наиболѣе распространены сочиненія Ацо. Но французскіе юристы сдѣлали свой вкладъ въ литературу римскаго права; начинаютъ появляться трактаты французскихъ юристовъ и особенно много такихъ толкованій римскаго права вышло въ царствованіи короля миротворца, Людовика IX.

Намъ особенно удобно прослѣдить за тѣмъ, какъ пытались ученые перенести отдѣльныя учрежденія римскаго права на средневѣковую почву. Характерна въ этомъ отношеніи одна работа, которую

ошибочно приписывают самому Людовику IX " Etablissements de St. Louis". Теперь доказано, что Людовикъ не былъ авторомъ этого сборника, это были не законы, изданные королемъ |только два первыхъ указа принадлежатъ ему|. Это работа двухъ юристовъ, работавшихъ для двухъ судовъ - Анжуйскаго и Орлеанскаго. И тотъ и другой считаются съ кутюмами той мѣстности, для которой онъ пишетъ; они обрабатываютъ туземное обычное право на основанiи права римскаго; тутъ говорится о единствѣ юрисдикцiи власти и подъ влiянiемъ римскаго права проходятъ въ законы отдѣльные сложные гражданскiе институты. Особенно заинтересованы юристы ученiемъ о владѣнiи. Это ученiе въ Среднiе вѣка очень отличается отъ римскаго; въ его корнѣ стояло положенiе о двойственности владѣнiя; всякая земля всегда находится во владѣнiи двухъ лицъ |„dominium directum" и „dominium utile"|. Это характерное ученiе, которое отличаетъ средневѣковое владѣнiе отъ римскаго. Но, знакомясь съ римской исторiей, французскiе юристыприходили къ выводу, что вся эта система двойного владѣнiя стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ положенiемъ, что землей можно владѣть только, какъ леномъ. Такимъ образомъ вся система проникнута идеей службы. Если отбросить эту идею, то остается излишекъ, который долженъ быть покрытъ римской теорiей, что владѣльцемъ является только одно лицо, что въ интересахъ общества признавать фактъ владѣнiя, пока этотъ фактъ не опровергнутъ. Это становится источникомъ важныхъ комбинацiй и въ средневѣковомъ и въ римскомъ правѣ. Смыслъ идеи таковъ: если государство, его судъ и власть находятъ человѣка въ фактѣ владѣнiя, то въ интересахъ государственнаго порядка прежде всего - защитить это владѣнiе отъ всякаго вторженiя,

иначе придется допустить самоуправство. Если кто-нибудь находитъ, что данное лицо владѣетъ незаконно, вслѣдствіе захвата или же ошибки и недоразумѣнія, то пусть онъ докажетъ свое право на судѣ. Но всякое насильственное вторженіе въ фактъ владѣнія - недопустимо и владѣющій долженъ быть отъ него обезпеченъ. Вопросъ права отдѣленъ отъ вопроса о фактѣ владѣнія. Владѣніе всегда и прежде всего защищено и только въ случаѣ надобности, предоставляется сторонѣ доказать по суду неправильность или незаконность факта владѣнія и судъ, а не сторона рѣшаетъ дѣло. Развивается ученіе объ охранѣ владѣнія съ точки зрѣнія уничтоженія самоуправства въ видѣ протеста противъ самоуправства и самовластія феодальнаго общества; это самовластіе должно быть подчинено извѣстному порядку. Рядомъ съ этимъ мы видимъ другую обстановку: кутюмы проникнуты идеей давности; эта идея очень сильна въ нихъ; однако, пониманіе ея въ римскомъ правѣ сильно разнится отъ кутюмовъ. Давность можетъ сама сдѣлаться основаніемъ права собственности; но когда наступаетъ это право? Чтобы, не ссылаясь ни на какой опредѣленный актъ, доказать свое право на извѣстный участокъ земли по праву кутюмовъ, владѣлецъ долженъ былъ доказать, что онъ сидѣлъ на этомъ участкѣ одинъ годъ и одинъ день; а для того, чтобы утверждать это по праву римскому, нужна тридцатилѣтняя давность. Чтобы создать такого рода владѣніе, которое можетъ перейти въ право собственности безъ формальныхъ актовъ, нужно просидѣть на землѣ 30 лѣтъ и эта тридцатилѣтняя давность вмѣстѣ съ римскимъ правомъ переходила въ кутюмы, вытѣсняя прежніе I годъ и I день.

Вотъ примѣръ того, какъ обычное право перерабатывалось подъ вліяніемъ римскаго. Но что было сдѣлано въ высшихъ учрежденіяхъ,

напр., въ королевскомъ судѣ, для того, чтобы принять римское право и дать ему ходъ? Надо сказать, что именно къ эпохѣ Людовика IX, ко второй половинѣ XIII вѣка, относится сильное развитіе королевской юрисдикціи и выдвигается руководящее значеніе Парижскаго парламента, который становится центральнымъ судебнымъ учрежденіемъ, куда король всѣми силами старается притянуть всѣ дѣла. Парламентъ устраивается и расчленяется на составныя части, части эти любопытны. Во первыхъ, любопытны самые церемоніалы парламентскаго суда. Всего торжественнѣе обставлена собственно феодальная часть суда - курія пэровъ французскаго короля, которая разбирала дѣла между высшими феодальными владѣтелями и вообще дѣла, въ которыхъ замѣшаны интересы высшей феодальной знати. Но въ дѣйствительности, на практикѣ эта Cour de pairs имѣетъ второстепенное значеніе, она собирается рѣдко и мало вліяетъ на жизнь парламента. Главной частью по существу нужно признать "grande chambre", это главная или, какъ назвали бы мы, судебная палата; она рѣшаетъ всевозможныя дѣла въ порядкѣ апелляціи. Это главный судъ по высшей инстанціи. Мы еще вернемся къ слѣдствіямъ этой апелляціи и королю, а теперь докончимъ характеристику отдѣльныхъ частей. Судебная палата дополняется двумя камерами: Enquêtes, наблюдающей за правильностью слѣдствія, и Requêtes, принимающей прошенія. Затѣмъ являются два финансовыхъ учрежденія: Cour des aides, завѣдующая платежомъ налоговъ и Cour des comptes - палата счетовъ, контрольная палата. Въ этой внѣшней организаціи особенно важны два учрежденія, основанныя одно на принципѣ апелляціи, другое на принципѣ слѣдствія. Апелляція порядокъ совершенно новый для Среднихъ вѣковъ, пересмотръ дѣла по существу въ феодальномъ порядкѣ не допускался. Феодальное судопроизводство все коренится

на идеѣ самостоятельности извѣстнаго судебнаго круга. Сюзеренъ и вассалы рѣшаютъ дѣла вассаловъ, дѣла сюзереновъ рѣшаютъ пэры; надъ сюзереномъ нѣтъ высшаго суда и только въ одномъ случаѣ является надъ нимъ высшій сюзеренъ - это когда пэры отказываютъ сеньору въ разборѣ дѣла. Нѣчто подобное мы видимъ и у насъ: рѣшеніе присяжныхъ не можетъ быть предусмотрѣно по существу. Это было господствующимъ правиломъ въ феодальной юрисдикціи; дѣло оставалось въ томъ же кругу, въ которомъ оно начато; это основано на томъ, что собственно королевскій судъ не есть кругъ высшій, потому что всѣ государи равны, и пересмотра, поэтому, быть не можетъ. А тутъ является "grande chambre", и это значитъ, что, подъ вліяніемъ развитія государственной власти и римскаго права существуетъ палата, пересматривающая дѣла, рѣшенныя въ судахъ провинціальныхъ и разсматривающая эти суды, какъ низшія инстанціи. Является возможность Appel comme d'abus: жалобы принимаются королемъ, въ силу изъятія, назначается пересмотръ въ порядкѣ слѣдствія. Такимъ образомъ положено начало инквизиціонному процессу. Устройство слѣдственнаго процесса является еще большимъ нововведеніемъ, еще болѣе таинственнымъ шагомъ впередъ, чѣмъ устройство апелляціи. Припомнимъ, въ какомъ видѣ представляется средневѣковое разслѣдованіе по феодальному праву. Общія отношенія средневѣковаго феодальнаго права были отношеніями чисто формальными. Государственная власть была еще такъ слаба и не могла думать о томъ, какъ разобрать сложныя обстоятельства, въ которыхъ совершилось преступленіе, чтобы вмѣшаться въ тонкія претензіи той или другой тяжущейся стороны. Поэтому и въ древнихъ процессахъ, которые относятся къ эпохѣ правдъ, и въ процессахъ феодальныхъ памятниковъ видимъ одинъ и тотъ же пріемъ: государство вступаетъ

въ дѣло для упорядоченія дѣйствій сторонъ, чтобы не допустить прямого столкновенія оружіемъ интересовъ, которые столкнулись въ юридическомъ отношеніи. Поставивъ стороны въ извѣстныя правильныя отношенія, оно предоставляетъ имъ самимъ разыгрывать процессъ между собой. Самымъ яркимъ выраженіемъ подобнаго формальнаго состязательнаго процесса служитъ судебный поединокъ, гдѣ роль государства слѣдить за честнымъ и правильнымъ ходомъ боя, опредѣлить выборъ оружія. Вторая форма - "судъ Божій"; тутъ роль государства опредѣлить, кого бросить съ моста въ воду или заставить брать горячее желѣзо. Это все рѣзкія и нелѣпыя формы, но къ нимъ сводится весь средневѣковой процессъ - ордаліи, поединокъ и соприсяжничество; случается когда судебныя власти, на основаніи слабыхъ признаковъ, рѣшаютъ по вѣроятности, что человѣкъ можетъ очиститься. Этотъ человѣкъ забираетъ съ собой своихъ родственниковъ, чтобы при ихъ помощи очиститься.

Вотъ всѣмъ этимъ порядкамъ наступаетъ время сойти со сцены. Въ XIII вѣкѣ пробуждается болѣе развитое сознаніе правового порядка. Въ связи съ этимъ является взглядъ, что государство обязано войти въ дѣло и употребить силу для возстановленія нарушеннаго права, изслѣдовать въ чемъ заключается правонарушеніе и кто въ немъ повиненъ. Тутъ приходится дѣлать розыски, разсматривать дѣло по существу, и государственная власть вступаетъ на эту дорогу. Чрезвычайные розыски - inquisitiones - начинаются уже при Карлѣ Великомъ. Каролингская эпоха первая ставитъ судопроизводство на болѣе или менѣе стойкую почву. Король вмѣшивается въ областной судъ и назначаетъ inquisitio, формально обставленное разслѣдованіе, - это комиссія, которая идетъ на мѣсто преступленія отъ лица императора и короля и вытягиваетъ все, что можно изъ мѣст-

ныхъ свидѣтелей, допрашиваетъ лучшихъ людей мѣстности. Вообще мы уже встрѣчаемся съ принципомъ вмѣшательства государственной власти въ частныя дѣла. Затѣмъ начинаются феодальныя неурядицы, принципъ государственной власти теряетъ свое значенiе и судебный поединокъ является самой обычной формой междоусобiй. Но вотъ въ XIII в. происходитъ перемѣна. Форма инквизицiоннаго процесса опять прiобрѣтаетъ живость, потому что и власть чувствуетъ себя сильнѣе и иначе понимаетъ свои задачи. Любопытно, что въ данномъ случаѣ дѣло пошло различно въ двухъ соприкасающихся странахъ. И во Францiи и въ Англiи въ XIII в. являются признаки примѣненiя этихъ inquisitiones ,т. е. слѣдственной процедуры, но она появляется въ Англiи нѣсколько раньше, затѣмъ во Францiи. Какъ она развилась? Толчекъ и тамъ и здѣсь одинаковъ: онъ дается королевской комиссiей. Въ силу королевскаго приказа созываются комиссары. Дѣло поступаетъ къ королевскимъ коммиссарамъ изъ парламентовъ, бальяжей. Около королевскихъ коммиссаровъ организуется слѣдствiе: они допрашиваютъ, разбираютъ дѣло по существу и ведутъ приблизительно такъ, какъ и теперь, распутываютъ его, проникаютъ въ суть, но затѣмъ обнаруживается серьозная разница съ теперешнимъ веденiемъ дѣла: и тѣ и другiе вызываютъ людей изъ данной мѣстности иначе и быть не можетъ. Но вызываютъ не только свидѣтелей: коммиссары - специалисты должны сперва орiентироваться въ данной мѣстности и потому вызываютъ мѣстность къ отвѣту по цѣлому ряду дѣлъ или по какому нибудь опредѣленному дѣлу. Но потомъ во Францiи по крайней мѣрѣ все дѣло сосредоточивается въ рукахъ королевскихъ юристовъ: они допрашиваютъ, снимаютъ показанiя, записываютъ ихъ, ставятъ заключенiя, однимъ словомъ, все дѣло они или рѣшаютъ сами, или, что случается очень часто, про-

токолы допросовъ, письменные документы и отчеты посылаютъ въ Парижъ и на основаніи актовъ дѣло разсматривается въ слѣдующемъ порядкѣ, а иногда и въ большой палатѣ, въ апелляціонной камерѣ, если почему либо считалось, что дѣло разобрано недостаточно, ибо апелляціонная камера - grande chambre - высшая судебная инстанція составлялась изъ лучшихъ юристовъ. Вотъ какъ во Франціи намѣчается инквизиціонная система стараго судопроизводства, то, что существуетъ и у насъ, т.е. дѣйствуютъ профессіональные юристы исключительно на свой страхъ и подъ своей отвѣтственностью, дѣйствуютъ на основаніи письменныхъ документовъ и иногда безъ всякой связи съ мѣстными палатами, въ которыхъ первоначально возникло дѣло.

Въ Англіи судопроизводство приняло другой оборотъ: теченія мѣстныхъ жителей, вызовъ людей свѣдующихъ, "понятыхъ" изъ данной мѣстности, привелъ къ образованію изъ нихъ кружка лицъ, которымъ королевскіе юристы ставятъ вопросы фактическіе, предоставляя себѣ юридическую сторону дѣла. Фактическій разборъ рано переходитъ въ руки мѣстныхъ жителей, которые лучше знакомы со всѣмъ, могутъ оріентироваться и должны замѣнить опредѣленное разслѣдованіе дѣла. И въ теперешнемъ судопроизводствѣ приходится встрѣчаться съ такимъ положеніемъ, въ которомъ сплошь и рядомъ при всемъ желаніи не могутъ добраться до точно установленной истины. Даже у насъ приходится рѣшать по вѣроятности, можно сказать, что вѣроятно одно предположеніе и другое. Коллегіи присяжныхъ приходится разрубить это дѣло; у насъ дѣло рѣшается большинствомъ, а въ Англіи единогласно, но это уже случайность. Основная идея та, что отвѣтственность за фактическое опредѣленіе и за разборъ дѣла лежитъ на кругѣ присяжныхъ, по

мѣсту, гдѣ совершилась ихъ присяга. Вотъ какъ рано обѣ націи выходятъ на свои отдѣльныя дороги. Въ одномъ случаѣ намѣчается въ этой сферѣ суда монополія ученыхъ юристовъ, а въ другой взаимодѣйствіе между государственной властью и землею, земской единицей, которая рѣшаетъ вопросы фактическіе. Такимъ образомъ мы видимъ, что XIII в. является существеннымъ въ выработкѣ государственной власти и ея аттрибутовъ. Въ концѣ вѣка, при Филиппѣ IУ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ явленій, интересныхъ потому, что они представляютъ новую стадію развитія государственной власти, характеризуетъ возникновеніе новой системы питанія государства, устройства его матеріальныхъ средствъ. Это уже встрѣчалось и прежде, извѣстный результатъ въ этомъ отношеніи достигнутъ и при Людовигѣ IX, но всего ярче выступаетъ онъ при Филиппѣ Красивомъ.

ФИЛИППЪ IУ КРАСИВЫЙ. Перехожу къ характеристикѣ указанныхъ явленій. Опять мы встрѣчаемся съ медленной выработкой понятій, съ которыми мы такъ свыклись, что не можемъ жить безъ нихъ, и какъ безъ воздуха.

Всѣ мы привыкли представлять государство, какъ такое тѣло, которое должно поддерживаться обществомъ. Мы увидимъ, какъ медленно эта мысль возникаетъ и постепенно развивается въ обществѣ. Лучше всего для оцѣнки движенія посмотрѣть, что представляютъ матеріальныя средства французскаго короля въ то время, когда онъ еще феодальный помѣщикъ. Доходы его по существу, почти исключительно доходы помѣщичьи. Насколько богатъ онъ, какъ помѣщикъ, настолько богатъ онъ, какъ король. Отъ своихъ приказчиковъ онъ получаетъ взносы вилланов, доходы съ лѣсовъ, съ хлѣ-

ба, съ выгоновъ. Затѣмъ въ его пользу идетъ извѣстное количество казуальныхъ правъ, вытекающихъ изъ того, что у него, какъ сюзерена, есть вассалы. Умретъ вассалъ, наслѣдникъ заплатитъ инвеституру; если у умершаго останется дочь, заплатитъ брачный налогъ; если останится малолѣтній наслѣдникъ, то сюзеренъ вступаетъ во временное управленіе леномъ. Нѣкоторыя казуальныя права выступаютъ при различныхъ случаяхъ въ его собственной жизни: онъ проситъ и требуетъ субсидій отъ вассаловъ, если сынъ его становится рыцаремъ, если дочь выходитъ замужъ, если онъ отправляется въ крестовый походъ, если онъ попадаетъ въ плѣнъ. Это - неправильная финансовая система, и въ случаѣ общей войны, политическаго акта, который требуетъ большихъ затратъ, онъ долженъ обратиться за добровольными пожертвованіями къ тѣмъ лицамъ, которыя составляютъ вмѣстѣ съ нимъ государственную власть въ государствѣ. Вѣдь онъ не единственный представитель государства. Государство представляетъ рядъ областей, и онъ долженъ убѣдить всѣхъ представителей областныхъ управленій помочь ему, сдѣлать извѣстную затрату. Первое основаніе общей субсидіи - она выходитъ изъ общаго согласія лицъ, которыя представляютъ областную государственную власть.

Кромѣ этой системы матеріальныхъ правъ и выгодъ, есть еще такія, которыя вытекаютъ не изъ феодальныхъ учрежденій, а изъ того обстоятельства, что король признаетъ ихъ своей монополіей - это регаліи [regalia]. Регаліи - странная вещь, въ нихъ смѣшиваются и важныя и неважныя права, это рядъ правъ, которымъ нельзя подыскать аналогичныхъ. Напр., у короля есть исключительное право добывать соль не въ своихъ земляхъ. Если онъ силенъ, то

может быть добьется осуществленія права на полученіе всякаго осетра, котораго поймают во французских водах. Но со всём тём из этих регалій много денег не извлечешь. Зато очень важной регаліей является право покровительства евреям. Евреи - класс, живущій в государствѣ, благодаря терпимости и терпимости первой государственной власти - короля. Из этого вытекает ряд послѣдствій, выгодных для королевской власти. Обыкновенная исторія еврейства - исторія изгнанія и возвращенія права жить за большую сумму денег. Лѣт 20, 30 евреи живут спокойно, отправляют свои ремесла [банкиров, заимодавцев, ростовщиков]; одним словом спеціализируются на денежных дѣлах, наживают капиталы и вдруг король находит, что настало время их выжить. Их гонят при чем конфискуется все имущество, которое можно захватить. Затѣм начинаются переговоры, позволяют снова вернуться, при чем они опять поступают под покровительства короля. Есть особая форма взысканія долга через короля, долгов, которых сами евреи не могут взыскать. Все это основано на началѣ своего рода терпимости: король допускает временно по своему христіанскому милосердію и благодушію такой класс, который не имѣет законнаго основанія на существованіе.

Нѣкоторые еретики, тоже из за временной терпимости платят опредѣленные взносы, потому что еще не обращены в истинную вѣру. В случаѣ всякой капитальной конфискаціи у еретиков, изгнанія и приведенія в вѣру, имущество получает не церковь, а

король. Вотъ что между прочимъ, осложняетъ исторію южной инквизиціи. Дѣйствія инквизиціи противъ альбигойцевъ находятся подъ двоякимъ вліяніемъ, - съ одной стороны подъ вліяніемъ доминиканскаго ордена, который представляетъ интересъ церкви и безъ пощадъ примѣняетъ способъ церковной инквизиціи, съ другой стороны у короля есть свои интересы, и они заставляютъ иногда щадить евреевъ и не сразу опустошать сторону. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ставили статуи королевскимъ коммиссарамъ, которые умѣряли пылкія церковныя преслѣдованія. Но основная идея - могущество еретиковъ - регалія короля. Этимъ объясняется вмѣшательство Филиппа Красиваго въ процессъ Тампліеровъ. Филиппъ IУ Красивый былъ заинтересованъ въ процессѣ Тампліеровъ съ фискальной стороны. Тампліеры въ концѣ XIII вѣка стали конкуррировать съ евреями въ финансовомъ отношеніи. Они имѣли укрѣпленные замки въ разныхъ странахъ, обладали большимъ количествомъ золота, драгоцѣнныхъ камней, складами товаровъ, которые являются обезпеченіемъ банкирскихъ векселей, чековъ. Чекъ оплачивается въ Парижѣ, а выдается въ Лондонѣ. Именно система банкирскихъ тратъ начинаетъ развиваться въ это время, благодаря Тампліерамъ, а затѣмъ итальянскимъ купцамъ, "Ломбардамъ", какъ ихъ называли. Самое названіе "Ломбардъ" взято изъ преобладавшей дѣятельности итальянскихъ купцовъ. У Тампліеровъ по всѣмъ странамъ Европы были большіе запасы, на которые королевская власть смотрѣла съ завитью, какъ голодный бѣднякъ, - предпріятія большія, а денегъ нѣтъ. Поэтому Филиппъ Красивый интересовался конфискаціей имущества Тампліеровъ и всѣми силами раздувалъ процессъ Тампліеровъ изъ за ереси, занесенной ими съ Востока. Помимо обыкновенныхъ феодальныхъ средствъ существовалъ рядъ чрезвычайныхъ

доходовъ, которые отличаются разрозненностью и случайностью. Это не постоянные доходы, на нихъ нельзя всегда расчитывать, да и удавалось достать столько денегъ, чтобы удовлетворить всѣ потребности государства, особенно все разгоравшуюся борьбу съ Англiей. При Филиппѣ IV это первое дѣло. Борьба все разгорается на юго-западѣ въ Гiенѣ и на сѣверѣ во Фландрiи. Государство страшно голодно, нуждается въ деньгахъ, въ своей пищѣ и желаетъ создать себѣ правильный притокъ питательныхъ веществъ въ свои кассы. Исторiя Филиппа Красиваго иллюстрируетъ весь этотъ процессъ. Онъ постоянно обращается съ просьбами къ извѣстному лицу за денежной помощью. Эта система основывалась на средневѣковомъ понятiи, что король ничего не можетъ взять насильно, безъ согласiя, а долженъ просить. До насъ дошелъ любопытный документъ - рукопись письма къ Руанскому богатому купцу Круассону. Письмо замѣчательное по своей наивности: король начинаетъ очень мягко, много-де нужно ему тратить на великое дѣло, на борьбу съ англичанами изъ своей казны. Подданные на это не должны смотрѣть равнодушно, какъ на дѣло неважное, потому что король ихъ охраняетъ. Письмо оканчивается такими словами: "и мы васъ просимъ съ величайшей настоятельностью, дайте намъ въ займы 100 фунтовъ, мы воспользуемся ими tournois (?) для веденiя войны, и такимъ образомъ мы поможемъ вамъ, а не вы намъ, если вы не откажете въ займѣ, то мы при случаѣ покажемъ вамъ, что наша милость имѣетъ извѣстное значенiе". По тому же поводу ведутся переговоры съ цѣлыми городами, городъ торгуется, ссылается на грамоты, мало-по-малу приходятъ къ компромиссу, при чемъ король обѣщаетъ, что таково побора больше не повторится. Въ слѣдующемъ году повторяется та же комедiя. Такова участь большею частью

Фландрскихъ городовъ. Подобно этому идутъ переговоры съ феодальными владѣльцами, людьми меча, людьми привиллегированными. король менѣе всего затрогиваетъ их привиллегіи; обыкновенно онъ старается подбить вассала на новые налоги и раздѣлить ихъ съ нимъ: половину или 2/3 возьметъ себѣ феодалъ, а остальное достанется королю. Всѣ эти отдѣльные случаи своего рода предисловіе къ болѣе общимъ переговорамъ, которые ведутся съ цѣлыми сословіями и даже съ генеральными штатами", какъ стали выражаться при Филиппѣ Красивомъ. Переговоры съ сословіями ведутся такимъ образомъ: въ Парижѣ созываютъ представителей городовъ, крупнѣйшихъ феодаловъ,духовныхъ лицъ. Король излагаетъ положеніе дѣлъ, нужды государства и проситъ помощи. Собраніе само измышляетъ способы взысканія денегъ. Къ началу XIУ вѣка изъ необходимости для короля собирать подмогу вырабатывается общая система государственныхъ чиновъ и штатовъ. Трудно сказать, когда они впервые были созваны. Долго считали таковымъ годомъ 1302, годъ упорнаго столкновенія короля и папы, когда король обратился за помощью къ Штатамъ. Но научно установить эту цифру, какъ дату, нельзя. Въ сущности уже въ концѣ XIII вѣка намѣчаются собранія, гдѣ мы видимъ всѣ три сословія, представителей и аристократіи, и духовенства, и городовъ. Случайно найденная грамота указываетъ на собраніе ихъ представителей въ 1288 г. Во всякомъ случаѣ существенная идея заключается въ томъ, что, когда для Франціи, какъ совокупности феодальныхъ учрежденій, необходима постоянная денежная помощь, то нѣтъ другого выхода, какъ спросить всѣхъ представителей государственной власти. Поэтому монархическая власть обращается къ конгрессу, который представляетъ федерацію всѣхъ отдѣльныхъ частей Франціи съ ея

разрозненой государственной властью. И баронъ является не какъ представитель аристократіи, а какъ отчуждающій отъ нея въ пользу короля государственную власть; въ лицѣ епископа или аббата выступаетъ епископство или аббатство; городъ посылаетъ въ качествѣ депутатовъ для представительства голову или членовъ городского управленія. Такимъ образомъ тутъ зарождается подъ непосредственнымъ давленіемъ вопроса о матеріальныхъ средствахъ учрежденіе, которое соотвѣтствуетъ англійскому парламенту. Но что же вышло изъ этого учрежденія? Почему ему не удалось выработаться въ такое учрежденіе, какъ англійскій парламентъ?

ГОРОДСКАЯ СИСТЕМА.

Относительно средневѣковой городской системы мы имѣемъ нѣсколько теорій. Существуютъ въ этомъ отношеніи, собственно, пять главныхъ теченій. Одна школа старается связать характерныя средневѣковыя учрежденія съ римскимъ городскимъ устройствомъ. Другіе видятъ въ средневѣковомъ городѣ видоизмѣненіе германскихъ вѣчевыхъ порядковъ. Въ противоположность этимъ теоріямъ пріурочивали происхожденіе городскихъ учрежденій къ условіямъ момента, въ которомъ они появились, т.е. къ XI и XII вв. Хотя вниманіе и остановилось на условіяхъ момента, но и тутъ изслѣдователи расходятся. Одни полагаютъ, что произошло столкновеніе между сеньорами и горожанами. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія торговыхъ сношеній горожане разбогатѣли, пріобрѣли извѣстное состояніе и положеніе въ городѣ; между тѣмъ бароны не хотѣли дѣлать ни какого различія между сельскими жителями и горожанами, они всѣхъ одинаково считали своими вилланами. Возникла борьба между сеньорами и тѣми группами горожанъ,

которыя успѣли сплотиться болѣе или менѣе прочно, благодаря близости интересовъ; таковы торговыя корпораціи , ремесленные цехи. Борьба между баронами и горожанами кончилась установленіемъ свободы; такимъ образомъ, коммунальное движеніе привело къ установленію республиканскихъ грамотъ.

Другіе изслѣдователи не думаютъ, что городскія учрежденія и свобода приводятъ къ республиканскимъ вольностямъ. Дѣло не въ борьбѣ, а въ извѣстномъ соглашеніи на обоюдныхъ экономическихъ выгодахъ. Сеньоръ выигрывалъ отъ роста благосостоянія города, а для благосостоянія и процвѣтанія промышленности нужна извѣстная свобода и самостоятельность.

Наконецъ нѣкоторые полагаютъ, что центръ образованія свободы въ стѣнахъ города. Городъ получаетъ извѣстную самостоятельность, потому что онъ представляетъ изъ себя укрѣпленное мѣсто. Въ городъ входятъ военные элементы, окрестные рыцари, помѣщики со своими отрядами.

Вотъ тѣ пять теорій, которыя я уже изложилъ въ прошедшій разъ. Теперь, подводя итоги и излагая систематически свой взглядъ я долженъ сказать, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ рѣзкій примѣръ того, что другъ за другомъ относительно одного и того же вопроса появляются теоріи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое относительное значеніе, каждая вѣрно отмѣчаетъ ту или другую черту, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая грѣшитъ односторонностью, пренебрегаетъ остальными соображеніями, подрубаетъ факты, чтобы уложить весь матеріалъ въ очень узкое русло одного мнѣнія. Съ этой точки зрѣнія мы встрѣчаемся со всѣми этими теоріями, но каждую придется сузить и ограничить, потому что очень часто результаты

зависятъ отъ влiянiя всѣхъ этихъ факторовъ въ совокупности, часто въ однѣхъ странахъ имѣютъ влiянiе одни факторы, въ другихъ - другiе.

Начнемъ съ наиболѣе ранняго объясненiя, которое считается съ факторами архаическими, которые сближаютъ городское самоуправленiе въ Среднiе вѣка съ римскимъ. Какъ вы знаете, Савиньи утверждаетъ, что есть непосредственное преемство учрежденiй; пытается замѣтить традицiю порядковъ отъ У до XII вв.

Надо сказать, что въ этомъ отношенiи его аргументацiя не удалась, и теорiя романизацiи потерпѣла полное крушенiе. Не оказалось ни одного явленiя, которое могло бы быть прослѣжено съ римскаго времени до XII вѣка, и приходится сказать, что вслѣдствiе варварскаго завоеванiя городскiя учрежденiя погибли въ этомъ промежуткѣ; они погибли частью насильственной смертью, частью же вымерли, выдохлись. Вездѣ городская самостоятельность была замѣнена или германскими порядками или единоличной властью. Губернаторская, аристократическая власть графовъ и герцоговъ взяла верхъ повсюду, и римскiя учрежденiя умерли, и прежде всего - комицiи.

Мы привыкли представлять себѣ самоуправляющiйся римскiй городъ въ трехъ выраженiяхъ: 1] комицiи [народное собранiе], 2] курiя или сенатъ и 3] выборные магистраты. По всѣмъ этимъ тремъ пунктамъ Савиньи пробовалъ слѣдить за традицiями, но нить оборвалась. Народныя собранiя перестали существовать уже ко второму вѣку; они вымерли вслѣдствiе перерожденiя всего римскаго строя; имперiя всюду вытѣсняла демократическiй элементъ, замѣняя его аристократiей, такимъ образомъ и въ комицiяхъ демократическiй элементъ былъ постепенно вытѣсненъ. Нѣкоторое время принципъ народнаго избранiя возрождается, благодаря древней организацiи хри-

стіанства - приходъ и городъ выбираютъ священника. Но и въ этомъ отношеніи включеніе церкви въ механизмъ римской имперіи приводитъ къ тому, что эти выборы теряютъ значеніе. Хотя въ формулѣ избранія и значится clero, ordine et populo, но это стало со временемъ только канцелярской формой. Фактическое участіе народа въ избраніи становится все слабѣе и особенно рѣзко обозначилось это послѣ вторженія варваровъ. Вообще комиціонныя традиціи порвались въ административныхъ отношеніи еще въ римской исторіи, а въ церковномъ - уже въ первые вѣка христіанства.

Сенатъ представлялъ изъ себя совѣтъ городскихъ домовладѣльцевъ и окрестныхъ землевладѣльцевъ. Сенатъ вытѣсняется и погибаетъ въ эпоху варварскую. Онъ страдаетъ отъ того, что, вслѣдствіе наплыва варваровъ, жители города уходятъ въ деревню. Въ городѣ живутъ уже не самые влiятельные; а эти, если и пріѣзжаютъ въ городъ, то не въ немъ ихъ главные интересы. Обрываются всѣ культурные связи, которые тянутъ деревню къ городу и сенатъ, какъ учрежденіе, теряетъ свой смыслъ. Съ этимъ же связано и вырожденіе германскаго порядка. Надо замѣтить, что германцы не возродили курію въ городѣ, а, напротивъ, разложили ее. На мѣсто куріи сталъ графъ - губернаторъ, причемъ ему во многихъ случаяхъ приходится считаться съ епископомъ, а самостоятельныхъ городскихъ организацій мы не видимъ въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. На то, какъ мало значенія имѣли сохранявшіеся долго канцелярскія формы, указываетъ исторія формулы: clero, ordine et populo. Савиньи цитируетъ и ссылается на нее постоянно, несмотря на то, что формула эта продолжаетъ существовать исключительно канцелярскимъ способомъ. Она переписывается писцами изъ одной грамоты въ другую, несмотря на то, что отношенія измѣнились. И это не личное мое пред-

положеніе, это можно доказать на примѣрѣ, совершенно опровергающемъ теорію Савиньи. Дѣло касается избранія епископа у Турингов ъ. Грамота объ избраніи говоритъ, что епископъ избранъ clero, ordine et populo. Несомнѣнно, что гораздо раньше въ городахъ существовала куріальная организація, но въ данномъ случаѣ эта формула - пустой звукъ, потому что у Турингов ъ не было куріальной организаціи.

Не болѣе значенія имѣла римская традиція и по отношенію къ исполнительной власти. Мы не видимъ ни дуумвировъ, ни кватуорвировъ; представителями исполнительной власти являются консулы. Это наводитъ на мысль, не римскіе ли это консула, не римская ли традиція. Но то обстоятельство, что консулы исчезли въ городахъ еще въ римскую эпоху, заставляетъ усумниться въ томъ, чтобы это была традиція римскихъ учрежденій. Оказывается, что это только преемственность выраженій, оживленіе терминовъ въ воспоминаніе о знаменитомъ римскомъ консульствѣ. Наконецъ, въ Средніе Вѣка никогда почти не было 2 консуловъ, всегда бывало по 6, 8 и даже по 12. Они были обыкновенно представителями сословій и кварталовъ въ городѣ, т. е. представителями города, какъ федеративной единицы.

Римская традиція по отношенію къ политическимъ учрежденіямъ тоже прерывается; слѣдовательно и въ этомъ отношеніи критика теоріи Савиньи - отрицательна. Не значитъ ли это, что все характерное развитіе формъ римской жизни произошло даромъ для Средневѣкового міра, не оставивъ въ немъ никакого слѣда? Такое предположеніе было бы ошибочно. Вѣдь, помимо традиціи учрежденій нужно считаться съ преемственностью занятій и соціальныхъ условій. Мы видимъ сосредоточеніе населенія въ свободныхъ городахъ Италіи, Франціи и Германіи совершилось еще въ эпоху древняго міра. Слѣды

древняго сосредоточенія мы находимъ даже въ Англіи, но тамъ это выражается не такъ рѣзко. Очень характерны факты Германской исторіи. Тутъ мы находимся на почвѣ, гдѣ менѣе всего ожидалось бы римское вліяніе. Мы видѣли, что почти всѣ крупные центры образовались не подъ вліяніемъ чисто германскаго развитія, а были уже намѣчены въ римское время. Города по Рейну и Дунаю даютъ, такъ сказать, толчекъ дальнѣйшему городскому развитію; они имѣютъ руководящее значеніе въ исторіи развитія средневѣковой городской свободы. Таковы: Кельнъ, Тріеръ, Майнцъ, Аугсбургъ, Регенсбургъ, Вормсъ, Кобленцъ. Все это уже сложившіеся, могущественныя города уже въ римскую эпоху; но даже и другіе, и второстепенные города по Дунаю и Рейну имѣли корни своего благосостоянія въ имперіи.

Въ послѣднее время предпринятъ цѣлый рядъ изслѣдованій, которыя показываютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двоякаго рода преемственностью. Съ одной стороны преемственность въ распредѣленіи населенія въ пользованіи путями. Римская колонизація дала зерно для образованія городовъ. Въ исторіи развитія городской свободы мало значенія имѣли города, возникшіе благодаря германской колонизаціи; они начинаютъ играть роль только тогда, когда муниципальный строй уже сложился. Всѣ ранніе свободные города имѣютъ римскую основу и поэтому не какой-нибудь Любекъ, не Гамбургъ, не Магдебургъ, не города сѣверной и центральной Германіи ведутъ исторіи муниципальнаго развитія, а безусловно города по Рейну, а потомъ отчасти и Дунайская линія. Тутъ лежали два большихъ пути въ Италію, и города по этимъ рѣкамъ - складочные пункты товаровъ. Поэтому ихъ возникновеніе и вліяніе есть отчасти явленіе параллельное возникновенію и вліянію городовъ Ломбардскихъ. Обыкновено Ломбардскіе города выдвигаются, какъ нѣчто особое, меж-

ду тѣмъ какъ вся исторія коммунальнаго движенія полна взаимодѣйствія между Ломбардскими городами съ одной стороны и Рейнскими и Дунайскими - съ другой. Эта дорога черезъ Альпы, Дунай и Рейнъ имѣла исключительное и важное значеніе и только съ открытіемъ Америки значеніе ея поколебалось. -

Другія наблюденія, еще болѣе микроскопическія, показываютъ, что организація торговыхъ корпорацій и цеховъ восходитъ къ римскому вліянію. Въ древнѣйшихъ доступныхъ намъ памятникахъ мы ясно видимъ слѣды римскихъ коллегіальныхъ порядковъ. Такимъ образомъ, мы должны сказать, что соціальный составъ, направленіе торговли, хозяйственныя привычки, зарожденіе экономическаго могущества восходятъ къ очень древней эпохѣ, къ римскому времени.

Теперь посмотримъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ другой теоріи, которая приводитъ все къ германскому вліянію. Прошло ли безслѣдно германское вліяніе для городского движенія или и оно сдѣлало свой вкладъ? И тутъ, какъ и въ предыдущей теоріи приходится начать съ отрицательнаго наблюденія. Если понимать германское вліяніе въ томъ смыслѣ, что возводить традиціи къ Тациту, то мы покажемъ на неудобную дорогу и принуждены будемъ остановиться или за недостаточностью источниковъ, или даже за противорѣчіемъ въ нихъ.

Германское вѣче разложилось безъ остатка не только въ центральныхъ учрежденіяхъ, но даже и въ областныхъ. Но есть слѣды преемственности учрежденій, не соціальныхъ и экономическихъ, но происходящихъ отъ порядка управленія судебной сотней. Судебная Сотня дала вкладъ въ городскія средневѣковыя учрежденія. Даже терминъ echevins [Каролингскій scabinus - засѣдатель] унаслѣдованъ отъ того времени, когда судила сотня. Какъ совокупность

представителей всѣхъ свободныхъ людей, сотня распалась, но оставила послѣ себя скабинатъ. Въ германскихъ вольныхъ городахъ есть учрежденіе, которое именуетъ связь городского устройства не только съ сотней, но и съ графствомъ. Выборнымъ городскимъ головой является графъ Burggraf I. Burggraf переходитъ въ городъ сначала въ качествѣ самостоятельнаго намѣстника, а потомъ становится выборнымъ головой. Преемственность есть, но она ограничена внѣшними учрежденіями. Нельзя объяснять городской свободы тѣмъ, что въ XI и XII вв. передались германскія учрежденія. Но если не было прямой преемственности, то отчего же формы эти, погибшія въ VIII и IX вв. оживились въ XI и XII вв.? Дѣло въ томъ, что никакая теорія возникновенія городской свободы не будетъ имѣть значенія, пока она опирается на непрерывную традицію. Вѣдь, традиція прямо указываетъ на вымираніе, исчезновеніе извѣстныхъ элементовъ, которые впослѣдствіе вновь появляются въ новой обстановкѣ и съ иными силами. Очевидно тутъ имѣли вліяніе спе

надъ фактами, которые могли дать толчекъ этимъ засохшимъ элементамъ, мы наталкиваемся прежде всего на одно условіе: мы видимъ страшную неурядицу феодальной эпохи, набѣги иноземныхъ племенъ: Норманновъ съ сѣвера, Сарацинъ съ юга, Венгровъ съ востока - все это вмѣстѣ страшно разоряло страну. Среднюю и Западную Европу грабятъ и приводятъ населеніе въ такое состояніе, что нѣтъ никакихъ шансовъ на возрожденіе порядковъ цивилизаціи и государственной власти. Неуклюжія народныя ополченія разбиваются, потому что нѣтъ единства. И вотъ является стремленіе замкнуться, сплотиться во единое хоть немногимъ, но крѣпко, укрѣпиться на мѣстахъ. Всѣ государи того времени и Альфредъ Великій и Генрихъ Птицеловъ и Эд. приходятъ къ тому мнѣнію, что надо от-

стаиваться, не слишкомъ обременяя народъ, не собирая ополченій, часто безполезныхъ, укрѣпляясь на мѣстахъ. Это былъ главный отвѣтъ на нападенія кочевниковъ; они не умѣлы въ осадѣ, они, какъ вода, набѣгаютъ и, какъ вода, отливаютъ назадъ, встрѣтивъ препятствіе. Вездѣ начинается работа укрѣпленія и она связана съ процессомъ централизаціи, съ процессомъ до нѣкоторой степени обратнымъ тому, что мы видѣли въ началѣ Среднихъ вѣковъ. Тамъ мы наблюдали отливъ военнаго населенія изъ города въ деревню, гдѣ привольнѣе, тутъ же наоборотъ, подъ вліяніемъ Нормандскаго страха военные элементы втягиваются въ городъ въ различныхъ формахъ, но систематически. Въ Англіи, напримѣръ, видимъ, что между городами и окрестными помѣщиками заключается договоръ или соглашеніе, чтобы каждый помѣщикъ держалъ наготовѣ извѣстный военный отрядъ. Городъ, такимъ образомъ, принимаетъ своеобразный видъ, завязываются тѣсныя связи между городомъ и окружающими его помѣщиками. Англійскій городъ X и XI вв. не принадлежитъ обыкновенно одному сеньору, а 5 или 6 имѣютъ въ немъ большія доли; у каждаго изъ нихъ есть вассалы, есть въ городѣ домъ, лагерь, у каждаго подъ надзоромъ и охраной часть городской стѣны. Вслѣдствіе этого мѣняется сословный составъ города. Мы и раньше знали, что составъ итальянскихъ городовъ далеко не былъ демократическимъ, въ немъ былъ очень силенъ военный рыцарскій элементъ. Напримѣръ, въ Миланѣ городскіе жители - это третій классъ, а надъ ними стоятъ capitanes, т.е. крупные военные люди - рыцари и министерьялы, мелкіе воины - vavassores. То же мы видимъ и въ южно-французскихъ городахъ; охрана распредѣляется между жите-

лями и рыцари имѣютъ преимущества. Вотъ элементы, возникшіе подъ спеціальнымъ вліяніемъ IX и X вв.

Военное вліяніе на образованіе города до нѣкоторой степени предшествовало вліянію торговли не въ томъ смыслѣ, что городъ первоначально военная или торговая единица, но торговля развивается и становится факторомъ, вліяющимъ на городскія учрежденія позже, чѣмъ условія военнаго характера. Именно съ IX в. мы замѣчаемъ такого рода процессъ: феодализмъ установился, общество разбилось на тѣ формы, которыя въ то время были наиболѣе цѣлесообразны, и прикрылось феодальными бароніями, княжествами, создало защиту, организовало порядокъ, хотя и не особенно удовлетворительный, но во всякомъ случаѣ порядокъ. Подъ вліяніемъ этихъ отношеній начало оживляться общественное благосостояніе, началась работа съ раздѣленіемъ труда, оживился обмѣнъ, пріобрѣтены запасные капиталы и средства, - работа очень медленная, едва замѣтная въ X вѣкѣ; тѣмъ болѣе, что это вѣкъ голодовокъ, моровъ и несчастій, вѣкъ скудости, слабости и болѣзней въ европейскомъ обществѣ. Въ XI в. чувствуется, что люди немного устроились и отстоялись, что они раздѣлили трудъ и обмѣниваются продуктами. Является соціальный вопросъ о дальнѣйшемъ устройствѣ этой массы. Онъ исходитъ изъ основного положенія зависимаго населенія феодальной эпохи. Зависимое населеніе отдано беззащитнымъ въ руки сеньора. Если онъ не истребляетъ своихъ вилланов, то потому что они ему дороги такъ же, какъ дороги его быки, его постройки, какъ средства для добыванія дохода и онъ ихъ не истребляетъ изъ хозяйственнаго расчета, который ограничиваетъ его алчность. Тутъ мы попадаемъ на дорогу, ко-

торая ведетъ къ мѣстнымъ улучшеніямъ быта прежде всего въ городахъ, и не въ однихъ только городахъ. Не слѣдуетъ себѣ представлять, что городская свобода возникла вслѣдствіе отсутствія свободы въ деревняхъ. Движеніе это общее и захватываетъ также и деревню. Оно складывается изъ двухъ факторовъ, накопленія средствъ у подчиненныхъ и хозяйственныхъ разсчетовъ, сознаніе своихъ интересовъ у господъ. Накопленіе средствъ совершалось у зависимаго населенія путемъ установленія извѣстнаго опредѣленнаго платежа.

Особенность феодализма заключается въ томъ, что безправное населеніе эксплоатируется не такъ, какъ рабское. Рабъ - простое орудіе. Зависимый человѣкъ, крѣпостной отдаетъ большую часть достатка господамъ, но этотъ оброчникъ и барщинникъ, работаетъ и для себя, имѣетъ домъ, рабочія орудія, словомъ оставляетъ извѣстную часть себѣ. Размѣръ, отдѣляемый въ пользу господъ части опредѣляется обычаемъ, который пріобрѣтаетъ все большую силу вслѣдствіе своей давности. Чѣмъ больше онъ существуетъ, тѣмъ обязательнѣе. Благодаря этому обычаю и отдѣльному положенію отъ господъ, крестьянство прикрывается, какъ стѣною, извѣстнымъ опредѣленнымъ размѣромъ всей податной суммы. Населеніе растетъ сильно увеличивается, а повинности остаются обычными, и весь приростъ благосостоянія въ значительной степени остается выгоднымъ для зависимаго населенія. Обычная норма долго предохраняетъ населеніе отъ крайней эксплоатаціи, которая, такъ сказать, дошла бы до дна. Такая норма является важнымъ способомъ распредѣленія прибыли и заработка. Господствующіе классы начинаютъ замѣ-

чать, что отъ этого прироста и для нихъ выгода и притомъ большая, чѣмъ отъ простой безпощадной эксплоатаціи, когда у виллана отнимается все. Это и невозможно и никто такъ не дѣлаетъ, если исключить отдѣльные капризы и произволъ отдѣльныхъ лицъ. Является такого рода меліоративная политика, которая составляетъ характерный признакъ Среднихъ вѣковъ [особенно XI и XII вв.]. Напр. сеньоръ владѣетъ большимъ помѣстьемъ, съ большими болотами и лѣсами; дохода нѣтъ отъ нихъ никакого. Онъ привлекаетъ колонистовъ, открываетъ hostise [hospitalitas - гостепріимство] [во Франціи], обѣщаетъ льготныя условія населенію, если они возьмутся поднять доходность съ этихъ мѣстъ. Съ этимъ явленіемъ встрѣчаемся мы въ эпоху усиленной колонизаціи восточной Германіи. Помѣщика заставляетъ призывать своихъ единоземцевъ съ одной стороны то соображеніе, что эти послѣдніе упрочатъ его власть, съ другой - хозяйственный интересъ, такъ какъ нѣмецкій колонистъ работаетъ лучше. Но не только въ восточной Германіи, - во всей Западной Европѣ, и во Франціи, и въ Западной Германіи, и въ Италіи - вездѣ мы встрѣтимъ меліоративную колонизацію, которая ставитъ крестьянина въ сравнительно хорошія условія: ему обѣщаютъ брать съ него умѣренный оброкъ, и большею частью сдерживаютъ это обѣщаніе. Это не единственный случай меліоративной политики, другая форма ея, когда сеньоръ пользуется удачнымъ положеніемъ сеньоріи. Положимъ, сеньоръ владѣетъ участкомъ который примыкаетъ къ судоходной рѣкѣ. Онъ тотчасъ устраиваетъ пристань и объявляетъ льготы поселенцамъ на этомъ мѣстѣ, открываетъ льготное мѣсто - ville neuve. Горо-

да съ такимъ названіемъ возникаютъ повсюду въ XI и XII вв. во Франціи, благодаря тому, что король и епископы, и бароны проникаются сознаніемъ, что нужно пользоваться естественными богатствами, привлекая населеніе. Часто встрѣчаемъ въ названіяхъ городовъ фразы Ville-neuve de roi, Ville-neuve d'évêque, но ни одного изъ нихъ нельзя прослѣдить ранѣе XII в. Въ извѣстномъ смыслѣ ville neuve становятся ville franche. Это новый городъ, который получаетъ еще льготы; всѣ жители лично свободны, хотя они платятъ, конечно, подати. Такое льготное населеніе стоитъ рядомъ съ Ниццой; сеньоръ его удачно воспользовался бухтой, сообразивъ, что будетъ получать съ нея значительный доходъ, если поселятся купцы.

Мало-по-малу эти идеи меліоративной политики и связанныхъ съ ею льготъ распространились на всевозможные виды промышленности и торговли. Старые города постепенно также выходятъ на путь этихъ меліорацій. Возьму примѣръ изъ исторіи Англіи. Тамъ устанавливается "firma burghi" - откупъ города. Это значитъ, что городъ, достигнувъ извѣстнаго благосостоянія, но не имѣя правъ, начинаетъ вступать въ соглашеніе съ сеньоромъ относительно различныхъ податей и повинностей, гарантируетъ ему очень большія повинности въ общей суммѣ, подъ условіемъ, что ихъ будетъ собирать самъ городъ. Это для сеньора выгодно и не предосудительно, потому что богатый сеньоръ часто отдаетъ свои имѣнія на откупъ приказчикамъ и рядится съ ними на счетъ размѣра общей суммы. Иногда городское

населеніе выступаетъ въ аукціонъ съ приказчикомъ и перебиваетъ его, потому что городъ готовъ поступиться всѣмъ, назначить какую угодно общую сумму, лишь бы добиться своего „firma burghi".

Затѣмъ во Франціи и Германіи наблюдается и другой процессъ въ особенно рѣзкой формѣ: дарованіе привиллегій разнымъ промышленнымъ и торговымъ корпораціямъ. Парижъ не былъ никогда настоящей республикой, у него не было коммунальныхъ учрежденій и правъ, зато онъ имѣлъ массу привиллегированныхъ купцовъ. Купцы, вывозившіе товары по Сенѣ въ Руанъ и Англію, образовали корпорацію, подъ названіемъ „mercatores aquae", и стали получать привиллегіи, которыя имѣли цѣлью обезпечить торговлю заморскую по Сенѣ. Это древнѣйшая корпорація. При Филиппѣ Августѣ [XII в.] получаетъ огромное значеніе университетская корпорація, построенная совершенно такъ же, какъ и торговыя. Просто появились въ Парижѣ такіе ученые, промышленники, поставляющіе хорошій товаръ, который привлекаетъ многихъ въ столицу. Это обстоятельство очень выгодно для короля; доставляетъ ему извѣстность съ одной стороны, съ другой прибыль матеріальную отъ сношеній иностранцевъ. Привиллегіи университета основаны на цеховыхъ началахъ. Нельзя не отмѣтить того, что университетъ игралъ извѣстную роль въ общественныхъ и политическихъ судьбахъ Франціи. Объ этомъ я скажу еще далѣе, теперь укажу на то, что помимо общаго колонизаціоннаго движенія и революціонныхъ попытокъ образовались соглашенія между низшими зависимыми классами и господствующими, иногда это соглашеніе молчаливое, но иногда установленное опредѣленными грамотами. На почвѣ ихъ возникло одно, характерное для Гер-

манія учрежденіе - совѣтъ министеріаловъ сначала въ епископскихъ городахъ Германіи, а затѣмъ и въ свѣтскихъ. Епископъ смотритъ на свой городъ, какъ на большое помѣстье. У него есть приказчики, съ ними онъ входитъ въ соглашеніе, составляетъ изъ нихъ совѣтъ, который помогаетъ ему рѣшать, какъ поступить въ случаѣ пререканій, въ вопросахъ торговой и общей политики. Наконецъ вѣдѣнію его начинаютъ подлежать судебныя дѣла. Мало по малу епископъ привлекаетъ свѣдущихъ людей изъ горожанъ "burgenses", представителей крупныхъ и цѣнныхъ для него предпріятій. Этотъ совѣтъ, по мѣрѣ обособленія отъ помѣщечьей власти, становится зачаткомъ совѣта городского. Тутъ цѣлый рядъ переходовъ, вызванныхъ хозяйственнымъ развитіемъ города, безъ опредѣленнаго контраста между сеньоромъ и городомъ. Конечно, потомъ долженъ былъ быть поставленъ вопросъ о противорѣчіи интересовъ однихъ и другихъ. И вотъ тутъ исходъ двоякій. Нѣкоторые города вступаютъ на путь соглашеній, другіе на путь революцій. Коммунальные города южной Франціи, Фландріи, Италіи большею частью отбивали себѣ грамоты вооруженной силой, но такихъ городовъ немного. Это исключеніе. Громадное большинство не дошло до открытаго столкновенія. Въ сѣверной Франціи коммунальное движеніе было въ силѣ въ XI и XII вв. Современники относились къ нему довольно злобно. Гибертъ Ножанскій называетъ коммуну novum et pessimum nomen. Суть коммунальнаго движенія, по его мнѣнію, въ томъ, что чернь старается избѣжать подчиненія волѣ сеньора, хочетъ платить только по уставамъ и оспаривать у него право суда.

На общемъ фонѣ это коммунальное движеніе только случайность, но оно правовое завершеніе того процесса, который могъ пройти и безъ него. Поэтому города съ коммунальными грамотами не получаютъ особаго устройства, рѣзко отдѣляющаго ихъ отъ другихъ городовъ, напр., право рынка, рыночной полиціи, подчиненіе купцовъ постороннихъ опредѣленнымъ юридическимъ нормамъ не составляютъ особенности коммунальныхъ городовъ, а существуютъ вездѣ, гдѣ есть городъ. Внѣшнимъ признакомъ рынка германскаго города было то, что король вывѣшивалъ мечь или ставилъ столбъ (Rulandssäule), какъ знакъ того, что на площади рыночной образуется особая судебно-торговая територія. Вывѣсивъ мечь и поставивъ столбъ, король основывалъ спеціальный рыночный трибуналъ, не поступаясь своими традиціонными правами, ибо, вѣдь, онъ же самъ ставилъ его. Но понятно, что это такой пунктъ, по которому легко могли произойти столкновенія между представителями сеньоріальной власти и выборными населенія. Купцы, земледѣльцы вырабатывали свою юрисдикцію, свои особые обычаи, цѣнили ихъ и не терпѣли вмѣшательства въ свои дѣла. Съ другой стороны были поводы къ фискальному вмѣшательству. Очень легко было для сеньора захватить товары и обложить ихъ пошлиной. Англійскіе короли нерѣдко захватывали шерсть въ Лондонѣ и другихъ городахъ, находясь въ финансовыхъ затрудненіяхъ, несмотря на привилегіи. Тутъ просто былъ великъ соблазнъ для сеньора. По этому поводу произошло значительное число столкновеній между сеньоромъ и городомъ. Но, повторяю, нельзя сказать, чтобы коммуна была типичной городской общиной. Типично только то, что сеньору остается все менѣе и менѣе реальныхъ правъ. Хо-

тя общее право его не оспаривается, но въ концѣ концовъ оказывается, что онъ уже не полновластный господинъ въ городѣ и для возстановленія своихъ полномочій онъ долженъ поднять такое разореніе, которое вовсе для него не подъ силу. Такъ городъ Ланъ имѣлъ длинный споръ съ епископомъ, который одно время страшно злоупотреблялъ своими правами. Его убили, устроились на началахъ самоуправленія. Вмѣшался Людовигъ, утвердилъ грамоту, затѣмъ уничтожилъ ее. Началась ожесточенная борьба между новымъ епископомъ и королемъ съ одной стороны, Ланомъ - съ другой. Городъ нѣкоторое время грабили. Епископъ наконецъ утвердился на пожарищѣ, которое осталось отъ прежняго Лана. Запустѣніе города ему было невыгодно и онъ даровалъ ему различныя льготы и права въ такъ наз. "Institutio pacis.

Вотъ въ главныхъ частяхъ все относительно внѣшняго строя городского самоуправленія. Есть различные варіанты по націямъ и городамъ, но есть и общія черты. Во первыхъ, необходимо знать, что въ этомъ городскомъ управленіи составъ населенія не отличается демократическимъ характеромъ. Обыкновенно проходитъ рѣзкая черта различія между первоначальнымъ населеніемъ - домовладѣльцами, прочно усѣвшимися на мѣстѣ, людьми съ достаткомъ, о которомъ они неоднократно заявляли, и населеніемъ пришлымъ, зависимымъ, - подмастерьями - рабочими. Все это населеніе пользовалось извѣстными личными правами. Человѣкъ, который провелъ I годъ и I день на городской территоріи, считался свободнымъ [- la ville affranche]. Такимъ образомъ личная и гражданская свобода при-

надлежала болѣе или менѣе всѣмъ жителямъ города, но участіе въ самоуправленіи принадлежало только старому населенію, входящему въ составъ первичныхъ цеховъ и корпорацій, которыя когда то рядились съ сеньоромъ. И это сознаніе эгоизма первоначальнаго населенія ведетъ къ тому, что оно очень рѣзко отмежовывается отъ пришлаго и начинаетъ борьбу съ нимъ. Я говорю только о происхожденіи такого движенія, а не его дальнѣйшихъ судьбахъ. Въ большей части городовъ политическая жизнь очень мало связана съ учрежденіями коммунальными. Вѣче существуетъ, но собирается лишь въ крайнемъ случаѣ, -- если угрожаетъ война и необходимо поднять всеобщее ополченіе, при присягѣ сеньору и т.д. Въ французскихъ и фландрскихъ городахъ вѣче было обставлено извѣстными торжественными церемоніями, - это своего рода военное событіе - созывалось все населеніе въ полномъ вооруженіи. Это, впрочемъ, боевые города. Въ извѣстныхъ случаяхъ, благодаря солидарности всего населенія, городъ отстаивался отъ опасности. Но все же вѣче - parliamentum civitatis играло второстепенную роль. Главное значеніе имѣли совѣтъ и семьи, которыя къ нему примыкали. Это семьи значительныхъ домовладѣльцевъ города, копиталистовъ. Городскія семьи мало по молу дифференцировались и раздѣлились на два класса, городскихъ заправилъ - предпринимателей и рабочихъ. Во второй уже половинѣ среднихъ вѣковъ между городской администраціей и цехами началась борьба. Для происхожденія городской свободы имѣетъ особенное значеніе классъ домовладѣльцевъ. До какой степени здѣсь связана идея свободы съ идеей владѣнія видно изъ того, что въ качествѣ одного изъ главныхъ наказаній горожанина сносится его домъ и вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ всѣ его политическія права. Въ кругу совѣта становятся нѣсколько семействъ,

которыя отмежовываются отъ другихъ и поддерживаютъ тѣсную связь другъ съ другомъ путемъ браковъ. Это — ратманы. Вотъ типъ средневѣкового города XI - XII вв. Изъ совѣта выбираются консулы, мэры, эшевены, бюргермейстеры; хотя они имѣютъ значительную власть, но находятся подъ контролемъ городского совѣта. Городская администрація этой эпохи очень напоминаетъ господъ нобилитета временъ римской республики; это именно политика нѣсколькихъ патриціанскихъ, тѣсно сомкнутыхъ помощью брачныхъ союзовъ, семей. Вотъ какимъ представляется средневѣковой городъ въ своемъ возрожденіи - роль его заключается въ томъ, что постепенно, хозяйственнымъ путемъ подготовляется во Франціи третье сословіе, одушевленное другими идеями, чѣмъ сословія духовное и военное, и стремящееся взять на себя руководящую роль. Въ слѣдующій разъ мы опять вернемся къ городскому движенію во Франціи, выдѣлимъ въ немъ главное теченіе и посмотримъ, какое оно имѣло вліяніе на судьбы Франціи.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Теперь я возвращусь къ характеристикѣ государственной власти во Франціи. Въ прошлый разъ я обратилъ ваше вниманіе на роль одного общественнаго элемента, который имѣлъ важное значеніе для образованія государственной власти, - на сплоченіе 3-го сословія. Въ вопросѣ объ образованіи государства, конечно, приходится считаться съ нѣсколькими движеніями. Съ внѣшней стороны это есть процессы территоріальнаго, географическаго объединенія, хотя этотъ процессъ и связанъ съ явленіями, повидимому, случайными, какъ-то войны, вліяніе государственныхъ людей, даже такія обстоятельства, какъ браки съ политическимъ разсчетомъ, однако, если взглянуть поглубже, то окажется, что всѣхъ этихъ обстоятельствъ очень по-

верхностно и ходъ территоріальнаго разрастанія въ основѣ опредѣляется не случайными колебаніями , а извѣстными основными теченіями и положеніями. Теперь мы увидимъ, какъ за цѣлымъ рядомъ анекдотическихъ подробностей разыгрывалось важное, стихійное движеніе территоріальнаго объединенія Франціи.

Если обратить вниманіе на исходъ процесса, то увидимъ, что онъ дѣлится на нѣсколько періодовъ, рѣзко отмѣченныхъ. Первый періодъ продолжается приблизительно до половины XII в., это періодъ образованія и сплоченія главнаго ядра, около котораго соединились впослѣдствіи остальныя части Франціи. Это - процессъ сплоченія, какъ самостоятельнаго княжества, Иль-де-Франса; къ нему присоединяются мало по малу другія области. Сперва присоединяется Западъ, потомъ Югъ. Послѣ всего притягивается Востокъ, уже послѣ столѣтней войны. Притяженіе сѣвера перебивается, но въ общемъ Сѣверъ притянулся позднѣе Запада, но ранѣе Востока. Послѣ того, какъ сформировалось центральное ядро съ отклоненіемъ къ сѣверо-западу, начинается процессъ присоединенія къ нему Франціи, въ силу движенія, обходившаго его, начиная съ Запада, переходя потомъ къ Сѣверу и Востоку. Вотъ въ какой схемѣ можно привести весь процессъ. Если же войти въ подробности, то замѣтимъ, что въ исторіи объединенія центральнаго ядра, помимо случайныхъ фактовъ, сыграли важную роль два обстоятельства, имѣвшія мѣсто въ XI вѣкѣ. Эти два обстоятельства для дѣла сплоченія имѣли отрицательное значеніе, но они сильно повліяли на ходъ дѣла. Это отливъ изъ государства безпокойныхъ феодальныхъ элементовъ, которые препятствовали образованію суда и полиціи; отливъ этотъ совершался двумя путями. Во первыхъ, завоеваніе Англіи Норманнами вывело изъ Франціи массу недовольныхъ людей.

Этотъ походъ X вѣка имѣлъ также значеніе потому, что отвлекъ вниманіе самыхъ опасныхъ сосѣдей Франціи съ Англіей изъ за преобладанія на Западѣ.

Такое же значеніе имѣли крестовые походы. Первый крестовый походъ, съ собственно французской точки зрѣнія, представляется, какъ выходъ изъ Франціи въ Сербію и на Востокъ безпокойныхъ, такъ сказать, казачьихъ элементовъ. Это значительно облегчило объединительную работу Капетинговъ. Они успѣли прочно устроиться на почвѣ своего маленькаго княжества, настолько прочно, что были въ состояніи начать свою общефранцузскую дѣятельность. Это представляетъ контрастъ съ исторіей Германіи. Тамъ только поздніе императоры поняли, что прежде всего надо пріобрѣсти прочную территоріальную основу, поэтому - то раньяя исторія Германіи отличается тѣмъ, что тамъ государственная власть все время, такъ сказать, шаталась.

Крупная объединительная работа во Франціи начинается только послѣ 1137 года, послѣ того, какъ король Людовикъ VI свернулъ, такъ сказать, шею своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, мелкимъ баронамъ, которые доставляли ему не меньше хлопотъ, чѣмъ его крупные враги. Обратимъ вниманіе на то, въ какомъ состояніи застала Францію эта работа. Мы можемъ сдѣлать наблюденіе, что ходъ работы зависитъ часто отъ незначительныхъ обстоятельствъ, кото ыя отклоняютъ теченіе событій то вправо, то влѣво. Мы можемъ понять, что люди XII вѣка запутывались и не понимали, куда идетъ это объединительное движеніе. Если перенес ебя въ 1137 годъ и представить себѣ мысли какого-нибудь жителя Средней Луары, то едва-ли можно предположить, что онъ имѣлъ ясное представленіе о дѣйствительномъ ходѣ дѣлъ. Могъ ли онъ даже при основательномъ знаніи существую-

щаго положенія, предугадать теченіе событій? Я думаю, что нѣтъ. Если бы даже человѣкъ этотъ и видѣлъ, что теченіе направляется къ объединенію, то все таки ему должны были представиться 2 - 3 возможныя концентраціи территорій. Съ одной стороны онъ долженъ бы былъ замѣтить, что всѣ западныя области: Нормандія, Бретань, Анжу, Пуату, Гвіень колебались между двумя центрами притяженія. Съ одной стороны, благодаря сходству языка и порядковъ, онѣ тянули къ Иль-де-Франсу, но съ другой стороны, вѣдь, все это - области Нормандскаго нашествія, одного изъ крупнѣйшихъ историческихъ фактовъ этой эпохи. Они завоевали Англію и, вступивъ въ взаимодѣйствіе съ англичанами, имѣли другой центръ въ Нормандіи и на Темзѣ. И для человѣка XII ст. не было ясно, куда сконцентрируются эти провинціи, куда, напр., присоединится Гвіень, къ Англіи ли, которою она занята, или къ Франціи, съ которой она связана единствомъ языка и обычаевъ. И внѣшнимъ выраженіемъ этого обстоятельства является тотъ чисто личный фактъ, что представительница Гвіеньскаго герцогства Елеонора Аквитанская выходитъ сперва замужъ за Людовика VII, короля французскаго, а во второмъ бракѣ за Генриха англійскаго. Завязывается борьба между Англіей и Франціей. Эта борьба уже довольно упорна въ XII в. и вскорѣ разражается столѣтней войной.

Относительно юга тоже является возможность присоединенія къ другому центру; югъ даже говоритъ на другомъ языкѣ. Гдѣ сѣверянинъ скажетъ "oil", житель юга скажетъ "oc". Провансъ тянетъ къ Италіи, въ Тулузѣ завязываются оживленныя сношенія съ Испаніей. Какъ въ культурномъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи югъ стоялъ посрединѣ между Франціей, Италіей и Испаніей. И окончательное положеніе дѣлъ опредѣляется не безъ упорной борьбы и, глав-

нымъ образомъ благодаря чисто географическимъ условіямъ. Но прежде, чѣмъ состоялся окончательный поворотъ къ Франціи, долго тянулась упорная борьба. Въ подробности этой борьбы я входить не буду, но отмѣчу нѣсколько капитальныхъ фактовъ. Между сыновьями Генриха II и Людовика VII завязалась борьба изъ за западныхъ провинцій приданаго ихъ матери. Воспользовавшись раздорами въ Англіи, Французы заняли Нормандію, Анжу, Пуату и въ 1214 году при Бувинѣ одержали рѣшительную побѣду надъ англичанами.

Обратимъ теперь вниманіе на другіе попытки, на стремленіе сѣверной Франціи подчинить югъ. Тутъ мы встрѣчаемся съ глубокимъ различіемъ въ культурахъ этихъ областей и поэтому необходимо сдѣлать экскурсъ въ область культурныхъ отношеній, тѣмъ болѣе, что эти отношенія очень характерны для всего средневѣкового міровоззрѣнія. Внѣшніе факты складываются вокругъ похода, предпринятаго для уничтоженія Альбигойской ереси въ 1203 году. Въ этомъ году папскій нунцій былъ убитъ приверженцами ереси; для отмщенія за это убійство собралось крестьянское ополченіе, во главѣ котораго сталъ мелкій французскій баронъ Симонъ-де- Монфоръ; при Мюре онъ разбилъ Альбигойскую армію, несмотря на заступничество Педро, короля Аррагонскаго, но послѣ завоеванія Монфоры не могли удержать область въ своихъ рукахъ и принуждены были передать управленіе французскому королю Людовику VIII, въ 1223 году. Крестоносцы не могли управлять страной; они сумѣли завоевать, но удержать страну имъ было трудно, вслѣдствіе отсутствія постоянной арміи. Дѣло объединенія переходитъ и тутъ въ руки французскихъ королей, при чемъ не маловажную роль играла церковная инквизиція.

Къ чему же сводится это противорѣчіе между двумя культурами сѣвера и юга. Онѣ представляютъ два варіанта средневѣкового

міровоззрѣнія, но эти два варьянта рѣзко отличаются между собой. И тотъ и другой варьянтъ можно характеризовать, какъ историческое выраженіе идеи дуализма; средневѣковое міровоззрѣніе глубоко дуалистично. Эта дуалистическая идея составляетъ суть всего нравственнаго ученія. Средневѣковая церковь всѣ свои положенія разрабатываетъ на основаніи идеи противоположности силъ мірскихъ и духовныхъ. Собственно эта идея противололожности лежитъ въ самомъ христіанствѣ, но чѣмъ больше облекалось оно плотью становилось церковью, тѣмъ рѣзче обозначалась эта рознь. Очень рѣзкое выраженіе такого міровоззрѣнія мы находимъ въ сочиненіе блаженнаго Августина: "De civitate Dei". Это произведеніе очень характерно, какъ по происхожденію, такъ и по судьбѣ своей. Оно такое же резюме всего христіанскаго развитія на почвѣ римской имперіи, какимъ въ свое время явилось сочиненіе Аристотеля для городского развитія Греціи. Но подводя, такимъ образомъ, итоги, сочиненіе это вмѣстѣ съ тѣмъ смотритъ въ будущее; оно ясно формулируетъ ту теорію, которой жило все средневѣковье Это - теорія существованія внутренняго града Божія, въ противоположность видимому, разбойничьему граду и среди него. Августинъ смотритъ на это царство мірское недружелюбно и противополагаетъ ему другое - градъ Божій, царство внутреннее, которое должно разрушить и смѣнить царство, пошедшее отъ Каина, отъ братоубійства. Проводя эту противоположность, Августинъ подаетъ руку средневѣковому аскетизму. Оно смотритъ на аскетизмъ, какъ на борьбу духа со всѣмъ, что привязываетъ къ жизни, скрашиваетъ ее. Это есть индивидуальное дополненіе къ соціальному противорѣчію между градомъ Божіемъ и градомъ людскимъ. Развиваясь мало по малу аскетизмъ сдѣлался обязательнымъ для всѣхъ духовныхъ.

Всѣмъ извѣстно реформа папы Григорія VII, воспрещавшая браки для духовенства. Итакъ въ самой католической церкви, не смотря на ея ортодоксальность, глубоко было заложено начало дуализма. Это же самое начало, но гораздо послѣдовательнѣе, проведено было на югѣ Франціи. Изъ за этой крайней послѣдовательности и произошелъ конфликтъ. На югѣ идея дуализма доведена была до представленіи о предвѣчной борьбѣ между началами свѣтлымъ, добрымъ и темнымъ, злымъ. Исторія этого южнаго механизма не нова. Съ одной стороны она примыкаетъ къ Вавилонскому міровоззрѣнію, съ другой къ персидскому. Ставится проблема происхожденія зла, положеніе его въ мірѣ, отношеніе къ нему Бога и человѣка. Тутъ на югѣ Франціи теорія эта была доведена до полнаго раздвоенія міра. Творецъ всего видимаго міра - сатана, это міръ отпадшій, гдѣ начало духовное существуетъ не въ чистомъ видѣ, съ примѣсью эгоизма, лицемѣрія. Творецъ духовнаго міра - Богъ, который борется со злымъ началомъ. Все это находитъ изображеніе въ цѣломъ рядѣ аллегорій. Христосъ - выразитель свѣтлаго начала, демонъ - злого. Такимъ образомъ на христіанскую почву, подъ христіанскими именами переносится легенда о борьбѣ Ормузда съ Ариманомъ.

Съ востока, гдѣ всѣ подобныя ереси преслѣдовались императорами, манихейство, черезъ Балканскій полуостровъ, дѣлаетъ шагъ въ Европу. Въ Болгаріи, при дворѣ Симеона эти идеи заимствовались подъ именемъ богумильства и тамъ долго поддерживался духовный центръ этого движенія. Говорили, что въ Болгаріи сидитъ Альбигойскій папа и, несомнѣнно, что ересь это находилась въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Болгаріей

Въ Италіи она пріобрѣла соціальную окраску, слилась съ дви-

женіемъ низшихъ классовъ. Это итальянская Патарія.

Затѣмъ въ XII в. ересь начинаетъ распространятся по Южной Франціи и Испаніи. Во Фраціи до сихъ поръ сохранилось непонятное ругательное слово "bougre" [а это - "bulgarus"]. Во Франціи эти отношенія особенно интересны, потому что ересь была весьма характерна по своему нравственному ученію. Она послѣдовательнѣе и строже проводитъ дуалистическій принципъ. Она требуетъ или чистоты, или отпаденія, безъ всякихъ компромиссовъ; проводитъ мистическую идею чистоты съ нелѣпою послѣдовательностью. Альбигойскій "катаръ" долженъ быть святымъ, только совершенная святость гарантируетъ его и окружающихъ его отъ отпаденія въ міръ сатаны; онъ долженъ быть ангеломъ и рукоположенъ долженъ быть только совершенно святой и чистый человѣкъ. Потому преступленіе "катара" отзывается и на рукоположившемъ его, который не обладаетъ, значитъ, даромъ ясновидѣнія, если рукоположилъ недостойнаго. Рукоположившій недостойнаго отвергался, отвергался также и тотъ, кто рукоположилъ этого, отвергалась, такимъ образомъ, вся восходящая линія "катаровъ". Присоединеніе къ числу катаровъ было сопряжено съ чрезвычайными трудностями; оно совершалось или путемъ смерти и самоубійства, или путемъ отреченія отъ всего мірского. Но это отреченіе не было бѣгствомъ отъ жизни на столбъ, въ пустыню, нѣтъ катаръ долженъ былъ жить среди вѣрующихъ и дѣйствовать. Это чрезвычайно рѣзкое требованіе полной нравственной чистоты, полнаго отреченія отъ плоти и ея вожделѣній ставилось только весьма небольшому числу "чистыхъ" и этимъ обясняется почему никвизиція такъ легко съ ..

ними справилась. Катаровъ насчитываютъ всего на всего не болѣе 3000, между тѣмъ какъ къ числу вѣрующихъ принадлежалъ весь югъ. Такъ какъ практическое требованіе чистоты не для всѣхъ возможно, то и является у альбигойцевъ рѣзкое различіе между вѣрующими и "чистыми"; первые признаютъ принципъ, но не чувствуютъ силы провести его въ жизнь, а такъ какъ снисхожденія и слабости человѣческой нѣтъ, никакихъ компромиссовъ между духомъ и тѣломъ не допускается, то эти вѣрующіе живутъ довольно безразлично; можно сказать, что это былъ міръ распущенный. Катары и не думаютъ организовать этотъ міръ; они хотѣли только оградить его отъ внѣшней грубой силы, а внутренняго устройства у этихъ слабыхъ, вѣрующихъ только, не было, они были антиномисты и жили въ беззаконіи. Только на смертномъ одрѣ всякій альбигоецъ хотѣлъ стать катаромъ и настоящій катаръ долженъ былъ дать ему утѣшеніе "consolamentum" и бѣда, если получившій его выздоравливалъ и впадалъ въ грѣхъ; для предупрежденія такихъ случаевъ получавшій "утѣшеніе даже приканчивался. Вотъ съ этой-то мистической идеей дуализма, проведеннаго до крайности рѣзко, и встрѣтилась сѣверная Францiя. Сѣверяне были представителями жизненной середины, они не мирились ни съ антиномистами, ни съ ихъ учителями катарами. Это есть культурная причина того, что они побѣдили, соціальная причина та, что сѣверная Францiя была лучше организована, она имѣла сильную организацію около королевской власти. Крестовый походъ - только внѣшняя форма завоеванія, на самомъ дѣлѣ завоеваніе досталось французскимъ королямъ.

Я говорилъ о степени внѣшняго соединенія Франціи. Теперь

займемся работой внутренняго объединенія, которая была направлена на измѣненіе строя внутреннихъ отношеній и пошла подъ главенствомъ и руководствомъ короля. Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ отношеній, я укажу на общую схему развитія этой власти. Это не значитъ, что разъ извѣстныя стороны преобладали въ XII в., то онѣ не встрѣчаются въ XIII и XIУ вв., - такое пониманіе было бы слишкомъ наивно. - Суть дѣла въ томъ, что во Франціи извѣстная сторона королевской власти преимущественно развивалась въ извѣстное время. Это представляетъ большое удобство для нашей цѣли, - въ Англіи, напримѣръ, подобнаго рода дѣленій устанавливать нельзя. Тамъ различныя стороны королевской власти до такой степени переплетались, что приходится отмѣчать въ государственномъ развитіи вліянія на административныя измѣненія столько же въ XII, сколько въ XIУ в.

Что касается Франціи, надо сказать, что начало устройства системы административнаго управленія падаетъ на XII и первую половину XIII в. Въ это время заложены основы той системы управленія, какая существовала до временъ республики. Затѣмъ вторая половина XIII в. отмѣчена большими успѣхами въ области финансовъ, выработкой податной системы - особенно эпоха Филиппа Красиваго.

Если воспользуемся именами королей, развитіе административной системы слѣдуетъ пріурочить къ царствованію Филиппа Августа, - судоустройство - ко времени Людовига Святаго, податную систему - ко времени Филиппа IУ Красиваго, но все это приблизительно.

Посмотримъ, къ чему сводилась организація администраціи, организація управленія. Присоединяя области, королевская власть

должна была заботиться, чтобы этотъ матеріалъ управленія устраивался, чтобы черезъ него проходили первыя нити администраціи. Это было необходимо. Поэтому любопытно наблюдать здѣсь развитіе органовъ администраціи въ ихъ дифференціаціи и интеграціи; особенно интересенъ процессъ интеграціи королевскаго управленія: вмѣсто цѣлаго ряда различныхъ другъ отъ друга правительственныхъ центровъ складывается одинъ центръ - дворъ короля въ Парижѣ, его курія, которая мало по малу привлекала къ себѣ функціи другихъ курій, потому что король имѣлъ еще куріи въ Орлеанѣ, въ Пуени, Бордо; всѣ эти второстепенныя куріи, которыя появляются при присвоеніи областей, скоро отпадаютъ и управленіе сосредоточивается въ одной Парижской курін. Любопытенъ ея составъ. Ее составляетъ немногочисленный классъ, который называется куріалами; это не придворные, соблюдающіе извѣстный церемоніалъ, не "шитые мундиры" - куріалы Среднихъ вѣковъ - канцеляристы, писцы, "дьяки". Куріалъ - человѣкъ, который посвящаетъ себя административной дѣятельности въ связи съ желаніями и стремленіями короля. Этотъ классъ соціально обособленъ, но въ него входятъ элементы изъ в с ѣ х ъ остальныхъ классовъ общества, въ томъ числѣ и изъ третьяго сословія. Среди куріаловъ - curiales - большой контингентъ составляетъ мелкое дворянство, которому трудно жить при силѣ высшихъ феодаловъ; часть его уходитъ въ приключенія, въ крестовые походы, на военную службу, но извѣстная болѣе интеллигентная часть этихъ мелкихъ дворянъ, которая желаетъ пробиваться головой, а не мечемъ примыкаетъ къ куріи. Крайне важное значеніе имѣетъ духовенство, во-первыхъ потому, что это преимуще-

ственно грамотное сословіе, оно понимаетъ лучше гражданскія отношенія и, поэтому король охотно притягиваетъ его въ свою администрацію. Уже извѣстно то положеніе, которое по отношенію къ королю занималъ Сугерій и потомъ нѣсколько крупныхъ духовныхъ являются во главѣ администраціи. Третье сословіе также имѣетъ своихъ представителей въ куріи и чѣмъ дальше, тѣмъ больше люди незнатнаго происхожденія проникаютъ въ среду дьяковъ. Эти буржуа важны для королевской власти тѣмъ, что у нихъ нѣтъ традицій, нѣтъ самостоятельнаго положенія, нѣтъ гордости, кромѣ гордости того учрежденія, которое они представляютъ. Они всегда преданы, иногда безсовѣстно преданы королю. И короли охотно возвышаютъ ихъ надъ крупными представителями средневѣковаго общества, потому что все значеніе ихъ не свое, а делегировано, - они получаютъ его отъ короля. Но и въ этой средѣ начинается расчлененіе обязанностей и функцій. Это очень любопытно, и вотъ наблюденія надъ исторіей ранней администраціи. Она плохо различаетъ между тѣмъ что составляетъ личный интересъ короля, какъ помѣщика и интересами его, какъ правителя, плохо оріентируется по системѣ рубрики. Вліяніе личности короля всетаки преобладаетъ, вѣдь древняя высшая администрація состоитъ изъ придворныхъ чиновъ, государственныя должности связаны съ чисто дворцовыми. Премьеръ - министръ этой администраціи, - примѣняясь къ современной государственно-правовой терминологіи - дворецкій, "старшій слуга" - sénéchal (= senes scalpus). Это управляющій дворомъ, но не столько управляющій, сколько дворецкій не палатный мэръ. Должность эта, однако, не фиксировалась: уже при Филиппѣ Августѣ ее отмѣнили, потому что она стала слишкомъ влiять на общую организацію и даже одно время сдѣлалась.

какъ бы феодальнымъ леномъ въ домѣ Гарландовъ; съ конца XII в. сенешалство выходитъ изъ употребленія, но за то начинаютъ мало по малу развиваться, по своему значенію другія дворцовыя должности, и въ то время, какъ сенешалъ палъ, премьеромъ сталъ канцлеръ cancellarius обыкновенно духовное лицо, потому что на этомъ мѣстѣ нуженъ грамотный человѣкъ. Сперва его обязанности чисто секретарскія: пишетъ подъ диктовку распоряженія, рескрипты, накладываетъ печать, потомъ подъ его эгидой образуется канцелярія и поэтому канцлеръ получаетъ особенное значеніе въ судебномъ мірѣ, ибо главный запросъ королевской власти - судъ, запросъ на ея судебное покровительство. Еще рѣзче примѣшиваются дворцовыя функціи въ другихъ государственныхъ должностяхъ - одно время могъ сдѣлаться какъ бы Министромъ Финансовъ главный завѣдующій погребомъ - bouteillier , онъ завѣдывалъ главными расходами по дворцовому управленію и имѣлъ большое значеніе. Военныя должности долго оставались до самаго конца, даже до настоящаго времени, - о своими признаками дворцового происхожденія; самая видная изъ нихъ - маршалъ [у насъ сохранилась въ сложномъ - "фельдмаршалъ"] представляетъ разительный примѣръ - это сокращенное "марескалькъ" - главный "конюхъ" - [mare - кобыла], затѣмъ начальникъ отдѣльнаго отряда, мало по малу главный представитель военной силы. Другая должность исчезла раньше, но номинально существовала до самой революціи. Она окрашена специфическимъ лошадинымъ признакомъ - connêtable [comes stabuli] начальникъ конюшни, потомъ главный начальникъ войска, впослѣдствіи перестала назначаться.

Такимъ образомъ должности долгое время плохо расчленены и перевѣсъ государственныхъ функцій не обозначается, но диференціація уже начинается. Интересно взглянуть, что дѣлается въ про-

винціи: надо не только организовать придворный штатъ и центральныя должности, но позаботиться и о самихъ провинціяхъ. Провинціальное управленіе даже важнѣе. Начало провинціальнаго управленія колеблется между двумя принципами, - во первыхъ, леннымъ, который король старается ограничить; несмотря, однако, на старанія короля, долго держалось обыкновеніе назначать главой провинціальнаго управленія людей "шпаги" - l'homme d'ébée, которые стремились сдѣлать свою должность наслѣдственной. Но уже при Филиппѣ Августѣ прекращается это движеніе, и прежнія должности замѣняются должностями чисто хозяйственнаго характера. Управляющій короля въ провинціи прежде всего прикащикъ, который завѣдуетъ королевскими имѣніями, судитъ вилланов въ качествѣ предсѣдателя высшаго суда - это prévôt (praepositus). Такъ какъ преобладаетъ хозяйственная сторона, то должности передаются не леннымъ путемъ, не по наслѣдству, а съ откупа. Королевская курія устраиваетъ аукціонъ по отношенію къ людямъ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ и предлагаетъ имъ округъ съ извѣстнымъ доходомъ за извѣстную сумму откупа, иногда дѣлается съ объявленной заранѣе суммы скидка, иногда надбавка, смотря по тому, какъ измѣнились доходы съ округа. Во всякомъ случаѣ округъ отдается на откупъ.

Ко времени Филиппа Августа начинаетъ преобладать та точка зрѣнія, что откупъ не снимаетъ отвѣтственности, что нужно назначать королевскаго приказчика лишь на время - "dum bene se gesserit" пока онъ какъ слѣдуетъ представляетъ интересы королевской власти и хорошо управляетъ, - послѣднее, впрочемъ второстепенное дѣло. Всетаки можно сказать, что ко времени Филиппа Августа областная администрація - prévôts и baillis получали назначеніе отъ короля. Prévôts - незнатнаго происхожденія, baillis рыцари но не на феодальномъ правѣ, а на правѣ назначенія. Вотъ основные

факты этого административнаго устройства. Вы видите уже тутъ основы централизацiи, но это начало ограничивается отчасти феодальнымъ складомъ, феодальными учрежденiями, отчасти церковью, привиллегированнымъ классомъ, который входитъ въ государство.

Переходимъ отъ этой первой ступени образованiя внутренней организацiи ко второй, характеризующейся образованiемъ судоустройства. Блестящее внѣшнее выраженiе свое процессъ этотъ находитъ въ царствованiе Людовика IX. Этотъ государь былъ канонизованъ современниками раньше, чѣмъ папой и церковью. Въ его царствованiи надо различать, конечно, разныя стороны, - надо различать связь съ крестовыми походами, но для насъ существенно съ точки зрѣнiя государственнаго развитiя выдѣлить то громадное правовое движенiе, которое прiурочивается къ его времени и направлено на развитiе гражданскаго права и судоустройства. Это ярко выразилось въ легендѣ, которая о немъ сложилась: король-судья, король - миротворецъ, послѣ обѣдни садится подъ дубомъ и судитъ всѣхъ, не обращая вниманiя на лица, одинаково карая всѣхъ виновныхъ. Разскажемъ о дѣлѣ барона де-Куси, которое произвело впечатлѣнiе на современниковъ. Дѣло такого рода, что едва ли король раньше вступился въ него. Ангерронъ де-Куси схватилъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые проѣхали по его лѣсу съ лукомъ и стрѣлами, обвиняя ихъ въ томъ, что они охотились. Баронъ, стало быть, примѣнялъ свое право исключительной охоты и право наказывать за его нарушенiе, но король нашелъ это превышенiемъ власти и привлекъ барона къ отвѣтственности за казнь. Онъ же привлекъ къ суду родного брата Роберта д'Артуа за грабежъ купцовъ на большой дорогѣ; послѣднiй вовсе не ожидалъ, что король вмѣшается въ дѣло, но тотъ присудилъ его къ большому штрафу. Эти отдѣльные факты остались въ памяти современниковъ, занесены въ

біографію, но важно не то, что они попали въ біографію, а то, что сохранились извѣстія о цѣломъ рядѣ реформъ юридическихъ, которыя совершились преимущественно въ это царствованіе, которыя стали возможны только, благодаря очень крупному движенію - возрожденіе римскаго права.

Мы должны теперь остановиться въ изложеніи исторіи государственной власти во Франціи и сдѣлать экскурсъ въ сторону возрожденія римскаго права въ Средніе вѣка. Это общественный переворотъ, переломъ въ правовой сферѣ феодализма.

Римское право относительно не прекращало своего существованія, въ иныхъ же областяхъ Франціи - на югѣ, напр., даже стало территоріальнымъ, подъ названіемъ droit écrit ["писанное право"], въ противоположность Сѣверной Франціи, которая считалась областью обычнаго права - droit coutumier съ германскимъ и феодально-рыцарскимъ происхожденіемъ. Контрастъ юга съ сѣверомъ намѣчается уже въ эпоху завоеванія варваровъ. Въ сѣверной Франціи было въ силѣ тогда право Салическое, въ южной дѣйствовало право Готское, которое являлось въ значительной степени переработкой римскаго права. При Алларихѣ II въ 506 г. явился такъ называемый breviarium этого короля или сокращеніе римскаго кодекса Феодосія. Этотъ breviarium жалкая компиляція, онъ состоитъ отчасти изъ отрывковъ законодательства западныхъ и восточныхъ императоровъ. Въ Провансѣ кромѣ того, дѣйствовалъ эдиктъ остготскихъ корней, составленный при Теодорихѣ также на основаніи преимущественно римскихъ законовъ. Въ Бургундіи - Lex Romano-Burgundiorum. Даже тамъ, гдѣ господствовало чисто варварское право, цѣлые классы населенія жили по римскому праву, напр., церковь. Это поставило римское право подъ вліяніе христіанскихъ воззрѣній. Мало по малу церковь стала перерабатывать это право

очень своеобразно: она обратила его въ право каноническое, которое несомнѣнно, римскаго происхожденія, но церковь, подъ вліяніемъ своихъ собственныхъ методовъ стало измѣнять это право - оно тянуло къ папской куріи.

Затѣмъ обратимъ вниманіе на то, что кромѣ вліянія территоріальнаго, натурализировавшагося права и права каноническаго сказывалось еще одно любопытное теченіе - отчасти теоретическое вліяніе римскаго права, отчасти выучка умовъ подъ вліяніемъ его, сказывалось преимущественно въ варварскихъ правдахъ.

Особенно замѣтно это въ Италіи, хотя Итальянцы и подчинились вліянію Лангобардскаго права, но они все же остались культурными людьми, носителями римскихъ традицій. Цивилизація очень скоро тамъ оправилась, нити ея не обрывались очень рѣзко, и рано начались работы юристовъ надъ правомъ Лангобардскимъ, по происхожденію германскимъ. Въ этомъ смыслѣ является павійская школа юристовъ, что важно для характеристики процесса развитія римскаго права, а ея предшественница - Павійская - подъ лангобардскимъ, работаетъ очень тщательно. Тутъ цѣлое сословіе теоретиковъ - ученыхъ, съ извѣстнымъ ученымъ направленіемъ, которые разрабатываютъ свою науку не только практически на судѣ, но и теоретически въ школѣ. Около 1000 года составленъ главный памятникъ трудовъ Павійской школы - commentaria къ эдиктамъ лангобардскихъ королей, такъ называемая Liber papiensis . Мы имѣемъ тутъ цѣнную работу, которая подготовляетъ позднѣйшую работу Болонской школы. Но какъ исполнена эта работа? Благодаря практическому примѣненію Лангобардскаго права трудъ юристовъ былъ направленъ къ тому, чтобы согласить его съ римскимъ, устранить противорѣчіе, раціонализировать его, свести на нѣкоторые основные разумные принципы. Это стремленіе раціонализировать страшно не-

уклюжее варварское право высказывается иногда очень наивно. Павійская школа работала надъ рукописными, часто очень древними сборниками лангобардскихъ законовъ VII и VIII вв. [Законы Ліутпранда]. Комментаріи къ нимъ начали образовываться уже въ IX в. Но Павійская школа относилась къ этимъ комментаріямъ пренебрежительно, потому что въ нихъ по мнѣнію Павійской школы, здраваго смысла и дѣлались они вслѣдствіе нелѣпыхъ воображеній. Ученые Павійской школы заносятъ древніе комментаріи подъ буквой А - „antiqui", а нѣкоторые наиболѣе прогрессивные читаютъ „asini" т.е. ослы, такъ какъ имъ кажется подобное толкованіе наивнымъ, нелѣпымъ. Стремленіе къ ratio проявляется все съ большей силой, прежде чѣмъ переходитъ въ русло римскаго права.

Лангобардскіе юристы проходятъ другую школу подъ вліяніемъ феодальнаго права. И вотъ въ Миланѣ кодифицируется феодальное право, сложившіеся подъ различными вліяніями въ болѣе или менѣе правильныя формы. Первая попытка систематизировать феодальное право - Libri feudorum принадлежитъ Миланской школѣ [Отбертъ да Орто]. Съ XII в. начинается развитіе Болонской школы, съ Ирнеріемъ во главѣ, которая приходитъ къ другимъ источникамъ, она бросаетъ варварское право и въ римскомъ правѣ пользуется для своихъ разсужденій теорій не кодексами, вѣдь, оба кодекса, и Өеодосія и Юстиніана не всецѣло относятся къ юриспруденціи, а составлены изъ рескриптовъ и постановленій императоровъ IV и V вв. Любопытенъ шагъ, сдѣланный Болонской школой: она не только бросила съ пренебреженіемъ варварскіе законы, но и перешла къ Дигестамъ, т.е. къ своду Юстиніана, составленному изъ мнѣній юристовъ I, II и III вѣковъ, по поводу отдѣльныхъ случаевъ. Въ этомъ отношеніи это движеніе назадъ есть движеніе впередъ, движеніе отъ вырождающейся юриспруденціи къ эпохѣ наилучшей, разумной

юриспруденціи. Возвращеніе къ Дигестамъ и къ Институціямъ характерно также съ точки зрѣнія матеріала. Но, конечно, важенъ не матеріалъ, а отношеніе къ матеріалу, почему явился такой интересъ и перешолъ въ Англію, Францію, Германію, что привлекало юристовъ, что новаго находили они и какъ примѣняли эти новыя идеи къ порядкамъ феодальнаго общества.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХЪ ШТАТОВЪ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДАТЬ. Мы видѣли, что когда дѣло дошло до необходимости образовать такъ или иначе платежныя средства въ новомъ государствѣ, то явилась настоятельная надобность въ устройствѣ представительства этого государства. Одностороннее дѣйствіе короля въ развитіи административныхъ и судебныхъ функцій должно было на время прекратиться, когда явился вопросъ о платежѣ. Относительно этого вопроса всѣ чины и члены феодальнаго общества оказались довольно единодушными - всѣ хотѣли платить какъ можно меньше, торговались, выдвигали впередъ свои права и привиллегіи. Въ силу этихъ привиллегій налоги, подати, законы должны быть результатомъ свободнаго соглашенія. Король не могъ обложить подданныхъ, потому что подданный или самъ баронъ или подданный барона. Раздробленіе государственной власти препятствуетъ сбору податей и, считаясь съ этимъ, нужно прежде всего собрать власть. Вотъ объясненіе возникновенія Генеральныхъ Штатовъ - это, собственно, конгрессъ самостоятельныхъ государей, мелкихъ и крупныхъ, между которыми раздѣлена территорія Франціи.

Самые способы взысканія податей являлись тогда до крайности первобытными и несовершенными. При Филиппѣ Красивомъ мы видимъ попытку подойти къ этому вопросу въ очень рѣзкой формѣ, которая не подъ силу даже и современному государству. Именно, мы

видимъ попытку ввести подать болѣе чѣмъ подоходную, подать имущественную; учредить опредѣленный взносъ со всего имущества. Такой способъ взиманія податей требуетъ точной оцѣнки имущества, а вы знаете, съ какими затрудненіями соединено это даже въ наше время. Очень трудно провести подоходный налогъ въ мало культурныхъ странахъ; нужно клятвенное показаніе владѣльца, провѣрка его, опросъ сосѣдей и т.д. Большую роль играетъ распространеніе въ обществѣ вѣры въ то, что государство расходуетъ подать на выполненіе опредѣленныхъ и необходимыхъ задачъ, и проистекающая отсюда готовность общества платить подать для выполненія этихъ задачъ. При Филиппѣ красивомъ былъ установленъ сперва сотенный сборъ со всего имущества [1%], а потомъ и пятидесятенный [2%]; введеніе этого налога связано съ попыткой совершить точную расцѣнку посредствомъ королевскихъ сборщиковъ и оцѣнщиковъ, съ попыткой страшно стѣснительной на практикѣ. Сборщикъ долженъ проникнуть всюду, оцѣнить все. При этомъ, конечно, происходили злоупотребленія, возникъ рядъ споровъ, жалобъ, сборщиковъ ненавидѣли, бывали даже случаи и убійства. И вотъ на ряду съ этими попытками мы видимъ на югѣ другое разрѣшеніе проблемы; государство, въ виду трудности оцѣнки, принуждено отказаться отъ нея и воротиться къ первобытному способу, прицѣпляясь для оцѣнки платежной способности, къ чисто внѣшнимъ признакамъ, опредѣляющимъ податную единицу. Является форма огневого очажнаго сбора, fouage; по числу столбовъ дыма, подымающагося изъ дымовыхъ трубъ въ городѣ, опредѣляется общая сумма податей со всего города или села и затѣмъ уже городской или сельской администраціи предоставляется раскладывать эту общую сумму на жителей. Итакъ, мы видимъ рѣзкую противоположность: съ одной стороны сложная развитая, но не примѣнимая форма, съ другой грубая, первобытная, произво-

дящаяся по рѣзко обнаруживающимся внѣшнимъ признакамъ. Затѣмъ стараются эксплоатировать еще одно обстоятельство, эксплоатація котораго на первый взглядъ очень легка, но потомъ на практикѣ оказывается трудной. Помимо прямыхъ податей съ имущества и огня въ большомъ ходу были пошлины съ предметовъ продажи. Рыночные надсмотрщики слѣдятъ за каждымъ актомъ купли и продажи и представляютъ претензіи короля на этотъ актъ. Это очень неудобный способъ, который не былъ даже обставленъ такими формальностями, какъ гербовой сборъ. И весь механизмъ состоялъ въ томъ, что королевскій чиновникъ долженъ былъ присутствовать при каждомъ актѣ купли и продажи, обкладывать этотъ актъ податью. Только актъ, совершенный въ присутствіи чиновника, признавался государственнымъ, а если потомъ возникали какіе либо споры по поводу проданнаго, то искъ за обманъ или по какому нибудь другому поводу могъ быть разсмотрѣнъ только въ томъ случаѣ, когда свидѣтелемъ акта былъ королевскій сборщикъ. Указываю на эти частности потому, что онѣ характерны для происхожденія податной тяжести и государственныхъ средствъ, а также для того, чтобы представить себѣ, насколько эта новая и непривычная подать казалась людямъ невыносимой. Они только что начали платить и понимать платежъ, какъ добровольную субсидію, а между тѣмъ приходилось считаться съ королевскими чиновниками, которые, конечно, уже имѣли въ виду не только королевскіе интересы, а не забывали также и себя, вмѣшивались въ семейныя отношенія, злоупотребляли своими обязанностями. Отъ того эти подати получили очень характерное названіе; напр., подать на предметы продажи наз. браннымъ словомъ "maltote" = mala tolta -"дурная подать", и

это названіе было такъ распространено, что въ XIУ в. реципировалось даже правительствомъ; значеніе прилагательнаго было забыто и это названіе стало техническимъ терминомъ.

РЕАКЦІЯ ПРОТИВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДАТИ. БОРЬБА ГОСУДАРСТВА СЪ ЦЕРКОВЬЮ. Въ виду непривычности общества къ формѣ платежа, а также благодаря тому, что самая форма была обременительна и тяжело отзывалась на бытѣ обывателей, въ ту же самую эпоху начинается попятное движеніе, реакція противъ податей и связаннаго съ ними государственнаго гнета. Исторія этой реакціи очень любопытна; она имѣла двѣ стороны: поскольку она была реакціей противъ снабженія государства средствами, она была запоздалой, нежелательной и не могла привести къ хорошему исходу; но поскольку, исходя изъ факта торгашества правительственными средствами, она поднимала вопросъ о томъ, какъ встрѣтить этотъ гнетъ и не слѣдуетъ ли его ограничить, реакція содержала въ себѣ хорошіе элементы и, если бы она произошла на почвѣ національнаго обединенія съ цѣлью ввести государство въ опредѣленныя рамки, то все это могло бы привести къ благотворнымъ формамъ, конституціонализму, къ которому она пришла въ Англіи.

Любопытно, какъ направился этотъ процессъ во Франціи.Самое раннее выраженіе этой реакціи противъ требованій правительства мы находимъ въ царствованіи Филиппа Красиваго - это была борьба съ духовенствомъ. Конечно, она обясняется не только вопросомъ о подати и спорами изъ за нея, но, несомнѣнно, что это обстоятельство играло въ этой борьбѣ важную роль. Со времени созванія Государственныхъ Штатовъ возникло одно требованіе со стороны духовенства. Именно,оно утверждало,что

представляетъ изъ себя часть корпораціи, которая входитъ въ государство только одной стороной своей жизни, а въ цѣлости и по существу корпорація эта должно разсматриваться, какъ космополитическое цѣлое, стоящее внѣ государства и выше его. Она преслѣдуетъ высшія задачи, руководясь совѣстью и нравственностью и, въ силу этихъ задачъ, требуетъ себѣ корпоративныхъ привиллегій. Духовенство требуетъ своего выдѣленія изъ подъ вѣдѣнія государства, оно признаетъ себя церковью всемірной, нити которой сходятся въ Римѣ и не заключаются цѣликомъ во Франціи. Церковь ссылается на цѣлый рядъ привиллегій, полученныхъ отъ французскихъ королей и выставляетъ на видъ, что если она будетъ платить, то не по приказанію государственной власти, не въ силу постановленій, состоявшихся на почвѣ Франціи, а въ силу добровольнаго своего, интернаціональнаго рѣшенія; извѣстную помощь церковь готова оказать государству для поддержки мира и порядка, но это добровольный даръ - don gratuit точка зрѣнія, которая существуетъ, пожалуй, и донынѣ и которая очень рѣзко выразилась во Франціи въ то время, когда и обыкновенная то подать считалась только добровольнымъ даромъ. Филиппъ Красивый и его юристы не могли согласиться съ такимъ воззрѣніемъ на положеніе церкви; они разсмотрѣли церковь по отношенію къ подати, какъ одно изъ сословій. Вѣдь церковь не преминетъ встать подъ покровительство государства въ случаѣ опасности, она пользуется его охраной и защитой; даже въ своихъ духовныхъ дѣлахъ, напр., въ искорененіи ереси, она въ послѣдней инстанціи обращается къ государству. Государство является на помощь, когда дѣло идетъ о наказаніи и преслѣдованіи людей, обижающихъ церковь, нападающихъ на нее.

Вотъ какъ принципіально сходились эти споры и притязанія. Затѣмъ надо замѣтить, что этимъ споры не ограничивались: церковь предъявляла болѣе широкія требованія, чѣмъ тѣ, которыя касались податей. Считая себя выходящей изъ государства, она предъявляла слишкомъ широкія требованія, напр., относительно неподсудности своихъ членовъ общегосударственнымъ постановленіямъ. Она требуетъ, чтобы не только столкновенія, происходящія въ ея средѣ, на почвѣ ея духовныхъ дѣлъ и отношеній, разрѣшались на основаніи каноническаго права, но требуетъ также, чтобы не примѣнялось общее право даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ, собственно, нѣтъ никакихъ признаковъ духовности. Напр., клирикъ убилъ или укралъ; государство привлекаетъ его къ суду, какъ всякаго преступника, но церковь не допускаетъ этого, она говоритъ, что надо предварительно разстричь его, исключить изъ духовенства, и тогда только государство получаетъ право судить и наказать его. Церковь предварительно судитъ, нужно-ли разстричь, а, вѣдь, она можетъ придти и къ отрицательному рѣшенію, оправдать преступника. Если она оправдаетъ его своимъ судомъ, найдя смягчающія обстоятельства, то государственному правосудію дорога преграждена. Понятіе члена церкви въ то время было гораздо шире, чѣмъ теперь. Въ настоящее время клирикъ - это священнослужитель. Но въ Средніе Вѣка была масса людей, которые ничего общаго не имѣли съ служеніемъ церкви и которые, однако, считались клириками. Благодаря выдающемуся общественному положенію церкви, ее облѣпила масса людей, которые примазались къ ней или по матеріальнымъ отношеніямъ, или по отношенію къ просвѣщенію. Вѣдь, грамотѣ учили только духовные и поэтому почти всѣ грамотные считались принадлежащими къ церкви. Privilegion clergy , при-

виллегія духовенства распространилась на множество людей, совершенно не имѣющихъ отношенія къ священнослужительству. Было нѣсколько степеней клириковъ, и низшую степень духовнаго званія - иподіакона - имѣло множество свѣтскихъ людей, примыкавшихъ сюда исключительно изъ за привиллегій, доставляемыхъ принадлежностью къ церкви. Сословіе клириковъ разросталось до громадныхъ размѣровъ. Наконецъ, помимо этихъ изъятій изъ общаго права для клириковъ, каноническое право захватило въ свое вѣдѣніе цѣлый рядъ вопросовъ по поводу столкновеній, возникающихъ между людьми свѣтскими, разрѣшеніе которыхъ принадлежитъ собственно государству и относительно которыхъ оно находитъ указанія въ римскомъ правѣ. Такой захватъ произошолъ мало по малу, вслѣдствіе несовершенства германскаго феодальнаго права. Это право оставило въ сторонѣ много такихъ вопросовъ, которые впослѣдствіи подпали вѣдѣнію государства. Таковы всѣ вопросы о семьѣ и бракѣ: не только вопросы о законности брака, законности дѣтей, вопросы нравственности и супружеской вѣрности были вопросами каноническаго права, но и совершенно гражданскія правовыя отношенія разбирались въ духовномъ судѣ; таковы дѣла о завѣщаніяхъ, дареніяхъ, клятвопреступленіи. Далѣе выростаетъ цѣлая любопытная юрисдикція довѣрія и вѣрности, которая въ основѣ своей каноническаго происхожденія и защищается кононическимъ правомъ. Чтобы показать путь этого правового теченія, укажу на Англію. Тамъ есть суды общаго права и суды канцлерскаго права. Послѣднее имѣетъ каноническое происхожденіе. Въ XIX в. канцлеръ судитъ еще, какъ духовный іерархъ; правда, онъ опирается на государство, пользуется государственной полиціей и тюрьмами, но матеріальную часть своего права онъ строитъ на прецедентахъ права каноническаго. Онъ разбираетъ всѣ столкновенія, которыя возни-

каютъ изъ нарушенія довѣрія и неформальной клятвы, почему не могутъ быть подведены подъ дѣйствія общаго закона. Судъ этотъ существуетъ для преслѣдованія такого рода преступниковъ, которые, ссылаясь на букву закона, могутъ оправдаться съ формальной точки зрѣнія. Таковы, напримѣръ, дѣла о растратѣ опекуномъ имущества опекаемаго; въ этомъ отношеніи положенія феодальнаго права очень грубы, неразвиты, и если истецъ будетъ ссылаться на нихъ, то судъ ему откажетъ въ разборѣ. Однако правонарушеніе все-таки можетъ быть очень грубымъ и требующимъ наказанія - вотъ для такихъ случаевъ и существуетъ церковный судъ. Въ Англіи такой судъ скоро секуляризируется, становится какъ бы отдѣленіемъ государственнаго суда. Во Франціи онъ дольше удерживаетъ свой духовный характеръ. Въ XIУ вѣкѣ, если человѣкъ далъ клятву въ такой формѣ, что по буквѣ закона можетъ отдѣлаться отъ исполненія ея, то его можно преслѣдовать церковнымъ судомъ; обиженный обращается къ церкви, и она дѣйствуетъ или своими средствами - отлучаетъ отъ церкви, или же проситъ государство о вмѣшательствѣ. Но все это очень неопредѣленно и поэтому государство мало по малу начинаетъ требовать, чтобы эта юрисдикція была подчинена контролю парламента. Такимъ образомъ во Франціи церковная юрисдикція вышла не на путь секуляризаціи, а подчинилась свѣтской.

Вотъ два основанія, на которыхъ произошло столкновеніе церкви и государства. Столкновеніе это выразилось въ буллѣ Бонифація VIII, отлучавшей отъ церкви короля Филиппа и его людей. Король, воспользовавшись неурядицей, господствовавшей въ Римѣ, захватилъ самого папу въ плѣнъ. Какъ извѣстно, Ногаре, посланный королемъ въ Римъ, соединился съ частью римской аристократіи и, опираясь на нее и свой рыцарскій отрядъ, захватилъ папу

въ замкѣ Ананьи. Была ли дана при этомъ папѣ пощечина или нѣтъ - это все равно; важно только то, что у папы не оказалось въ тотъ моментъ достаточно опоры въ Италіи и онъ потерпѣлъ пораженіе. По смерти Бонифація его преемникъ поселился во Франціи и, находясь подъ покровительствомъ французскаго короля, призналъ законными всѣ его дѣйствія противъ папы. Установился извѣстный *modus vivendi*, клонившійся, конечно, не къ пользѣ святого престола. Въ этомъ столкновеніи французское государство одержало верхъ; началось Авиньонское плѣненіе папъ подъ охраной французскихъ королей.

Для насъ важно то, что церковь, вслѣдствіе личныхъ интересовъ, выдвигаетъ противъ государства свои требованія, основанныя на идеѣ самостоятельности, по крайней мѣрѣ, одной части общества - духовенства. Церковная реакція является первымъ выраженіемъ протеста противъ расширенія королевской власти и ея притязаній. Но на этомъ реакція не остановилась и въ 1314 г. случилось событіе, которымъ открывается уже другая реакція, къ которой примыкаютъ дворянскіе элементы.

ДВИЖЕНІЕ ДВОРЯНСТВА ПРОТИВЪ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ. Въ исторической борьбѣ духовенства противъ королевской власти сказалось одно условіе, съ которымъ мы встрѣчаемся во всѣхъ проявленіяхъ реакціи сословій противъ государственной власти. Собственно духовенство отстаивало не общіе интересы, а становилось на узкой почвѣ своего сословнаго эгоизма; поэтому оно и не находило въ обществѣ сочувствія тѣмъ идеямъ, которыя оно желало провести.

Второе проявленіе реакціи |со стороны дворянства| отличается тѣми же самыми чертами.

Въ концѣ царствованія Филиппа IУ мы присутствуемъ совершенно при той же обстановкѣ, которая привела въ Англіи къ установленію Великой Хартіи Вольностей. Великая Хартія отвоевана въ Англіи тоже дворянствомъ, преимущественно высшимъ. Особенность этого документа заключается въ томъ, что онъ содержитъ въ себѣ не только требованіе одного сословія, не только его эгоистическія притязанія, но въ томъ, что это сословіе выступаетъ, какъ наиболѣе дѣятельное, въ защиту общихъ интересовъ. Это видно въ статьѣ, которая ограждаетъ вассаловъ отъ требованій барона въ той же степени, какъ бароновъ отъ притязаній короля. Понятіе свободнаго человѣка, такимъ образомъ, отличается узостью, но принципъ всесословности уже выдвинутъ.

Посмотримъ теперь, какое приняла направленіе реакція рыцарей противъ короля при Филиппѣ Красивомъ и при его сыновьяхъ, Людовикѣ X и Филиппѣ У. Образуются присяжныя клятвенныя ассоціаціи, въ которыхъ принимаютъ участіе горожане, дворяне, духовенство - словомъ,всѣ сословія. Онѣ разбиваются по провинціямъ. Выдвигаются Пикардія, Нормандія, Шампань. Всѣ эти ассоціаціи задаются цѣлью ограничить произволъ сборщиковъ, надзирать за сборомъ и употребленіемъ собранныхъ денегъ, умѣрять требованія короны. Такимъ образомъ, соединяются представители разныхъ сословій, даютъ клятвенныя обѣщанія, но такія соединенія неустойчивы. Сословіе рыцарей, крупныхъ владѣльцевъ, въ спорахъ съ королями мало-по-малу вмѣсто общихъ требованій, подставляютъ свои собственныя, узкосословныя податныя претензіи. Въ результатѣ реакція I3I4 - I3I7 гг. ведетъ къ дарованію грамотъ, но въ Англіи Великая Хартія дана всему Англійско-

му народу, здѣсь рядъ провинціальныхъ грамотъ - Пикардіи, Шампани, Нормандіи и др. Въ этихъ грамотахъ самую видную роль играютъ уступки королевской власти по вопросамъ, непріятнымъ для большинства населенія. Короли отказываются подвергать частную войну тѣмъ стѣсненіямъ, которымъ подвергала ее корона при Людовикѣ IX. А это прямая насмѣшка надъ національными интересами. По этому явленію легко замѣтить, насколько успѣхи короля являются успѣхами государства, въ смыслѣ установленія извѣстнаго порядка и права.

Въ грамотахъ, выданныхъ дворянству, частная война объявляется его сословной привиллегіей, поэтому не проходитъ и нѣсколько лѣтъ, какъ ассоціаціи распадаются. Буржуазія бросаетъ дворянство, переходитъ на сторону короля и готова его поддерживать, такъ какъ онъ, несмотря на денежныя требованія, все-таки хранитель порядка, а не преслѣдуетъ личныхъ цѣлей.

Въ 1317 г. при Филиппѣ У, второмъ сынѣ Филиппа Красиваго, являются опять ассоціаціи, на этотъ разъ между королемъ и буржуазіей, королемъ и сельскимъ населеніемъ для ограниченія своеволія частныхъ войнъ и безпорядковъ со стороны дворянства. Оппозиція, во главѣ которой стало бы дворянство, приводитъ къ быстрому распаденію всесословной коалиціи, но потомъ мы имѣемъ другую пробу всесословныхъ попытокъ противодѣйствія и ограниченія королевской власти подъ главенствомъ крупной буржуазіи.

БУРЖУАЗНАЯ РЕАКЦІЯ ВЪ 50-хъ ГОДАХЪ XIУ ВѢКА. Обстановка этой реакціи такова: у сыновей Филиппа Красиваго нѣтъ мужскаго потомства, возникаетъ вопросъ о престолонаслѣдіи, сталкиваются претензіи англійскаго короля по женской линіи и претензіи Valois, фамиліи, состоящей въ отдаленномъ родствѣ съ

угасшей династіей по мужской линіи. На почвѣ данныхъ претензій возникаютъ поводы къ Столѣтней войнѣ, которая и разгорается при Филиппѣ VI. Домъ Валуа, національная французская власть, совершенно захваченъ духомъ позднѣйшаго рыцарства. Онъ вышелъ неожиданно изъ мелкаго княжескаго положенія, получилъ королевскую власть неподготовленнымъ и потому представляетъ не столько государственные интересы, сколько феодальныя рыцарскія традиціи. Первыми представителями дома Валуа являются Филиппъ VI и Іоаннъ Добрый, блестящіе рыцари. Съ этой точки зрѣнія они ведутъ войну и терпятъ пораженія при Креси въ 1346 г. Сраженіе при Креси особенно любопытно: французское рыцарство не выждало аттаки своихъ стрѣлковъ и потоптало ихъ, потому что это были люди не знатные, не храбрые, по мнѣнію рыцарей. И французы были побиты. Англичане со своими наемными стрѣлами и вышколенными рыцарями одержали полную побѣду. Точно также они побѣдили и при Пуатье, вслѣдствіе своей большей политической зрѣлости, цѣлостности, единодушію, способности дѣйствовать за-одно, дисциплинѣ. Эти внѣшніе факты имѣютъ любопытное отраженіе во внутренней исторіи: опять встрѣчаются попытки не только обуздать королевскую власть, но и взять государство въ руки сословій, передѣлать всю систему внутренняго государственнаго устройства. Это уже не прежняя реакція съ цѣлью допустить частную войну, попытка идетъ дальше, чѣмъ феодальная реакція 13 - 15 гг. XIV вѣка. Теперь оппозиція сосредоточивается около собранія Генеральныхъ Штатовъ и прямо ставить себѣ политическія цѣли. Попытка эта является подъ вліяніемъ того, что король, хотя и неудачно велъ войну, а проситъ денегъ. Очевидно, королевская власть оказалась не на высо-

тѣ своего призванія; очевидно война велась плохо. Что же дѣлать? Прекратить войну или готовить ее въ другихъ условіяхъ? - Въ 1355 г. созываются Штаты, собираются опять и въ 1356 г. Іоаннъ Добрый получаетъ большую субсидію, проигрываетъ сраженіе при Пуатье и попадаетъ въ плѣнъ. Окончательно формилировалась реакція, когда сынъ короля, герцогъ Нормандскій вернулся въ Парижъ и созвалъ Штаты, прося денежной помощи. Штаты собрались въ чрезвычайномъ раздраженіи. Въѣздъ герцога былъ, такъ сказать, торжественнымъ въѣздомъ наизнанку: со всѣхъ сторонъ слышались ругательства по адресу придворныхъ "молодчиковъ", которые умѣли шить великолѣпныя одежды, щеголять въ изысканныхъ нарядахъ, истратили народныя деньги, а бить англичанъ не умѣютъ. Раздраженіе всеобщее. Первые Штаты этого года ознаменованы движеніемъ такого рода: разъ король почти отсутствуетъ |онъ въ плѣну|, а придворные не умѣютъ вести политики, то нужно учредить опеку и взять элементы для нея изъ самого народа. Прежде всего обратимъ вниманіе на характеръ этихъ Штатовъ, которые представляютъ большой шагъ впередъ сравнительно съ Штатами Филиппа IУ, Штатами 1302 года. Тогда Штаты являлись конгрессомъ государей, представителей раздробленной государственной власти. Каждый мэръ тамъ - представитель своей маленькой республики. Въ 1356 г. мы видимъ уже нѣчто иное. Процессъ сліянія, объединенія мелкихъ частей подвинулся настолько впередъ, что мы встрѣчаемся уже съ настоящими чинами трехъ сословій. Сословная солидарность рѣзко выдвигается. Дворяне, военное сословіе держится вмѣстѣ, не какъ отдѣльные рыцари или бароны, а какъ представители отдѣльнаго сословія. Духовенство уже давно это почувствовало. Горожане

также отмежевали себѣ отдѣльное положеніе, почувствовали себя сословіемъ. Такимъ образомъ, начинается переходъ отъ положенія маленькихъ особыхъ республикъ Франціи къ понятію трехъ объединенныхъ до нѣкоторой степени сословій. Всѣ три сословія возбуждены неспособностью придворной клики и всѣ убѣждены, что король не можетъ самъ руководить государственнымъ управленіемъ. Результатомъ этого негодованія является учрежденіе своего рода опеки. Устанавливается коммиссія "общихъ реформаторовъ" - réformateurs généraux которые должны пересмотрѣть всѣ существующія учрежденія и прежде, чѣмъ будетъ готовъ проектъ реформы старыхъ учрежденій, слѣдить за дѣятельностью ихъ, за сборомъ денегъ и употребленіемъ ихъ только на нужды государства. Въ провинцію посылаются "réformateurs provinciaux" опекать бальяжи и prévôtés. Являются двѣ системы управленія: королевская, поставленная, такъ сказать, подъ подозрѣніе, и система управленія Штатовъ. Конфликтъ обостряется до-нельзя. Одна система тормозитъ другую. Выражается все это во внѣшнемъ фактѣ: руководителями являются три лица, изъ которыхъ каждый - представитель особаго сословія - герцогъ Аеинскій, епископъ города Бове, Лекокъ и Этьенъ Марсель, прево Парижскихъ купцовъ; въ руки послѣдняго, благодаря умственному превосходству, переходитъ главная роль, но въ коммиссіи участвуютъ и дворяне и духовные. Мало-по-малу, однако, подъ вліяніемъ этого остраго положенія всесловность пропадаетъ и управленіе получаетъ все болѣе узко-мѣстный и узко-сословный характеръ. Прежде всего сами реформаторы неодинаково смотрятъ на королевскую администрацію, не знаютъ, какъ съ ней быть. Ее надо устранить и замѣнить Штатами, созываемыми періодически, два раза въ годъ: вес-

ною и осенью. Созванiе не зависитъ отъ произвола регента - штаты сами сходятся. Таковы реформы для замѣны королевскихъ людей людьми штатовъ. Происходитъ невѣроятный хаосъ въ администрацiи. Новые люди не знаютъ дѣла, а кто его знаетъ, т.е. старые чиновники, не хотятъ его дѣлать, интригуютъ противъ новыхъ. Дѣло доходитъ до того, что въ Счетной Палатѣ измѣняютъ весь чиновничiй составъ. Новые чиновники непривычны къ дѣлу, получая вѣдомости и счеты не знаютъ, что съ ними дѣлать; они не знаютъ традицiй, не знаютъ на чемъ остановилось дѣло, и на другой же день послѣ своего назначенiя всепокорнѣйше просятъ ввести въ ихъ составъ кого-нибудь изъ прежнихъ дѣльцовъ. Все сильнѣе сказавается необходимость какой нибудь другой опоры, въ виду распаденiя центральной королевской власти. Такъ какъ новой власти нельзя создать на традицiонной почвѣ и существуетъ рѣзкая разница во взглядахъ, то является мысль дать ей насильственный характеръ, дѣйствовать подъ влiянiемъ страха, террора. Во главѣ этой попытки становится Марсель.

ПАРИЖСКIЙ ТЕРРОРЪ ЖАКИ. Внѣшнiй фактъ, показывающiй торжество террористическихъ тенденцiй, относится къ 1357 г., когда толпа проникла во дворецъ регента и на его глазахъ убила двухъ маршаловъ. Самъ герцогъ находился въ опасности, и чтобы спасти его, Марсель надѣлъ ему на голову свою парижскую шапку, а самъ надѣлъ шапку герцога. Кромѣ того является рядъ другихъ запросовъ: организуется для террора армiя изъ цеховыхъ и подмастерьевъ, вообще мелкаго ремесленнаго и приказчичьяго люда, во главѣ которой стоялъ Марсель. Армiя очень внушительнаго характера и въ теченiе 14 - 15 мѣсяцевъ, въ Парижѣ устанавливается строгая дисциплина вслѣдствiе буржуазнаго террора. По-

нятно, подъ вліяніемъ этого всякая коалиція распадается. Въ собраніи штатовъ остается все меньше депутатовъ отъ дворянства и духовенства. Осенью 1357 г. ихъ уже нѣтъ, все ведутъ парижскіе депутаты отъ буржуазіи, даже депутаты отъ другихъ городовъ отсутствуютъ. Тутъ сказываются два обстоятельства: во первыхъ, недовольство населенія путаницей, внесенной такимъ нескладнымъ переворотомъ, недовольство на неумѣніе парижскихъ эмиссаровъ устранить эту путаницу. Національнаго террора еще нѣтъ. Вліяніе Парижской администраціи не простирается далѣе Парижа, который не можетъ навязать его провинціямъ. Другое обстоятельство - зависть и рознь отдѣльныхъ провинцій между собой. Національное чувство еще не сформировалось. Эпоха его сформированія - эпоха болѣе поздняя, послѣ Столѣтней войны. Она характеризуется появленіемъ на политической сценѣ Жанны д'Аркъ. Но теперь, при несомнѣнной наличности государственныхъ идей и государственныхъ правъ у парижскихъ дѣятелей, ихъ все таки не любятъ, у нихъ нѣтъ почвы въ странѣ, потому что они парижскіе буржуа. Они поэтому очутились одни и мало-по-малу вступаютъ на наклонную плоскость, подсказываемую ихъ отчаяннымъ положеніемъ, сознаютъ его, но дѣлать нечего. Имъ нуженъ союзникъ, и Этьенъ Марсель заводитъ сношенія съ Карломъ Наварскимъ, который, пользуясь смутой, ловитъ рыбу въ мутной водѣ и разсчитываетъ на престолъ.

Мало того, Этьенъ Марсель въ виду отчаяннаго и изолированнаго положенія Парижа входитъ въ сношенія съ Жаками, съ возставшими крестьянами въ окрестностяхъ Парижа.

Жакерія - крестьянское возстаніе въ самыхъ рѣзкихъ формахъ Эти средневѣковыя крестьянскія возстанія отличаются крайнимъ

ожесточеніемъ и полнымъ отсутствіемъ какой-либо определенной програмы. Возстаніе вспыхнуло, потому что крестьяне находились въ безвыходномъ положеніи. Они возстаютъ отъ того, что больше платить нельзя: ихъ грабятъ, и возстаніе является своего рода болезненной судорогой. Вождей въ полномъ смысле этого слова нетъ. Крестьянство действуетъ съ бешенствомъ враговъ общественнаго порядка: женщинъ насилуютъ, добро расхищаютъ, жгутъ замки и записи повинностей; возстаніе разливается широкой стихійной волной, благодаря слухамъ и невидимымъ эмиссарамъ. Изъ северной Франціи переходитъ въ Овернъ, на югъ и на востокъ, въ Шампань. Но очертанія его неправильны. Определенной карты походовъ этихъ Жаковъ нарисовать нельзя.

Любопытно, что это возстаніе вызываетъ противъ себя. Будучи борьбой низшихъ классовъ общества противъ поработителей, оно объединяетъ всехъ, кто принадлежитъ къ высшимъ классамъ. Тутъ даже война съ Англіей отступаетъ на второй планъ: французы действуютъ за одно съ англичанами. Гасконскій представитель Англійскаго короля Капталь де Бушъ |Captal de Buch| съ главнымъ начальникомъ французскаго войска выступаютъ противъ крестьянъ. Если можно говорить о сраженіяхъ во время крестьянской войны, то самымъ важнымъ следуетъ признать сраженіе съ Жаками при Марше де Мо. |Marché de Meaux|. Сюда сбежались жены и дети французскихъ окрестныхъ дворянъ. Жаки ихъ осаждали. Въ это время проходило мимо англійское войско. Предводитель его разбиваетъ крестьянъ и освобождаетъ французскихъ дамъ, потому что мужья ихъ были его собратья.

И вотъ можно сказать последній ударъ своему делу буржуазія наноситъ тогда, когда въ лице Марселя соединяется съ этими врагами средневекового порядка. Приглашеніе Жаковъ въ Парижъ

чтобы привлечь ихъ къ соединенію съ герцогомъ Наваррскимъ и обновить Штаты, установивъ въ нихъ преобладаніе денежной буржуазіи и крестьянъ, возбуждаетъ въ самомъ Парижѣ сильнѣйшую реакцію противъ Марселя. Какъ извѣстно, онъ былъ убитъ однимъ изъ представителей буржуазіи въ началѣ 1358 года. Еще раньше его убійства регенту удалось бѣжать изъ Парижа и благодаря этому вызвать противъ Парижскихъ правителей демонстрацію, которую онъ провелъ умно. Онъ выступилъ не съ притязаніями монархическаго свойства, а въ Компьенѣ созвалъ новые Штаты. На эти Штаты явились депутаты со всей Фраціи, за исключеніемъ самого Парижа. Такимъ образомъ оглодокъ - "охвостье" Генеральныхъ Штатовъ 1357 г. и Штаты всей Франціи очутились лицомъ къ лицу. Штаты, собранные регентомъ, высказались противъ парижскихъ, но окончательная расправа, примиреніе и подчиненіе Парижа наступило отъ того, что въ самомъ Парижѣ не хотѣли терпѣть господства Марселя и убили его. Вотъ какъ распалась эта послѣдняя реакція, которая, опять таки, приняла узко сословный характеръ, сосредоточилась въ рукахъ Парижа и его буржуазнаго населенія. Надо прибавить, здѣсь есть нѣкоторая общая черта, которая показываетъ что въ самомъ началѣ у руководителей парижской буржуазіи были очень узкіе взгляды на то, что они могутъ извлечь изъ этого движенія. Между прочимъ высказывается новая идея податнаго обложенія: слѣдуетъ примѣнить подоходный налогъ, но такъ, чтобы онъ возможно легко падалъ на высшіе классы. Это, такъ сказать, обратно прогрессивный налогъ. Всѣ имѣющіе меньше 100 ливровъ, платятъ 6 %; - отъ 100 до 500 - 4 %; отъ 500 до 1000 - 3 %. Эта система налога, которую пыта-

лись провести въ 1356 г. и показываетъ, что самая буржуазія отличалась большою узкостью и эгоизмомъ въ пониманіи всѣхъ этихъ дѣлъ и отношеній. Третья реакція, такимъ образомъ, отмѣчена тѣмъ, что, какъ и борьба съ королевской властью духовенства и феодаловъ, ведетъ къ узкосословной постановкѣ оппозиціи, которая не пріобрѣтаетъ обще-государственнаго значенія, а сбивается на энергическую себялюбивую дѣятельность одного сословія. Всѣ три сословія и не могутъ и не умѣютъ еще дѣйствовать за-одно. Еще не создается той твердой почвы, которая обѣщаетъ успѣхъ попытки ограничить королевскую власть. Въ Англіи это проявленіе оппозиціи королевской власти было самымъ крупнымъ и краснорѣчивымъ; были и еще попытки ограничить королевскую власть, поставить ее подъ общій сословный контроль, но попытки болѣе слабыя.

КАРЛЪ У МУДРЫЙ. Попытка вмѣшательства сословій въ дѣло государственнаго строенія Франціи имѣли очень односторонній характеръ и очень слабый успѣхъ. Мы видимъ, что дворянство выставляетъ личныя претензіи, которыя шли въ разрѣзъ съ интересами другихъ сословій. Крупная буржуазія посмотрѣла на дѣло шире, имѣла проэкты обще-государственнаго характера, но не нашла поддержки, озлобилась и уединилась въ своихъ личныхъ стремленіяхъ. Въ результатѣ послѣ крушенія Штатовъ 50-хъ годовъ, видимъ, что подбираетъ власть и возстановляетъ порядокъ тотъ же король. Тотъ регентъ, герцогъ Нормандскій, котораго въ 50-хъ годахъ такъ стѣснили во Франціи, теперь въ качествѣ короля Карла У многое сдѣлалъ, чтобы побить англичанъ и оттѣснить ихъ къ западу. Онъ дѣйствуетъ совершенно на свой страхъ,

своими силами, отстраняя все вліяніе и вмѣшательство со стороны сословій. Только одинъ разъ онъ созываетъ еще Штаты и то по второстепенному вопросу. Дѣятельность короля становится сознательно и исключительно монархической. Той необходимости соединить всѣхъ представителей Франціи на конгрессъ, которая ощущалась сильно въ первой половинѣ XIУ вѣка, теперь не ощущается. Король становится противникомъ періодическаго созванія Генеральныхъ Штатовъ, которые прямо ему ненавистны. Они на его взглядъ, источникъ безпорядка. Кое-какъ Карлу У съ коннетаблемъ Дюгескленомъ удалось очистить французскую территорію отъ англичанъ, при помощи мелкихъ сраженій, осадъ, безъ громкихъ побѣдъ, безъ проявленій особеннаго героизма.

КАРЛЪ УI. ДАВЛЕНІЕ ПАРИЖСКОЙ БУРЖУАЗІИ НА РЕГЕНТА. Это улучшеніе положенія Франціи было непрочно: при королѣ Карлѣ УI пружины монархической власти ослабѣваютъ. Онъ подпадаетъ вліянію разныхъ опекуновъ изъ царедворцевъ, которые эксплоатируютъ управленіе короля изъ своихъ личныхъ выгодъ. Начинаются бѣдствія, англичане завоевываютъ территорію, все болѣе улучшаютъ свое положеніе, и въ результатѣ является такая же потребность въ ограниченіи и стѣсненіи этого новаго безпутнаго порядка, какая была въ пятидесятыхъ годахъ. Какого свойства были королевскіе опекуны, видно изъ исторіи ссоръ двухъ главныхъ партій при дворѣ. Во главѣ одной стоялъ герцогъ Орлеанскій, во главѣ другой - герцогъ Бургундскій. Первый въ качествѣ регента Франціи, получилъ 2.000.000 ливровъ на устройство арміи. Изъ нихъ онъ, какъ доказано, 800.000 истратилъ на свои личныя потребности, но даже ими не могъ заткнуть дыръ въ своемъ личномъ бюджетѣ. Этотъ человѣкъ, разъ испугавшись сильнаго удара грома, обѣщалъ заплатить всѣ свои долги, но одинъ видъ

толпы явившихся къ нему кредиторовъ заставилъ его отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія. Понятно, онъ менѣе всякаго другого, былъ способенъ управлять государствомъ. Поэтому, въ Парижѣ опять является со стороны буржуазіи попытка сплотиться и оказать сопротивленіе королевской власти. Въ 1386 году въ Парижѣ и Руанѣ вспыхиваетъ возстаніе "Maillotins'овъ" - "молотобойцевъ"; вооруженные молотками, мятежники избивають рыцарей и придворныхъ на улицахъ, захватываютъ власть. Дворъ сплотился; дворянское ополченіе, возвратившись изъ Фландрскаго похода, обратилась противъ внутреннихъ супостатовъ и покончила самоуправленіе Парижа. Предводители лиги "Maillotins" были казнены и имѣніе ихъ конфисковано. Тѣмъ не менѣе такого рода подавленіе мятежа не привело ни къ какимъ существеннымъ улучшеніямъ. Тоже не спокойное состояніе продолжалось. Распря герцоговъ Бургундскаго и Орлеанскаго выдвинула впередъ парижскіе рабочіе классы. Слой верхней буржуазіи былъ разбитъ и униженъ, но движеніе осталось въ силѣ, хотя руководители его и измѣнили его цѣли. Не крупные купцы, а цехи выступаютъ теперь впередъ, т.е., мелкое подмастерье, мелкіе лавочники, а также и ученый цехъ, университетъ. Характерными представителями движенія 1409 г. являются герцогъ Бургундскій, доктора и профессора университета, во главѣ которыхъ стоитъ хирургъ Jehan de Trois и Богословъ Eustache de Pavilly. Тутъ же видимъ и представителей низшихъ классовъ. Палачъ Каплюшъ и живодеръ Кабошъ предводители шаекъ, которыя держатъ полицію изъ сильныхъ и здоровыхъ ремесленниковъ на улицахъ Парижа. Союзъ не особенно проченъ, но одушевленъ лучшими стремленіями.

Власть надъ Парижемъ почти на два года переходитъ въ его руки. Подъ вліяніемъ этого движенія издается ордонансъ 1413 г., указъ, въ которомъ записаны пребованія парижской буржуазіи, изложенныя въ легальной формѣ. Можно было бы ожидать чего нибудь очень радикальнаго, попытки перевернуть весь государственный строй, но ничего подобнаго не оказывается. Любопытно, что результатъ движенія отличается какъ бы монархической окраской. Руководители движенія - цехи - отказываются поставить на мѣсто королевской администраціи администрацію Штатовъ. Напротивъ, они держатся того мнѣнія, что королевскую администрацію надо сохранить, только надо дать ей правильное основаніе, устранить изъ нея произволъ, провести нѣкоторое однообразіе и централизацію; въ частности отдѣльныя судебныя учрежденія подчинить парламенту, отдѣльныя контрольныя учрежденія - Счетной Палатѣ, остальное уничтожить; является идея центральной чиновничьей администраціи, бюрократической централизаціи. Интересно на чемъ сговорились эти люди: слѣдуетъ измѣнить не принципъ власти а примѣненіе этого принципа; устроить такъ, чтобы онъ примѣнялся возможно правильно и безкористно, людьми честными и подготовленными, получившими выучку. Чиновничьи должности ни въ какомъ случаѣ не надо продавать, а замѣщать выборными. Въ выборахъ выдающаяся роль принадлежитъ адвокатамъ. Въ провинціяхъ адвокаты образуютъ избирательные кружки, поставляющіе судей. Эта идея совершенно стоитъ наперекоръ общему началу продажи должностей, которая, главнымъ образомъ, примѣнялась при замѣщеніи мѣстъ изъ фискальныхъ видовъ. Продажа является противорѣчивой лишь на словахъ, теоретически невозможной. Хотя на первый взглядъ наши симпатіи обращаются къ идеѣ выборовъ,

но въ томъ положеніи французскихъ дѣлъ этотъ планъ былъ очень опасенъ. Его полное крушеніе въ 1414 г. объясняется не только тѣмъ, что король во что бы то ни стало хотѣлъ набить свой кошелекъ, но и другими соображеніями, стремленіями самого судебнаго сословія. Разъ покупатель пріобрѣлъ должность, какъ гражданскую собственность, онъ не можетъ ея лишиться по произволу. Это способствуетъ тому, что судья является самостоятеленъ, безпристрастенъ и неподкупенъ въ своихъ рѣшеніяхъ, - соображеніе, которое, конечно, имѣетъ свой raison d'être . Къ тому же судебное мѣсто можетъ купить не первый попавшійся. Къ купившему предъявлялись извѣстныя требованія, такъ - должности достигались по степенямъ и экзаменамъ: для полученія низшихъ степеней нужно было выдержать экзаменъ при судѣ. Во всякомъ случаѣ, движеніе 1409-1413 гг. было непрочно въ своей основѣ. Эта случайная коалиція элементовъ безъ внутренней связи и, поэтому, достаточно было того что придворныя распри стихли, водворился миръ между Арманьяками и Бургундцами и буржуазная политика снова потерпѣла крушеніе въ 1413 году. Всѣ главные руководители опять исчезли и движеніе прервалось. Въ это время Франція достигла высшей точки напряженія тѣхъ бѣдствій, которымъ она подверглась. Повидимому, ей было уже не суждено подняться. У нея было два короля: Генрихъ VI англійскій, какъ-бы настоящій король, держалъ въ своихъ рукахъ Парижъ и большую часть Франціи, подъ его же опекой находился полуумный Карлъ VI. Когда этотъ послѣдній умираетъ, представителемъ французской національной королевской власти остается дофэнъ съ правами,но безъ власти: его едва признаютъ на югѣ, въ Ланѣ,

въ Орлеанѣ, а сѣверъ и западъ тянутъ къ Англіи. Хотя англичане добились полнаго преобладанія, но могущество ихъ поверхностно. Оно держится благодаря нравственному впечатлѣнію цѣлаго ряда побѣдъ англійской, превосходно организованной изъ третьяго сословія арміи съ ея отличными стрѣлками надъ французскимъ недисциплинированнымъ рыцарствомъ. Панику французскаго рыцарства трудно описать. Англійскій рыцарь, напр., подъѣзжаетъ къ французскому замку, стучитъ копьемъ въ ворота, вызываетъ на бой, но на вызовъ никто не откликается. Деморализація полная, на какую способны только галлы, народъ горячій и впечатлительный, поддающійся легко увлеченію въ минуту успѣха и падающій духомъ въ трудное время. Это условіе нравственное, которое требуетъ нравственнаго точка для выхода изъ бѣдственнаго положенія.
А между тѣмъ можно сказать, что матеріальная сила англичанъ была слаба. Они всегда во всѣхъ сраженіяхъ вступаютъ въ меньшинствѣ. При Креси, при Азенкурѣ они берутъ главнымъ образомъ, военной выдержкой. Чтобы поддержать англичанъ во Франціи, имъ нуженъ постоянный притокъ изъ Англіи свѣжихъ силъ, который возможенъ до тѣхъ поръ, пока тамъ спокойно не началось еще своихъ смутъ, такого движенія, которое требовало бы присутствія англичанъ у себя на родинѣ. А между тѣмъ въ XIV в. теперь въ Англіи начинаются распри сперва между низшими и высшими классами - крестьянское возстаніе, наконецъ, и въ средѣ высшихъ классовъ - такъ называемая война Алой и Бѣлой розы. Оказывается, что и въ Англіи накопилось пропасть рыцарскаго матеріала, готоваго довести личные споры до открытаго вооруженнаго столкновенія. Долго въ продолженіе Столѣтней войны все это выноси-

лось во Францію, но теперь началась кровавая борьба, въ которой истреблены были цѣлыя аристократическія семейства и эта борьба, которая возникла при Генрихѣ VI, сразу прекратила выходъ людей во Францію. Понятно, что, въ виду такого положенія, англичанамъ оставалось дѣйствовать во Франціи только своимъ престижемъ. Я останавливаюсь на этомъ подробнѣе, потому что нужно выяснить матеріальную обстановку, при которой произошелъ переворотъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XV вѣка при Жаннѣ д'Аркъ.

ЖАННА Д'АРКЪ. На этомъ эпизодѣ исторіи Франціи нельзя не остановиться: помимо личной стороны, въ немъ сказывается нѣсколько характерныхъ чертъ общаго теченія. Тутъ мы видимъ, почему и какъ закончилась Средневѣковая исторія Франціи. Но, повторяю, нужно выяснить взаимоотношеніе Англіи и Франціи. Безпорядокъ во Франціи полнѣйшій, власти прочной нѣтъ, но англійское вліяніе только на поверхности и держится. И вотъ является народное движеніе, которое возстанавливаетъ правительственный престижъ, разбиваетъ заколдованный кругъ англійскихъ побѣдъ. Жанна - это крестьянка, притомъ Лотарингская. Лотарингія, восточная область лежала къ Рейну и тоже была не совсѣмъ не задѣта Столѣтней войной. Тутъ было и войско герцога Бургундскаго, и графа Фландрскаго, даже англійское [два раза], но все таки страна не такъ опустошена, какъ сѣверная и средняя Франція, потому что тамъ не было ежемѣсячныхъ нашествій непріятельскихъ бандъ. Нѣкоторыя устойчивыя отношенія давали возможность сложиться болѣе прочнымъ идеаламъ, которые были

связаны съ мѣстными отношеніями и интересами. Характерно одно обстоятельство: чистое вполнѣ національное чувство любви къ отечеству является особенностью низшихъ классовъ, не бѣдняковъ, но тѣхъ, кто не могъ быть космополитомъ, кто сидитъ на своемъ мѣстѣ, не думаетъ ни о чемъ другомъ и только въ годину бѣдствій могъ расширить свои взгляды до границъ всей Франціи. Въ этомъ отношеніи хакартерный котрастъ предсталяетъ и то, что идеалъ Жанны д'Аркъ звучитъ совершенно иначе, чѣмъ то, какъ судитъ о событіяхъ знаменитый хроникеръ XIУ вѣка Фруассаръ, каноникъ Шинонскій, который описалъ начало Столѣтней войны. Онъ старшій современникъ Жанны д'Аркъ, но является представителемъ другихъ идеаловъ; онъ французъ, однако симпатіи его не французскія: ему нравится пейзажъ, французская обстановка, но въ то же время онъ прекрасно передаетъ рыцарскіе подвиги англичанъ. Герой его разсказа - Черный Принцъ, самъ Эдуардъ III ему симпатиченъ. Нельзя сказать, чтобы его симпатіи клонились или къ французамъ или къ англичанамъ: его интересуютъ вообще подвиги и этотъ интересъ влечетъ его скорѣе къ послѣднимъ. Такимъ образомъ онъ интернаціоналенъ, космополитъ, хотя у него нѣтъ явнаго предпочтенія враговъ отечества. Въ своемъ быту онъ французъ, который любитъ бытовую обстановку, обладаетъ живымъ и интенсивнымъ чувствомъ родного языка. Въ этомъ отношеніи онъ большой французскій писатель XIУ вѣка.

Тутъ капитальное условіе - слабое развитіе въ высшихъ классахъ любви къ отечеству въ политическомъ отношеніи есть чувство страны въ смыслѣ культурномъ, бытовомъ, не политическомъ. А въ низшихъ слояхъ это чувство есть, какъ видно изъ словъ

Жанны на судѣ надъ ней. Раунскіе и парижскіе доктора, желая изобличить ее въ ереси и поймать на какомъ нибудь противорѣчіи, задали ей хитрый вопросъ: почему она думаетъ, что Богъ ненавидитъ англичанъ? Она отвѣчала, что не знаетъ, ненавидитъ ли Богъ англичанъ, но зато знаетъ хорошо, что они пришли въ чужую страну и старались завладѣть ею: поэтому она съ своей стороны постаралась помочь ихъ изгнанію. Очевидно, судьи, хотя они были французы, видѣли что-то странное въ ея ненависти къ англичанамъ и приписали это внушенію дьявола. Извѣстенъ внѣшній ходъ событій, какъ Жанны добилась того, что ее привели въ лагерь дофэна, освободила Орлеанъ, неудачно пыталась захватить Парижъ, короновала Карла въ Реймсѣ и была взята затѣмъ въ плѣнъ. Таковы внѣшніе факты ея біографіи. Но важно то, что съ самаго перваго шага, съ пораненія Тальбота подъ Орлеаномъ, она выступаетъ представительницей народнаго движенія. Королевскіе круги относятся къ ея дѣятельности необыкновенно холодно, скептически. Когда она начала вліять при дворахъ, на нее смотрѣли все еще съ презрѣніемъ, сверху внизъ и считали колдуньей. На военный совѣтъ ее не приглашаютъ, она не командиръ, а только средство для привлеченія въ войско элементовъ со стороны. Около Жанны составляется весьма нестройное ополченіе. Однако англичане принуждены снять осаду и очистить окрестности Орлеана. Все время ее продолжаютъ отстранять отъ стратегическихъ плановъ, такъ что она въ чистѣйшемъ видѣ представляетъ національное ведeніе войны, вопреки всякой стратегіи. Когда затѣмъ она попадаетъ въ плѣнъ, то отмѣтимъ этотъ важный фактъ: на нее смотрятъ какъ на износившееся оружіе. Она сперва попала къ графу Люксембургскому, вассалу Бургундіи, который

расположенъ былъ вести переговоры о выдачѣ ея, какъ съ Англiей такъ и съ Францiей. Король могъ ее выкупить, но не сдѣлалъ этого, потому что она была уже ненужна - она отслужила. Судятъ ее приговариваютъ и сжигаютъ - французы, представители Руанскаго духовенства, предсѣдательствуетъ на судѣ епископъ Руанскiй. Все это свидѣтельствуетъ, что на верху не понимали народнаго движенiя и его результатовъ. Все таки съ нацiональной точки зрѣнiя она сдѣлала свое дѣло. Конечно, она имѣла мистическiе планы, но планы эти носятъ нацiональную окраску. Мистика ея высказывается въ обращенiи къ герцогу Бедфордскому; она развиваетъ основную мысль, что надо бросить междуусобную войну и идти освобождать гробъ Господенъ. Бедфордъ и Карлъ VII уже выросли изъ этой идеи, а Жанна д'Аркъ, совершая крестовый походъ во Францiи мечтала о такомъ же походѣ въ Iерусалимъ. Я уже упоминалъ, какъ ее долго разспрашивали, отчего она такъ ожесточенно дѣйствовала противъ англичанъ, не подсказала ли это ей нечистая сила, и какъ она на это отвѣчала. Замѣчателенъ ея устойчивый монархизмъ безъ колебанiй. Хотя она все время сталкивалась съ холоднымъ отношенiемъ къ ней при дворѣ, она все же до самой смерти вѣрила въ монархическiй идеалъ, вѣрила въ то, что монархическая идея - путеводная звѣзда Францiи, и король Карлъ VII - ея лучшiй представитель. Въ Руанѣ ей ставили хитрый вопросъ: почему она такъ любитъ Карла VII, когда онъ ее и знать не хочетъ? Это ее глубоко взволновало, она заплакала и сказала, что не хочетъ этому вѣрить, что Карлъ самый лучшiй и праведнѣйшiй изъ королей. Народно бытовой мистицизмъ, глубокое пониманiе задачи освобожденiя отечества и почти непосредственное, внѣ всякой теорiи, сознанiе капитальнаго значенiя для Францiи

королевской власти, - вотъ съ чемъ приходится считаться, чтобы объяснить это движеніе во Франціи въ эпоху Столѣтней войны.

РЕЗУЛЬТАТЫ СТОЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

Послѣ свержения англійскаго владычества дѣло заключалось въ томъ, какъ устроить Францію. Разореніе ея было безпримѣрнымъ. Кромѣ ущерба для отдѣльныхъ мѣстностей важно было то, что къ концу Столѣтней войны образовались профессіональныя банды, которыя не могли жить иначе, какъ грабежемъ. Эти банды получили названіе "живодеровъ" - écorcheurs. Необходимо было очистить территорію отъ этихъ разбойниковъ. Дѣятельность Карла VII и направлена на то, чтобы устранить рѣзко бросавшіеся въ глаза безпорядки. Для этого нужны болѣе систематическія усилія, чѣмъ для войны. Цѣлый рядъ напряженій во время войны и общій подъемъ духа замѣняется теперь упадкомъ духа, усталостью, между тѣмъ необходима систематическая дѣятельность. Въ 1439 г. на Генеральныхъ Штатахъ въ Орлеанѣ принята мѣра, которая показываетъ, что уроки Столѣтней войны не прошли даромъ: пришли къ той мысли, что нужно снабдить центральную власть не только полномочіями и правами, а и средствами, которыя бы позволили воспользоваться этими правами и полномочіями. На Орлеанскихъ Штатахъ Карлъ VII получилъ отъ Штатовъ постоянное войско и подать. Вы помните, что при феодальномъ устройствѣ никакого постояннаго войска быть не могло: собирались ополченія или по службѣ [на 40 дней] или по просьбѣ. Теперь признано, что королевская власть должна имѣть въ своемъ распоряженіи постоянное военное учрежденіе для очистки дорогъ и поддержанія порядка въ странѣ. Это войско формируется въ числѣ 1500 копій, т.е. всего около

9000 человѣкъ [при каждомъ копьѣ нѣсколько оруженосцевъ]. Вотъ зародышъ французской постоянной арміи. На содержаніе ея ассигнуется I.200.000 ливровъ. Этотъ шагъ имѣетъ громадное политическое значеніе; послѣ этого король рѣшается выхлопотать все больше и больше, раздвигаетъ границы ассигновки и увеличиваетъ число войска; французская монархія вступаетъ на путь военнаго преобладанія, которое рѣзко характеризуетъ ее въ новое время. Затѣмъ замѣтьте, что это рѣшеніе относительно постояннаго войска и подати разъ на всегда прекращало необходимость обращаться къ созванію чиновъ. Въ 1448 г. къ этому постоянному войску прибавилась еще постоянная милиція, выразившаяся уже въ формахъ не феодальныхъ: каждый приходъ, независимо отъ того, находится ли онъ на землѣ короля или барона, долженъ былъ выставить французскому королю одного стрѣлка. Люди того времени уже понимали, какія могли быть нехорошія последствія отъ этой мѣры для народнаго права и свободы. О томъ неудовольствіи, которое было тогда, можно составить понятіе, по одной брошюрѣ, вышедшей послѣ Штатовъ 1439 года, брошюрѣ епископа Лизьескаго, конечно, не радикала и не демократа. Сущность брошюры заключается въ слѣдующемъ: вступивъ на новый путь, Франція отрекается отъ возможности располагать своей судьбой по своему произволу. Она передаетъ всѣ полномочія королю, который получаетъ возможность не справляться съ рѣшеніемъ государствъ, потому что и сосѣди заведутъ постоянныя арміи, которыя все будутъ увеличиваться и до чего дойдетъ все это - неизвѣстно. Хотя всѣ эти возраженія заключали въ себѣ извѣстную долю истины, но бѣда въ томъ, что епископъ не могъ ничего предложить такого, что

могло бы замѣнить принятую мѣру, а между тѣмъ необходима полицейская и военная сила для внутренней и внѣшней защиты государства.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ. ИТОГИ.

Собственно этимъ актомъ 1439 года и 1449 года можно закончить исторію государственной власти средневѣковой Франціи. Послѣ этого начинается уже борьба, которая отличается иными признаками, признаками новаго времени. Благодаря этимъ постановленіямъ мы приходимъ къ полному и окончательному признанію того, что государственное управленіе Франціи становится подъ безусловную опеку короля представляетъ собственность монархическаго элемента. Какъ это случилось, мнѣ кажется, я достаточно выяснилъ. Важно свести къ главнымъ пунктамъ, подчеркнуть среди второстепенныхъ подраздѣленій главныя направляющія силы. Безъ сомнѣнія, тутъ дѣло сводится къ двумъ обстоятельствамъ: внѣшнему и внутреннему. Съ одной стороны внѣшнее положеніе Франціи сложилось такъ, что при опредѣленіи ея государственныхъ задачъ выступили впередъ территоріальное объединеніе и пріобрѣтеніе средствъ для внѣшней борьбы. Вся средневѣковая Франція была втянута такъ сильно въ распри и борьбу съ Англіей, что вопросъ о преобладаніи и даже существованіи ея предъ Англіей сдѣлался главнымъ вопросомъ французской политики. Много разъ пытались дать другое направленіе этой политикѣ ставить иныя задачи, но всѣ они отходили на задній планъ, потому что задачи внѣшней политики ставились наравнѣ съ вопросомъ о жизни и смерти. Это показываетъ особенно Столѣтняя война. Тутъ Франція почти распалась, нельзя было сказать, продолжитъ ли она свое существованіе,

будетъ ли она простымъ придаткомъ къ Англіи, ея провинціей или самостоятельнымъ государствомъ. Разъ задача государства ставилась такъ рѣзко на почвѣ внѣшнихъ отношеній и защиты отъ внѣшнихъ враговъ во что бы то ни стало, то по эмпирическому закону исторіи перевѣсъ получаетъ элементъ, который полнѣе всего представляетъ единство который преслѣдуетъ задачу территоріальной цѣлости, который всего успѣшнѣе можетъ провести идею подчиненія національныхъ силъ единой государственной власти. Это элементъ монархическій. Повторяю, мы считаемся съ условіями, постановка коихъ нѣсколько разъ повторялась въ исторіи: и въ исторіи Греціи, которая выставляетъ принципъ стратеговъ, когда Аѳины расширяются за стѣны города, и въ исторіи Рима, въ извѣстный періодъ, когда республику мѣняетъ имперія, и въ исторіи Россіи, гдѣ рѣзко выдвигается монархическій элементъ, въ связи съ вопросомъ о національномъ существованіи; и въ новѣйшей исторіи Германіи объединеніе Германіи вновь подтверждаетъ то эмпирическое наблюденіе, что развитіе внѣшнихъ отношеній ведетъ къ сосредоточенію власти единичнаго характера. Это первая сторона дѣла. Вторая сторона - соціальное вліяніе, насколько оно отражается на политическомъ развитіи. Соціальный составъ Франціи, отношеніе составляющихъ ее классовъ, имѣютъ громадное значеніе для подведенія итоговъ французской исторіи. Этотъ соціальный составъ характеризуется чрезвычайно рѣзкимъ распаденіемъ сословныхъ группъ. Оно приводитъ къ образованію княжествъ которыя только номинально соединены подъ общимъ понятіемъ Франціи, хотя ничего общаго между собой не имѣютъ. Весь востокъ Франціи - Бургундія долгое время колеблется между Франціей и

Германіей и одно время может даже стать самостоятельным королевством. Эта полная сасмостоятельность княжеств сопровождается чрезвычайно рѣзким правленіем феодализма. Принцип раздробленія, слѣдствіе феодализма, нигдѣ так рѣзко не выступает, как во Франціи. Результат его в тот момент, когда уже не было полнаго феодализма, выражается в том, что нигдѣ так рѣзко не обострляется сословное раздѣленіе, нигдѣ нѣт такой розни между сословіями, как здѣсь. И вот в исторіи Столѣтней войны, в исторіи попыток ограничить королевскую власть - мы встрѣчаемся с таким фактом: как только какой нибудь класс поставит себѣ программу реформ, то эта программа является узко-классовой; как только один класс получит преимущество, так тотчас другіе классы оказывают ему и активное и пассивное сопротивленіе, и ни разу не подают руки друг другу. Идея обще-государственная не проникла еще в сознаніе классов. Поэтому, при Карлѣ У и УII, когда торжествует идея государственности, она выражается в монархической формѣ власти. Классовыя ограниченія и общественная самодѣятельность являются в данном случаѣ формами противо-государственными, они узки и не могут содѣйствовать развитію идеи государственности. Этим и опредѣляется главный результат политическаго развитія Франціи, во-первых, задачей внѣшней борьбы государства, во-вторых составом государства, вызывающим идею посредничества монархической власти, которая представляет государственное единство в противоположность классовым партіям.

Необходимо углубить это объясненіе сравненіем с тѣм, что происходило рядом, что было похоже в началѣ, но потом разошлось. Я не буду пускаться в подробности, необходимо точно

изслѣдованіе Англіи и Германіи, - но укажу на то, что въ Англіи мы имѣемъ значительный контрастъ по отношенію къ Франціи. Англія также ведетъ много войнъ: вся средневѣковая исторія проходитъ въ борьбѣ Англіи и Франціи. Но для Франціи война - первая необходимость, вопросъ жизни и смерти, для Англіи она является средствомъ вывести избытокъ своихъ соціальныхъ силъ, выпустить людей, которымъ хочется пограбить, повоевать, обогатиться добычей и прославиться. Реальнаго значенія , однако, война, здѣсь не имѣетъ со временъ Норманнскаго завоеванія. Это, если можно такъ выразиться, потребленіе излишка національнаго производства. Вопросъ о существованіи націи никогда здѣсь не ставится въ такой рѣзкой формѣ, какъ во Франціи. Здѣсь выступаетъ на первый планъ по своему теченію, географическое, морское положеніе Англіи. Ее невозможно достать, схватить дома, для этого нужна грандіозная экспедиція въ родѣ экспедиціи Вильгельма Завоевателя, которая является своего рода крестовымъ походомъ, заблудившимъ на сѣверъ; послѣ XIII в. средствъ на такія экспедиціи нѣтъ. Это островное положеніе Англіи сыграло для нея неоцѣнимую услугу, потому что дало возможность заниматься внутренними дѣлами не такъ, какъ Франціи, гдѣ преимущественное значеніе получили иностранныя дѣла. Охранное положеніе Англіи и составляетъ одинъ изъ секретовъ ея міроваго могущества. Мы видимъ, что за Каналомъ, пользуясь выгоднымъ международнымъ положеніемъ, Англія сосредоточивалась на вопросахъ внутренняго управленія и права и развила ихъ именно въ Средніе вѣка несравненно большимъ успѣхомъ, чѣмъ Франція. Затѣмъ второе капитальное обстоятельство: въ Англіи феодальное разложеніе, сословныя распри не достигали такихъ рѣзкихъ формъ какъ во Франціи. Въ пер-

вый моментъ по завоеваніи Норманнами и подчиненіи Саксовъ видны двѣ группы, но раздѣленіе на эти двѣ группы совершенно не совпадаетъ съ раздѣленіемъ на феодальную аристократію и вилланов. Сохранился элементъ старо-свободный, посредствующій между рыцарскимъ и крѣпостнымъ, сохранились древнія учрежденія самоуправленія, графства и сотни. Эти учрежденія пріучаютъ население дѣйствовать заодно, вслѣдствіе чего въ мѣстности еще до образованія парламента составляется самоуправленіе. Въ этомъ отношеніи обнаруживается полнѣйшій контрастъ съ Франціей. Въ Германіи, восточномъ сосѣдѣ Франціи, увидимъ другое. Она тоже представляетъ рѣзкую своеобразную форму политическаго развитія. Прежде всего въ теченіе всѣхъ Среднихъ вѣковъ Германія не знаетъ своей терриоріи, не можетъ выяснить себѣ, гдѣ ея границы. Она все время находится въ переходномъ, бродячемъ, переселенческомъ движеніи. То она стремится на югъ, запутывается въ итальянскія отношенія безъ пользы для себя, потому что тамъ, подъ вліяніемъ похода не образуется сильнаго княжества, не совершается процесса кристалливаціи. Временами нѣкоторые императоры начинаютъ думать объ устройствѣ территоріальнаго базиса: Генрихъ IУ строитъ опорный базисъ въ Саксоніи, но подъ вліяніемъ борьбы съ папой его приходится бросить, Гогенштауфены ищутъ этого базиса на югѣ Италіи, въ Апуліи и Сициліи, предоставляя Германію самой себѣ. Фридрихъ II Гогенштауфенъ, представитель государственнаго авторитета, государь порядка и полицейской власти ослабляетъ свои королевскія права въ пользу германскихъ князей, чтобы укрѣпиться въ Сициліи. Уже тутъ

видно, что настоящаго равновѣсія національная монархическая власть не получаетъ и, конечно, не можетъ предъявить такихъ требованій, какъ во Франціи; но затѣмъ является другое обстоятельство: мы имѣемъ дѣло съ неустоявшимся національнымъ развитіемъ. Если мы присутствуемъ при ненормальныхъ комбинаціяхъ - Италія и Германія - при переходахъ черезъ Альпы, не дающихъ Германіи ничего существеннаго, то съ другой стороны встрѣчаемъ прелюбопытную колонизацію славянскаго востока. Эта работа имѣетъ первостепенное историческое значеніе, потому что она создала Германію. Теперешняя сильная Германія лежитъ вѣдь къ востоку отъ Эльбы, прежняя - къ западу. Колонизація эта начинается съ XII вѣка. Мы опять сталкиваемся здѣсь съ переселеніемъ народа; колонизаторская дѣятельность, поэтому, плохо мирится съ кристаллизаціей Германіи въ опредѣленныя національныя формы. Вслѣдствіе этого движенія мѣстные союзы - княжества и города получаютъ въ Германіи такое значеніе, котораго они не имѣли ни во Франціи, ни въ Англіи. Если посмотрѣть на соціальный составъ, то увидимъ, вслѣдствіе того, что государственная власть стоитъ наверху и не можетъ сжать народъ въ опредѣленныя рамки, отдѣльныя части Германіи строятся по своему, на началѣ политической особности, даже не по сословіямъ, а по областямъ, развивая свои цѣли. Landesfurstentum и Freistadt княжество и свободный городъ - двѣ первыхъ политическихъ формы, которыя являются въ Германіи. Какъ видите, все это является въ контрастѣ другъ съ другомъ. И тутъ приходится считаться съ двумя обстоятельствами: съ одной стороны съ вопросомъ о задачахъ внутренняго и внѣшняго государственнаго устройства, съ

другой стороны, съ вопросомъ о составѣ государственнаго порядка, о составѣ и отношенiи отдѣльныхъ частей государства другъ къ другу.

Совершенно ясно, что средневѣковая Францiя не сдѣлала всего того, что предстояло ей сдѣлать, но базисъ уже положенъ и въ концѣ Среднихъ вѣковъ намѣчаются вопросы, которые ей надо рѣшить въ Новой исторiи. Изъ этихъ намѣченныхъ, но не разрѣшенныхъ вопросовъ особенно важны три: во-первыхъ, вопросъ о приведенiи всѣхъ французскихъ провинцiй къ однообразному составу; объединенiе провинцiй съ точки зрѣнiя нацiональной уже было предрѣшено побѣдами въ Столѣтнюю войну, но еще въ концѣ XV в. существовала полная возможность отдѣленiя, напр., для герцогства Бургундскаго [по Рейну] и герцогства Бретанскаго. Тутъ является вотъ какой вопросъ: представляло ли бы герцогство Бургундское въ случаѣ своего отдѣленiя, особую нацiональность, особую культуру? И здѣсь возможенъ только такой отвѣтъ: герцогъ Бургундскiй опирался на связь земель, которыя тяготѣли французскою цивилизацiей и представляли французскую культуру. Основныя его земли, т.е. теперешняя Бургундiя, Савоя и Швейцарiя были французскiя по культурѣ, не французская въ этомъ отношенiи была лишь Фландрiя, гдѣ господствовала германская и валлонская культура, но и тутъ французскiй элементъ силенъ. Это, однако, не было прочнымъ основанiемъ для власти Бургундскаго герцога. Хотя онъ и былъ самостоятеленъ, но Бургундiя представляла отколокъ отъ Францiи. Этимъ самымъ уже опредѣлялось, предугадывалось ея поглощенiе. Если посмотрѣть на все

провинцiи, то видно, что до Рейна вездѣ совершилось культурное объединенiе. Есть только 2 - 3 провинцiи, въ которыхъ упорно держится культурная самостоятельность, напр., Бретань. Она и теперь представляетъ двѣ части. Bretagne française и Brétagne brétonnante далеко не одно и тоже. Населенiе "бретонской" Бретани говоритъ на старо-кельтскомъ языкѣ и вноситъ своеобразную бытовую окраску. Это особый уголокъ Францiи, которому некуда примкнуть. Къ Рейну и Пиринеямъ Францiя уже объединена языкомъ и культурой.

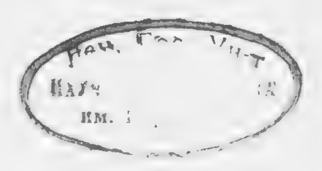
Вторoе, очень важное обстоятельство - это вопросъ, куда дѣваться французскому дворянству, куда употребить этотъ запасъ энергiи и самодѣятельности, который ищетъ выходъ въ теченiе всей его исторiи. Тутъ важно то, что въ концѣ XУ в. начинаютъ ставиться тѣ международные вопросы, которыми воспользовался Римъ и другiя государства, а всѣхъ серьезнѣе французскiй король: начинаются итальянскiя войны, а съ ними и постоянное вмѣшательство Францiи въ дѣла окружающихъ его государствъ. Въ этихъ походахъ дворянство научается быть монархическимъ, потому что ему открыта богатая карьера военной службы и успѣховъ. Въ этомъ смыслѣ оживленныя военныя отношенiя принесли неоцѣнимую пользу французскому государственному порядку, поскольку они примирили французское дворянство съ монархической организацiей.

Третiй вопросъ - вопросъ о характерѣ и свойствахъ королевской администрацiи. Мало имѣть короля, нужно имѣть и исполнителей его воли. Въ этомъ отношенiи Среднiе вѣка сдѣлали только самое начало. Въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ провинцiяхъ намѣтился классъ чиновниковъ, людей французскаго короля, пожалуй,

намѣтилась централизація, но она стѣснена еще цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ, во-первыхъ, значеніемъ дворянства въ управленіи провинціями, и во вторыхъ, образованіемъ контингента несмѣняемыхъ судей, приведшему къ росту такъ называемаго "дворянства мантіи" [noblesse de robe]. Новая исторія Франціи не могла снять этого дуализма: она не справилась съ противорѣчіемъ между полицейско-административными функціями съ одной стороны, и судебными съ другой. Первыя попали постепенно въ руки чиновниковъ и обюрократились, вторыя остались въ рукахъ независимой корпораціи. Образуется, такимъ образомъ, то начало, которое Монтескье назвалъ pouvoirs intermédiaires - начало промежуточныхъ властей. Эта монархія не похожа на Римскую имперію: она держится на степеняхъ почета, градаціяхъ вліянія, началѣ промежуточныхъ властей. Эти промежуточныя власти остатки феодальнаго строя, подъ рукой королевской власти, обезпечивали себѣ покупкой должностей нѣкоторую самостоятельность.

Несмотря на полную побѣду королевской власти въ Средніе вѣка, во Франціи сохранилась возможность различать между закономъ и произволомъ, частной волей французскаго короля. Это оказало вліяніе на всю исторію Франціи до самой революціи, которая окончательно устранила личное пониманіе государственной власти и поставила на мѣсто формулы L'état c'est moi девизъ — liberté, égalité, fraternité.

Конецъ




180

$Cu(NO_3)_2$

$CuO + H_2SO_4 = CuSO_4 + H_2O$ серная кисл.

5) $Ca(OH)_2 + CO_2 = CaCO_3 + H_2O$

$KOH + H_2SO_4 = K_2SO_4 + 2H_2O$

$CaCO_3 + 2HCl = CaCl_2 + H_2O + CO_2$ вытеснения

$AgNO_3 + HCl = AgCl + HNO_3$ [illegible]

$AgNO_3 + NaCl = AgCl + NaNO_3$ реакция для обмена

$CuS + 2HCl = CuCl_2 + H_2S$

$120 \mid 48$
$4 \mid 3$

[69]

